

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1963 · ЛЕНИНГРАД

Редактор
акад. М. П. АЛЕКСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пушкинская комиссия Академии наук имеет уже более чем полувековую историю. Образованная в 1900 году постановлением Отделения русского языка и словесности (от 30 сентября этого года)¹ — после завершения юбилейных торжеств по случаю столетия со дня рождения Пушкина, — комиссия эта явилась одним из первых начинаний научно-общественного характера, связанных с увековечением памяти поэта.²

Назначение комиссии первоначально было чисто практическое. После смерти академика Л. Н. Майкова, успевшего выпустить только первый том академического издания «Сочинений» А. С. Пушкина, Отделение русского языка и словесности Академии наук, озабоченное дальнейшей судьбой издания, постановило возложить именно на Пушкинскую комиссию всю организационную деятельность, связанную с его продолжением и общим руководством изданием.

Заседания вновь образованной комиссии начались в октябре 1900 года, и первой задачей, которую она себе поставила, была подготовка к печати материалов, собранных Л. Н. Майковым для его издания; оно и было осуществлено два года спустя под редакцией В. И. Саитова (Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 1902). Одновременно явилась мысль издавать от имени комиссии серию сборников, в которых могли бы публиковаться другие материалы и сообщения, необходимые для подготовки к печати очередных томов «Сочинений» Пушкина: этим изданием, служившим органом комиссии, и явились сборники «Пушкин и его современники», вышедшие вы-

¹ См. «Извлечения из протоколов заседаний Отделения русского языка и словесности» (СОРЯС, т. 72, СПб., 1903, стр. VII—VIII, XXI).

² 17 апреля 1900 года начала свои действия также Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности. См. «Историческую записку» общества, составленную Н. М. Мендельсоном. (М., 1911, стр. 94), и статью Н. К. Пиксанова «Пушкин и Общество любителей российской словесности» (Пушкин. Сборник первый, М., 1924, стр. 28—29).

пусками с 1903 года, в которых, кроме протоколов заседаний комиссии, помещались «труды членов комиссии и посторонних ученых, посвященные изучению биографии и сочинений Пушкина и писателей его эпохи, а равно лиц, имевших то или иное отношение к поэту».³ Сборники эти, ставшие со II выпуска (1904 год) «Повременным изданием комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук», выходили до 1930 года, когда был издан последний, двойной, XXXVIII—XXXIX выпуск, имевший подзаголовок «Повременное издание Пушкинской комиссии при Отделении гуманитарных наук Академии наук СССР». К этому времени прервалось далеко еще не законченное академическое издание «Сочинений» Пушкина и сама Пушкинская комиссия фактически прекратила свою деятельность: перед пушкиноведением выдвигались новые, более ответственные задачи — широко обсуждались и новые принципы издания сочинений классиков, предназначавшихся не для узкого круга специалистов; начат был также серьезный пересмотр текстологических проблем и новой методики изучения черновых рукописей. В этих условиях прекратилось и издание сборников «Пушкин и его современники».

В начале 30-х годов осуществилась давно уже возникшая мысль о новом академическом «Полном собрании сочинений» Пушкина. В связи с этим возобновила свою деятельность и Пушкинская комиссия, реорганизованная постановлением Президиума Академии наук СССР от 7 ноября 1933 года и причисленная к Институту русской литературы (Пушкинскому дому) АН СССР в Ленинграде.

Основной задачей, поставленной перед комиссией нового состава в течение первых лет ее деятельности, было «создание твердой научной базы для академического издания полного собрания сочинений Пушкина и всемерное содействие выпуску его в свет». В 1933 году комиссия созвала конференцию пушкиноведов Ленинграда и Москвы, на заседаниях которой организован был редакционный комитет нового академического издания «Полного собрания сочинений» Пушкина, разработана и утверждена программа этого издания. В разгар усиленной подготовки к юбилейному пушкинскому 1937 году деятельность комиссии заметно расширилась. Она стала центром объединения научных сил пушкиноведения и разработки научных проблем всестороннего изучения Пушкина, инициатором ряда мероприятий по увековечению его памяти, популяризации его наследия среди широких народных масс. С 1936 года Пушкинская комиссия начала выпускать свой печатный орган «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии»

³ Предисловие к I выпуску сборника «Пушкин и его современники» (СПб., 1903), стр. V—VI; см. здесь же «Извлечения из протоколов заседаний комиссии» (с октября 1900 по октябрь 1902 года).

(с 1936 по 1941 год вышло шесть выпусков в пяти томах). В этой новой серии сборников печатались отчеты о деятельности комиссии и о работе редакторов академического издания, а также такие статьи и материалы, которые своей ближайшей целью имели содействие подготовке нового академического «Полного собрания сочинений» Пушкина: выявлению всего наличия пушкинских автографов, исследованию вопросов творчества Пушкина, пополнению и проверке материалов для биографии поэта, учету и регистрации старой и новой литературы о Пушкине.

В годы Великой Отечественной войны деятельность комиссии прервалась, так же как прервалось издание ее «Временника» и само академическое издание. По окончании войны последнее возобновилось на материале, почти целиком подготовленном в довоенные годы. Но не возобновились ни деятельность Пушкинской комиссии, ни издание ее «Временников». Это объясняется в значительной мере тем, что более половины членов комиссии за годы войны и в первые послевоенные годы скончалось, а завершение работ по академическому изданию (в основном законченному в 1949 году) не требовало особых вспомогательных органов. В дальнейшем, когда изучение рукописного наследия Пушкина сосредоточено было в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук в Ленинграде, ставшем хранилищем всех автографов поэта, когда институт с 1949 года по постановлению Президиума Академии наук СССР стал организатором ежегодных «Всесоюзных Пушкинских конференций» (труды которых выходили в свет отдельными книгами) и усилил свою издательскую деятельность в области пушкиноведения выпуском монографий о Пушкине, сборников материалов о нем и библиографических пособий, деятельность Пушкинской комиссии почти не проявлялась, ее заседания почти не созывались; протоколы этих заседаний не печатались, а решения комиссии не освещались в печати.

Между тем возобновление и активизация деятельности комиссии на более широкой основе настоятельно требовались в силу целого ряда причин. Творчество Пушкина занимает исключительное место в истории русской и мировой культуры. С каждым годом растет значение Пушкина, интерес к его изучению в Советском Союзе и за рубежом. Существуют и увеличиваются многообразные организации пушкиноведов в национальных республиках Советского Союза, при научно-исследовательских учреждениях, отделениях Союза писателей, музеях и т. д., силы которых не координированы; работы здесь ведутся бессистемно и без связи между собой и нередко дублируют друг друга: в особенности это следует сказать относительно различных научных институтов и кафедр высших учебных заведений, краеведов и т. д. В наше время творения Пушкина впервые обрели подлинную и полную народность, стали достоянием миллионов трудящихся, продол-

жают оказывать многостороннее влияние на расцветающие социалистические культуры не только русского народа, но и всех других народов Советского Союза. Это вполне подтвердили Пушкинские памятные даты 1937 и 1949 годов, превратившиеся во всенародные празднества и оказавшие мощное воздействие на развитие музыки, театра, изобразительных искусств. Учет всех этих воздействий наследия Пушкина на народное искусство в широком смысле этого слова становится все более трудной задачей, если к этому делу не будут привлечены не только пушкиноведы — историки литературы, но и деятели литературы и искусства, живущие в разных городах и культурных центрах всей нашей страны.

Исходя из указанных соображений, Президиум Академии наук СССР постановлением от 26 сентября 1958 года принял предложение Бюро Отделения литературы и языка о возобновлении и активизации деятельности комиссии и утвердил «Положение» о новой «Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР». Основными задачами Пушкинской комиссии по этому вновь учрежденному «Положению» являются: «а) определение важнейших и наиболее актуальных проблем изучения творческого наследия Пушкина; б) координация работы пушкиноведов Советского Союза для решения этих проблем и соответствующее согласование планов работ различных научно-исследовательских учреждений и отдельных лиц; в) установление и развитие международных связей пушкиноведов, выявление и учет материалов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, находящихся за рубежом; г) содействие учреждениям и лицам, ведущим научно-популярную деятельность, связанную с творчеством Пушкина». В круг прав и обязанностей Пушкинской комиссии в соответствии с указанным „Положением“ входят: «а) научное руководство всеми мероприятиями в области изучения творчества Пушкина, имеющими общесоюзное значение; б) организация совещаний по различным вопросам пушкиноведения; в) рассмотрение спорных вопросов пушкинской текстологии; издание трудов и бюллетеня комиссии».

Выполняя свою первоочередную из перечисленных задач, комиссия опубликовала составленную по ее поручению группой авторитетных пушкиноведов записку: «Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе» («Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1962, т. XXI, вып. 1, стр. 14—38). В этой записке перечислены и теоретически обоснованы важнейшие задачи в области изучения жизни и творческого наследия Пушкина в настоящее время, а также характеризованы те условия, при которых необходимые для науки о Пушкине новые исследования и труды могут быть осуществлены. В этой записке отмечена также необходимость постоянной информации о планах и ходе работ по изучению жизни и творчества Пушкина

в сборниках «Пушкин. Исследования и материалы» и «Временник Пушкинской комиссии».

Сборники «Пушкин. Исследования и материалы» выпускаются Институтом русской литературы АН СССР с 1956 года (в настоящее время вышло четыре тома); в них печатаются исследования и статьи о Пушкине общего характера, доклады, читанные на Пушкинских конференциях, труды итогового характера с теоретическим уклоном, а также статьи на более частные темы, публикации неизданных материалов, критические обзоры и т. д. Однако так как выход в свет этих сборников, больших по объему, не является периодическим, представляется весьма затруднительным своевременно отражать в них весь ход пушкиноведения. Критико-библиографические обзоры и рецензии на новые труды о Пушкине, а в особенности материалы хроникального характера (о ходе изучения и популяризации Пушкина в Советском Союзе и за рубежом, о деятельности Пушкинских комиссий, музеев, о работах Пушкинских семинаров в вузах, об охране памятных мест, связанных с именем поэта, о важнейших событиях в искусстве, имеющих непосредственное отношение к его творчеству, и т. д.) появлялись здесь со значительным запозданием и неполнотой.

Предлагаемый вниманию читателей первый выпуск новой серии сборников «Временника Пушкинской комиссии» призван в известной мере содействовать устранению указанного недостатка. Являясь печатным органом Пушкинской комиссии, согласно «Положению» о ней, «Временник» осуществляет возложенные на нее задачи и в первую очередь стремится всесторонне периодически отражать развитие пушкиноведения в Советском Союзе и за рубежом. Во «Временнике» будут по возможности широко освещаться не только деятельность самой комиссии, но все сколько-нибудь значительные события в области изучения жизни и творчества Пушкина или отражения их в литературе, искусстве или культурной жизни. «Временник» будет периодически оповещать о находках новых рукописей поэта, о новых работах о нем, обо всем, что связано с его именем, помещая предварительные публикации рукописных материалов или небольшие заметки исследовательского характера, обзоры и хроникальные данные.

Первый выпуск «Временника» в основном посвящен 125-летней годовщине со дня гибели поэта, широко отмеченной в нашей стране и за рубежом. В организации памятных заседаний и многих других организационных мероприятий, связанных с указанной датой, Пушкинская комиссия сыграла немалую роль, объединяя и координируя деятельность Пушкинских комитетов, организованных в 1962 году на местах, и собирая сведения о том, как отмечены были памятные дни в различных городах и местностях нашей страны; все эти данные (полученные комиссией до сентя-

бря 1962 года) отражены в публикуемых библиографических обзорах и в своде хроникальных заметок. В настоящий выпуск «Временника» включены сообщения о новых автографах Пушкина, приобщенных к основному их фонду, хранящемуся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград); их научное описание сопровождают заметки текстологического и библиографического содержания, подводящие итоги изучения указанных рукописей. Далее, в настоящем выпуске публикуются материалы для биографии и творческой деятельности Пушкина, извлеченные главным образом из архивных, неопубликованных источников.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ПОСЛЕДНИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПУШКИНСКОГО РУКОПИСНОГО ФОНДА

О. С. СОЛОВЬЕВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АВТОГРАФАХ ПУШКИНА

1

Почти все сохранившиеся до наших дней автографы Пушкина, а также разного рода рукописные материалы, так или иначе связанные с его именем, хранятся сейчас в Рукописном отделе Пушкинского дома, составляя особый Пушкинский фонд. Но, несмотря на большое разнообразие и, казалось бы, полноту собранных уже архивных материалов, до сих пор выявляются новые автографы и документы, ранее неизвестные или считавшиеся утраченными. Даже краткий перечень рукописей Пушкина, найденных за прошедшие пять-шесть лет (последний обзор во втором томе сборника «Пушкин. Исследования и материалы» был доведен до 1957 года), представляет картину весьма примечательную.

Несколько лет тому назад Т. Г. Цявловская обнаружила в Остафьевском архиве (Центральный государственный архив литературы и искусства) затерявшееся письмо Пушкина к В. Ф. Вяземской от конца августа 1830 года,¹ а позднее — его шуточную надпись (на обертке от пакета), адресованную ей же и прежде неизвестную.² В г. Горьком А. В. Сигорским вновь найден был альбом А. Д. Остафьева с вписанными в него рукой Пушкина

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, № 518 (в дальнейшем указываются только том и номер письма или страница). — Печаталось по копии (сверенной с подлинником Б. Л. Модзалевским) в наборной рукописи второго тома «Переписки» Пушкина под редакцией В. И. Саятова.

² Опубликована в «Неделе» (воскресное приложение к газете «Известия»), 1962, № 6, стр. 8.

последними стихами Державина.³ В марте 1959 года Пушкинский дом получил в дар от профессора И. М. Саркизова-Серазини письмо Пушкина к Л. М. Алымовой, местонахождение которого после 1946 года было неизвестно (т. XVI, № 1356; печаталось по фотокопии).⁴ Н. В. Измайлов обнаружил в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве библиографическую помету Пушкина на одном из листов дела о Пугачеве.⁵ Р. В. Овчинников опознал подобного же рода пометы на трех листах из бумаг А. П. Галахова, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов;⁶ он же нашел в Архиве внешней политики России в Москве две расписки Пушкина от 15 июня 1817 года и от конца января 1832 года о чтении указа Екатерины II — в одной из книг Коллегии иностранных дел.⁷

В 1960 году Т. Г. Цявловская опубликовала в первом номере журнала «Русская литература» неизвестный автограф из собрания московского коллекционера В. Г. Данилевского: записанную Пушкиным и, возможно, кое-где правленную им эпиграмму Баратынского на Булгарина — «Он точно, он бесспорно...». Недавно эта автобиографическая запись приобретена у наследников В. Г. Данилевского Пушкинским домом.⁸ Годом раньше вышла книга известного артиста, писателя, библиофила и собирателя Н. П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о книгах», в которой два рассказа — «Судьба одного автографа» и «Я помню чудное мгновение» — посвящены двум автографам Пушкина, давно и, казалось, бесследно исчезнувшим из поля зрения пушкинистов.⁹ Оба автографа оказались в коллекции Н. П. Смирнова-Сокольского. Ко дню 125-летия со дня смерти Пушкина вдова собирателя С. П. Близникова, выполняя неоднократно высказывавшуюся

³ Сообщение о нем впервые появилось в 1902 году («Литературный вестник», т. III, кн. 2, стр. 251); первое описание альбома было сделано Б. А. Садовским («Лукоморье», 1915, № 16, стр. 10—12). После этого местонахождение альбома долгое время считалось неизвестным. Сообщение о вторичной находке см.: «Арзамасская правда», 1955, № 127, 29 июня; «Вечерний Ленинград», 1956, № 292, 15 декабря; краткое описание альбома и сведения о его судьбе содержатся в заметках А. Исаева («Горьковская правда», 1961, № 155, 2 июля) и А. Сигорского («Вопросы литературы», 1962, № 4, стр. 248—249).

⁴ См.: «Ленинградская правда», 1959, № 84, 9 апреля.

⁵ Опубликовано в сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 444—445. См. также публикацию Р. В. Овчинникова: «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, стр. 98.

⁶ Напечатаны в сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV, 1962, стр. 362—365.

⁷ «Огонек», 1961, № 48, стр. 26; расписка от 15 июня 1817 года была учтена М. А. Цявловским в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (т. I, Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 128).

⁸ См. ниже заметку Я. Л. Левкович, стр. 19—20.

⁹ Ник. Смирнов-Сокольский и др. Рассказы о книгах. Изд. Всесоюзной Книжной палаты, М., 1959 (второе издание — 1960), стр. 287—302 и 303—314 (с полными репродукциями между стр. 294, 295 и 304, 305). См. ниже заметку М. П. Алексева, стр. 21—28.

устно и печатно волю своего мужа (Н. П. Смирнов-Сокольский скончался 13 января 1962 года), принесла эти автографы в дар Пушкинскому дому.¹⁰ Обратимся к их рассмотрению.

2

Письмо Пушкина к Анне Петровне Керн относится к 1825 году. Оно написано чернилами, по-французски, на двойном листе бумаги большого почтового формата (204 × 249) с водяным знаком «Гг. X. 1824. Г.». Письмо датировано 14 августа, по содержанию же его видно, что писалось оно накануне, 14-го сделана лишь приписка. Сложено оно было в четыре раза, а не конвертом, как складывали тогда письма, пересылаемые почтой. Оба листа исписаны с обеих сторон, адреса нет. Вероятно, оно было послано в Ригу, где находилась А. П. Керн, с оказией или вложено в какое-то другое письмо. Позднее бумага сильно протерлась и надорвалась на сгибах. На первом листе, в левом верхнем углу, имеется карандашная помета: «№ 199». Письмо вложено в большой лист бумаги, надписанный рукой М. И. Семевского, а затем — в синюю обложку редакции «Русской старины», тоже с надписью Семевского, не отвечающей, правда, теперешнему ее вложению (в ней хранилось письмо Пушкина к А. П. Керн от 8 декабря 1825 года).

Вместе с другими письмами поэта письмо от 13—14 августа было опубликовано в 1859 году П. В. Анненковым в написанных по его инициативе воспоминаниях А. П. Керн о Пушкине.¹¹ В 1870 году Керн продала хранившиеся у нее письма редактору-издателю журнала «Русская старина» М. И. Семевскому (кроме одного, от 25 июля 1825 года, попавшего к собирателю В. И. Яковлеву).¹² Одно письмо от 21 июля 1825 года, адресованное Анне Николаевне Вульф, но наполовину посвященное А. П. Керн,

¹⁰ См.: «Огонек», 1962, № 10, стр. 3.

¹¹ «Библиотека для чтения», 1859, т. 154, март, стр. 111—144.

¹² Ср.: «Русская старина», 1879, т. XXVI, ноябрь, стр. 505, где в примечании к этому письму, напечатанному первым, сказано, что письма приводятся «прямо с подлинников, принадлежащих редакции „Русской старины“». В хранившейся в Рукописном отделе регистрационной книге, куда записывались все поступавшие в редакцию журнала рукописи, под № 199 имеется запись о покупке у Марковой-Виноградской (фамилия Анны Петровны Керн во втором замужестве) «8 писем Пушкина (с копиями)». Подробная опись этих восьми писем содержится в письме М. И. Семевского от 17 октября 1880 года в Комитет по устройству Пушкинской выставки, куда они представлялись (Пушкинский дом (ПД), ф. 244, оп. 7. № 63). В списке названо и письмо от 13—14 августа, письма же от 25 июля нет. В отличие от всех писем, перечисленных Семевским, где выставлен карандашом № 199 и имеются проколы от скрепок, которыми каждое письмо прикреплялось к обложкам, на письме из собрания Яковлева ни следов номера, ни проколов нет. Очевидно, Семевскому оно не принадлежало, а в примечании «Русской старины» допущена неточность.

в 1881 году Семевский подарил археографу и коллекционеру барону Н. К. Богушевскому,¹³ от которого оно перешло к другому собирателю И. И. Курису, а от его наследников попало наконец в Пушкинский дом. У Семевского оставалось семь писем. После его смерти (1892) они достались его дочери А. М. Семевской, умершей в 1921 году и незадолго до смерти, по-видимому, продавшей шесть писем (из них одно написано Пушкиным совместно с Анной Вульф, в другом письме Анны и Алексея Вульфов Пушкин сделал только приписку) известному ленинградскому книжнику-антиквару Ф. Г. Шилову. От него эти письма приобретены в 1926 году Пушкинским домом. Отделившееся от остальных письмо с датой «14 августа» в 30-х годах было куплено в Ленинграде неким И. С., который передал его известному московскому книжнику А. Г. Миронову, а последний подарил его Н. П. Смирнову-Сокольскому.

Теперь все письма Пушкина к Анне Петровне Керн хранятся в Пушкинском доме.

3

Еще более сложной была судьба второго автографа из собрания Смирнова-Сокольского — листка с записью стихотворений «Чистый лоснится пол...» и «Славная флейта, Феон...». Отмеченные сверху цифрами «1» и «2» стихотворения имеют общий заголовок: «Подражания древним». Под каждым находится помета об источнике: «(Из Ксенофана Колофонского)» и «(Из Афедея)», а в конце выставлена дата: «1832». Текст стихотворений беловой, с одной лишь только помаркой (исправление описки) в первом из них. Оба стихотворения написаны чернилами, очень отчетливо, с тщательно расставленными знаками препинания, что далеко не всегда можно встретить в беловых рукописях, и даже с отметками ударений в словах «Скíрпал» и «Вáтала». Впервые «Подражания древним» были напечатаны в 1834 году в восьмой книге (т. V) «Библиотеки для чтения» и, как показывает сходство с рассматриваемой здесь рукописью, напечатаны именно по ней.¹⁴ Самая тщательность, с какой переписаны стихотворения, свидетельствует, что рукопись предназначалась для публикации. Составление ее можно отнести к первой половине или скорее к середине 1834 года.¹⁵ Текст занимает обе стороны полулиста большого почтового формата (206 × 230) с водяным знаком «А. Г. 1830». Этой бумагой Пушкин особенно широко пользовался в 1833—1835 годах.

¹³ Что было отмечено в регистрационной книге «Русской старины».

¹⁴ Для набора с нее, по-видимому, была снята точная копия, иначе на автографе остались бы отпечатки пальцев наборщика.

¹⁵ Цензурное разрешение на выпуск V тома «Библиотеки для чтения» было дано 31 июля 1834 года.

в 1881 году Семевский подарил археографу и коллекционеру барону Н. К. Богусhevскому,¹³ от которого оно перешло к другому собирателю И. И. Курису, а от его наследников попало наконец в Пушкинский дом. У Семевского оставалось семь писем. После его смерти (1892) они достались его дочери А. М. Семевской, умершей в 1921 году и незадолго до смерти, по-видимому, продавшей шесть писем (из них одно написано Пушкиным совместно с Анной Вульф, в другом письме Анны и Алексея Вульфов Пушкин сделал только приписку) известному ленинградскому книжнику-антиквару Ф. Г. Шилову. От него эти письма приобретены в 1926 году Пушкинским домом. Отделившееся от остальных письмо с датой «14 августа» в 30-х годах было куплено в Ленинграде неким И. С., который передал его известному московскому книжнику А. Г. Миронову, а последний подарил его Н. П. Смирнову-Сокольскому.

Теперь все письма Пушкина к Анне Петровне Керн хранятся в Пушкинском доме.

3

Еще более сложной была судьба второго автографа из собрания Смирнова-Сокольского — листка с записью стихотворений «Чистый лоснится пол...» и «Славная флейта, Феон...». Отмеченные сверху цифрами «1» и «2» стихотворения имеют общий заголовок: «Подражания древним». Под каждым находится помета об источнике: «(Из Ксенофана Колофонского)» и «(Из Афедея)», а в конце выставлена дата: «1832». Текст стихотворений беловой, с одной лишь только помаркой (исправление описки) в первом из них. Оба стихотворения написаны чернилами, очень отчетливо, с тщательно расставленными знаками препинания, что далеко не всегда можно встретить в беловых рукописях, и даже с отметками ударений в словах «Скíрпал» и «Вáтала». Впервые «Подражания древним» были напечатаны в 1834 году в восьмой книге (т. V) «Библиотеки для чтения» и, как показывает сходство с рассматриваемой здесь рукописью, напечатаны именно по ней.¹⁴ Самая тщательность, с какой переписаны стихотворения, свидетельствует, что рукопись предназначалась для публикации. Составление ее можно отнести к первой половине или скорее к середине 1834 года.¹⁵ Текст занимает обе стороны полулиста большого почтового формата (206 × 230) с водяным знаком «А. Г. 1830». Этой бумагой Пушкин особенно широко пользовался в 1833—1835 годах.

¹³ Что было отмечено в регистрационной книге «Русской старины».

¹⁴ Для набора с нее, по-видимому, была снята точная копия, иначе на автографе остались бы отпечатки пальцев наборщика.

¹⁵ Цензурное разрешение на выпуск V тома «Библиотеки для чтения» было дано 31 июля 1834 года.

c'est celui d'être votre mari. comment peut-
-on être votre mari? c'est admette j'en
peux me faire une idée, non plus que du
paradis.

Ceci était écrit hier. aujourd'hui j'en
sépate, je me suis pourquis j'en étois mis
en tête de recevoir une lettre de vous. cela m'a
par calcul & je suis d'une humeur de
chien le plus injustement du monde,
j'aurais dû être reconnaissant pour
la faire passer, j'aurais, mais que vou-
lez vous? je vous supplie, Divins
compatissez à ma faiblesse, aimez moi
aimé moi & j'obtiens alors d'être
aimable. adieu, je vous aime.
14 août

В собрании Пушкинского дома есть более ранние, перебеленные с поправками, автографы стихотворений «Чистый лоснится пол...» и «Славная флейта, Феон...», написанные карандашом на двух небольших листках. Первое датировано 12 января 1833, второе — 1 января того же года, когда они, очевидно, в первый раз были переписаны набело. Вчерне же Пушкин, по-видимому, завершил их еще в конце 1832 года и эту дату указал для печати.

Листок с окончательным беловым текстом «Подражаний древним» оказался во Франции, в собрании автографов Александра Ваттемара, драматического артиста, мима и чревовещателя, неутомимого путешественника, страстного коллекционера и пропагандиста идеи постоянного, организованного обмена дублетами между разного рода государственными и частными коллекциями и библиотеками.

Судить о принадлежности автографа к собранию Ваттемара можно по бывшей на нем помете. На первой странице листа сверху и сейчас сохранилась надпись чернилами, по-французски: «Autographe de Pouschkin». К этому карандашом, другим почерком, было приписано: «à Mr Vattemare», и той же рукой у нижнего края листа: «Pouschkin, Alexandre, poëte russe». ¹⁶ Теперь запись карандашом наверху стерта, а внизу срезана, поэтому лист в высоту на 3 см короче своего нормального размера. По-видимому, полоса от нижней части листа была кем-то отрезана для того, чтобы уничтожить следы овального штемпеля, поставленного прежним владельцем автографа в правом нижнем углу на обороте листа. ¹⁷ Однако все это относится уже к более позднему времени.

В 1834 году Александр Ваттемар приезжал в Россию. Находясь в течение мая, июня и июля в Петербурге, он более пятна-

¹⁶ Пометы карандашом отчетливо видны на воспроизведении первой страницы в «Альбоме Пушкинской юбилейной выставки в императорской Академии наук в С.-Петербурге» (М., 1899, л. 68 второй пагинации), где автограф «Подражаний древним» значился принадлежащим к собранию П. Л. Вакселя. Как указано в академическом издании Пушкина, в примечании к стихотворению «Чистый лоснится пол...» (т. III, полутом 2, стр. 1240), эта же страница рукописи была репродуцирована во втором издании (1848) выпущенного в Париже самим Ваттемаром «Всемирного альбома» («Album cosmopolite»), составленного из литографий с рисунков и факсимиле автографов из его коллекции.

¹⁷ След этого штемпеля можно видеть на воспроизведении второй страницы автографа, данной по фотокопии из собрания П. Е. Щеголева в «Литературном наследстве» (1934, № 16—18, стр. 892). Точно такой же штемпель с именами Браша-Вакселя (Brasch-Waxel) имеется на фотографии, снятой до 1917 года с письма Пушкина к А. Н. Муравьеву (ПД, ф. 244, оп. 1, № 663; фотокопия хранится вместе с подлинником); когда в 1929 году письмо было приобретено Пушкинским домом, угол второго листа со штемпелем был уже оторван. Внимательное рассмотрение автографа «Подражаний древним» и сличение его с указанными выше воспроизведениями убеждает, что как фотокопия Щеголева, так и факсимиле в «Альбоме» 1899 года делались непосредственно с подлинника.

дцати раз выступал — при многочисленном стечении публики, несмотря на летнее время, — на сценах Александрийского и Михайловского театров с тремя одноактными комедиями («Хитрый слуга», «Пароход» и «Хромой бес»), в которых один исполнял по пяти-семи ролей на французском, немецком и английском языках.¹⁸ В это время Ваттемар завязал знакомство с Крыловым, Жуковским, Козловым, Пушкиным и от всех получил автографы. Жуковский приглашал его к себе, и, вероятно, Ваттемар не преминул этим воспользоваться. У И. И. Козлова, судя по записям в его дневнике, Ваттемар был четыре раза,¹⁹ представив в один из вечеров, по просьбе слепого поэта, в присутствии Жуковского, «несколько опытов своего голосоизменения, называемого ошибочно чревовещанием», как сообщалось в «Северной пчеле» (1834, № 171, 31 июля — «Русский театр»)²⁰.

Кроме листка «Подражаний древним»,²¹ в собрании Ваттемара находились французская запись евангельского изречения («Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs»), сделанная Пушкиным на отдельном листке специально для альбома поразившего его своим искусством артиста,²² и письмо, которое поэт написал ему, вероятно во второй половине июля 1834 года (т. XV, № 987). До этого, 9 июля, очевидно по просьбе Ваттемара, Пушкин написал М. Н. Загоскину, бывшему тогда директором императорских театров в Москве, о намерении Ваттемара поехать в Москву и дать там ряд представлений. В письме к Ваттемару поэт сообщал, что ответ Загоскина еще не получен, и обещал немедленно по получении препроводить его Ваттемару.

¹⁸ См.: «Северная пчела», 1834, №№ 115, 121, 122, 125, 127, 136, 138, 142, 155, 159, 161, 165, 168, 170 (извещения о спектаклях), № 129 («Русский театр»); 1835, № 219 («Петербургский театр»).

¹⁹ «Старина и новизна», кн. XI, 1906, стр. 53; «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1906, т. XI, кн. 1, стр. 219, 220.

²⁰ Наиболее подробно сведения о Ваттемаре изложены в названной выше книге Н. П. Смирнова-Сокольского (см. рассказ «Судьба одного автографа»). Сводка их, с указанием источников, была сделана М. П. Алексеевым в примечании к статье Б. В. Варнеке «Пушкин и актеры» в сборнике «Пушкин. Статьи и материалы. Сборник Пушкинской комиссии Одесского Дома ученых» (вып. II, Одесса, 1926, стр. 46); дополнительные данные содержатся в статье М. П. Алексеева «Из истории русских рукописных собраний» в сборнике «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 21—22). См. также: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 638—639 (сводка М. А. Цявловского) и заметку Л. Львова «Пушкин в „Космополитическом альбоме“ Ваттемара» — «Пушкин», однодневная газета, Париж, 1937, стр. 6.

²¹ Возможно, Пушкин сам подарил Ваттемару этот автограф (если рукопись осталась у него, а текст уже был отдан для напечатания).

²² Запись эта была воспроизведена как в первом, так и во втором изданиях (1837 и 1848) «Всемирного альбома» Ваттемара.

Основываясь на рассказе младшего шурина Пушкина, С. Н. Гончарова,²³ все комментаторы считают, что Ваттемар бывал и у Пушкина, позабавив его при этом уморительно разграниченной сценкой, под впечатлением которой поэт написал в присутствии Гончарова приведшее его в восторг стихотворение. Эпиграфом же к нему были взяты те самые слова евангелия («Что ти есть имя? он же рече: легион, яко беси мнози внидоша в онь»), которые сохранились написанными по-французски с датой 16 июня 1834 года на листке для альбома Ваттемара. Упомянутое Гончаровым стихотворение остается неизвестным. Если оно действительно было написано (можно допустить, что оно было набросано вчерне и потом затерялось), то это могло произойти в промежутке между последними числами мая (около 29 мая Пушкин сообщает жене о приехавшем в Петербург «вантрилоке», «который смешил его до слез») и до 16 июня, когда поэт написал для Ваттемара евангельское изречение по-французски.

По-видимому, рассказ С. Н. Гончарова был записан с его слов в ноябре 1864 года, через тридцать с лишним лет после событий, о которых он вспоминает.²⁴ Поэтому некоторые невязки в нем можно было бы отнести за счет давности происходившего.²⁵ Но возможно и другое: рассказ Гончарова относится не к 1834, а к 1832 году,²⁶ когда в Петербург (а затем и в Москву) также приезжал «вантрилок», но другой — немец Шмит, упоминаемый в переписке братьев Булгаковых.²⁷

Все это отнюдь не исключает возможности посещения Пушкина Ваттемаром лишь при несколько иных обстоятельствах, чем те, о которых рассказывал шурин поэта. И уж, конечно, вне вся-

²³ «Русская старина», 1880, т. XXVIII, май, стр. 95—96.

²⁴ «Русский архив», 1881, кн. II, стр. 497, примечание 2.

²⁵ С. Н. Гончаров вспоминает о семейном обеде в доме Пушкина, во время которого поэт рассказывал о «выходках» чревоугодника. Но, когда в 1834 году приехал «вантрилок» Ваттемар, семейство Пушкина находилось в деревне, а сам он, оставшись один, как видно из писем его к жене, обедал не дома, а в ресторане Дюме.

²⁶ Мы не знаем, жил ли С. Н. Гончаров в 1832 году вместе с семейством Пушкиных, но с апреля этого года он начал службу унтер-офицером в Киевском гренадерском полку в Петербурге.

²⁷ См.: «Русский архив», 1904, кн. I, стр. 71; 1902, кн. I, стр. 285. — Принято считать, что в 1832 году Булгаковы писали о Ваттемаре. Однако маловероятно, чтобы русские газеты, так много писавшие в 1834 году о необыкновенном успехе Ваттемара и упоминавшие при этом о его пребывании в различных государствах Европы, ни словом не обмолвились о предшествующем посещении им России, если бы оно имело место. В 1832 году его имя в русской печати не встречается. Между тем К. Я. Булгаков сообщал брату о Ваттемаре в письме из Петербурга от 5 июня 1834 года: «Наш вантрилок подлинно чудесный; особливо в нем удивительна скорость, с какою он переодевается... Он вас позабавит, если к вам поедет, в чем не сомневаюсь» («Русский архив», 1904, кн. I, стр. 421).

кого сомнения — встречи и знакомство Пушкина с необыкновенным, разносторонне образованным человеком, артистом и коллекционером.

Из «Парижских писем» Николая Греча (СПб., 1847, стр. 234—237) известно, что в 1843 году Александр Ваттемар, который к этому времени «оставил свое драматическое поприще» и целиком отдался проведению в жизнь своего проекта международного обмена книжными и иными дублетами (в связи с этим он три года прожил в Соединенных Штатах и был на острове Куба), устраивал в Париже специальную выставку своей коллекции рисунков, разделенных на отделы по странам и нациям, среди которых русский отдел пользовался особым вниманием знатоков.

В декабре 1864 года (очевидно, после смерти Ваттемара) коллекция его была распродана на аукционе в Париже.²⁸ Трудно установить, кто приобрел тогда два автографа Пушкина (запись евангельского изречения и «Подражания древним»).²⁹ В 1899 году второй из них находился у известного русского собирателя П. Л. Вакселя. У него же оказалась и запись цитаты из евангелия.³⁰ Позднее значительную часть своего собрания, в том числе и эти два автографа, Ваксель передал своему воспитаннику и про-

²⁸ См. сообщение об этом Н. К. Богушевского: «Русская старина», 1880, т. XXIX, № 9, стр. 221.

²⁹ Основываясь на упомянутом выше (примечание 28) сообщении, М. П. Алексеев полагает, что первый из автографов был куплен Н. К. Богушевским (см.: сб. «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков...», стр. 22).

Третий из бывших у Ваттемара автографов — письмо к нему Пушкина — был, по-видимому, куплен французским коллекционером Альфредом Бове, от которого перешел к Этьену Шараве, затем к одесскому собирателю И. И. Курису, а от его наследников поступил в Пушкинский дом (см. научное описание Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме», М—Л., 1937, № 610).

³⁰ На обороте листа с этой записью (ПД, № 779) в правом нижнем углу имеется след соскобленного овального штемпеля собрания Браша-Вакселя, как на упомянутом нами выше письме Пушкина к А. Н. Муравьеву и на листке с белой записью «Подражаний древним». Попасть к Вакселю ранее 1871 и позднее 1877 года эти автографы не могли, так как коллекцию он начал собирать — вместе со своим товарищем по Лейпцигскому университету Виктором фон Брашем — именно с 1871 года, а в 1877 году Браш умер (см.: Э. Э. Найдич. Автографы русских писателей в собрании П. Л. Вакселя. «Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, JL, 1955, стр. 89). Вакселю принадлежали, кроме трех названных, еще два автографа: набросок предпоследней строфы к стихотворению Д. В. Давыдова «Храбрым повесе» («Так старый хрыч цыган Илья...») и белая рукопись стихотворения «19 октября 1827» (там же, стр. 92). Они также хранятся теперь в Пушкинском доме.

По указу Его Императорского Высочайшего
и Императора Александра Павловича
Самодержца Всероссийскаго.

И прочая, и прочая, и прочая

Показали село, владимирскаго Государства
Императорской Комиссии иностранных делъ
Комиссiи Секретарь Александръ Пушкинъ,
отправленъ по надобности въ службу
къ Главному почтамтамъ Владимирскаго
Губернаго Округа России, в. Генералу Лейте-
нанту Казару; По случаю сего Высочайшего
приказа сей Комиссiи въ императорской Комиссии
данъ ему въ Санктпетербургѣ 11-го
5-го дня 1820-го года.

Графъ Шершневъ

Усего Его Импе-
раторскаго Ве-
личества
Государствен-
ной Комиссии
Иностранныхъ
делъ печать.

Сергей Михайловичъ

должателю, тоже известному коллекционеру — Э. П. Юргенсону.³¹ Французская запись из евангелия в 1915 году поступила от него в Пушкинский дом (ПД, № 779). Листок с текстом «Подражаний древним» надолго исчез, пока Н. П. Смирнов-Сокольский не разыскал его, чтобы вновь обнародовать. И нельзя не пожалеть, что сам он не успел написать «отдельного повествования» о том, как ему удалось найти, казалось, пропавший пушкинский автограф.³²

4

Кроме подлинных рукописей Пушкина, поступивших в начале 1962 года, в 1961 году Пушкинский фонд пополнился одним чрезвычайно интересным документом, идущим, по-видимому, из личного архива поэта. Это подорожная («пашпорт»), выданная Пушкину Коллегией иностранных дел 5 мая 1820 года «для свободного проезда» из Петербурга к главному попечителю колонистов Южного края России генералу Инзову, к которому поэта отправляли «по надобностям службы», как было сказано в «пашпорте». Этой подорожной открывался для него первый этап ссылки, продолжавшейся более шести лет.

Подорожная представляет собой двойной лист бумаги большого (писчего) формата. Текст ее написан на первой странице рукой секретаря Коллегии, лицейского товарища Пушкина, М. Л. Яковлева, собственноручно подписан управляющим Министерством иностранных дел графом К. В. Нессельроде и скреплен сургучной печатью. Лист был сложен вчетверо, бумага сильно загрязнилась, пожелтела, протерлась и надорвана на сгибах.

Текст документа таков:

«По указу его величества государя императора Александра Павловича самодержца Всероссийского.

И прочая, и прочая, и прочая.

³¹ На обоих автографах, в левом нижнем углу лицевой стороны листа, сохранились слабые, правда, следы штемцеля: «Собрание Э. П. Юргенсона». О коллекции Юргенсона см.: «Столица и усадьба», 1915, № 42, стр. 3—4.

³² По сведениям, любезно сообщенным нам Н. С. Ашукиным, Э. П. Юргенсон в 1919 году вывез свою библиотеку в Ревель (Таллин), а большая часть автографов его коллекции поступила в Публичную библиотеку в Ленинграде. Вероятно, тогда же автограф Пушкина «Подражаний древним» был приобретен московским коллекционером М. П. Келлером (его экслибрис наклеен на обложку, в которую вложена рукопись), купившим его у ленинградского антиквара С. Н. Котова. Но Келлер владел автографом недолго. В 1919 или 1920 году он эмигрировал, распродав перед отъездом свою библиотеку и коллекцию автографов. Пушкинский автограф купил у него московский букинист М. И. Пузырев. У Пузырева автограф был куплен московским архитектором М. Л. Малашкиным (его подпись также имеется на обложке); последний в 1952 году продал его А. Г. Миронову, который в том же году подарил автограф Н. П. Смирнову-Сокольскому.

Показатель сего, Ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин, отправлен по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного края России, г. генерал-лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной коллегии дан ему. В Санктпетербурге мая 5-го дня 1820-го года».

Ниже подпись: «Граф Нессельрод»; в самом низу, справа: «Секретарь Яковлев»; слева от текста: «№ 2295»; ниже, у левого края около печати, очень неясно оттиснутой на сургуче, другим чиновником приписано: «У сего его императорского величества Государственной коллегии иностранных дел печать».

То, что Пушкину, при отправлении его в Бессарабию, был выдан подобный документ (как и всякому чиновнику, едущему по делам службы), не подлежало сомнению. Но сама подорожная оставалась неизвестной до 1937 года, когда балетмейстер Парижской оперы, коллекционер пушкинских рукописей, Сергей Лифарь приобрел ее у одного из букинистов на набережной Сены, случайно обнаружив эту рукопись среди старых книг. Приехав в Ленинград во время туристской поездки в Советский Союз в мае 1961 года, Лифарь принес подорожную Пушкина в дар Пушкинскому дому,³³ как ранее, в 1956 году, передал сюда один из ценнейших автографов своей обширной коллекции — беловую рукопись «Предисловия» Пушкина к «Путешествию в Арзрум», тоже случайно купленную им у парижского букиниста. К сожалению, история той и другой рукописи на протяжении ста лет остается совершенно темной. Как «отбились» они от личного архива Пушкина, в чьих руках побывали, когда и кем были вывезены за границу и как попали к букинистам — едва ли удастся когда-нибудь выяснить. Но появление обоих документов показывает, какие неожиданные находки возможны за рубежом — у частных владельцев, коллекционеров, букинистов — и как необходимы упорные и тщательные поиски этих ушедших от нас национальных ценностей.

³³ Текст подорожной несколько раз печатался в разных газетах: «Робітничя газета» (Киев), 1961, № 106, 7 травня; «Вечерний Ленинград», 1961, № 109, 10 мая; «Литературная газета», 1961, № 75, 24 июня; «Ленинградская правда», 1961, № 202, 25 августа, и др. До этого он был опубликован Сергеем Лифарем в одной из выходящих во Франции русских газет («Русская мысль», 1958, 12 августа); в 1937 г. в названной выше однодневной газете «Пушкин» была помещена краткая информация о подорожной Пушкина (с воспроизведением, стр. 9), где указывалось, что «пашпорт» Лифарю удалось обнаружить в 1930 г. в архиве С. П. Дягилева.

АВТОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ПУШКИНА

В начале 1962 года Пушкинский дом приобрел у наследников московского собирателя рукописей Всеволода Григорьевича Данилевского, скончавшегося в октябре 1961 года, цензурные рукописи трех книжек «Московского телеграфа» 1827 года (ч. XIV, №№ 7 и 8, ч. XV, № 9).

Приобретение цензурной рукописи журнала представляет большой интерес для истории русской журналистики, тем больший, что архивы журналов пушкинской поры, за редкими исключениями, до нас не дошли и сведений об архиве «Московского телеграфа», так же как и об архиве самого Н. А. Полевого, мы не имеем. К сожалению, остается пока неизвестным, когда и от кого приобрел эти ценные рукописи сам В. Г. Данилевский, а тем самым неизвестна и вся их история за 130 лет, раскрытие которой имело бы существенное значение и, может быть, повело бы к обнаружению других документов из архива «Московского телеграфа».

Цензурная рукопись представляет собой три тетради, сшитые из листов писчего формата, с несколькими меньшими листами, вшитыми и вклеенными; каждая тетрадь имеет двойную пагинацию: в № 7 — 45 + 25 листов, в № 8 — 30 + 28 листов, в № 9 — 40 + 25 листов. Через все листы каждой тетради проходит цензурная скрепа: «раз-сма-три-вал-про-фессор-цензор-и-ка-валер-Иван-Сне-гирев».

Все статьи, за редкими исключениями, написаны четким писарским почерком, на некоторые листы наклеены вырезки из предыдущих номеров журнала, например шапка к оглавлению (чтобы сохранить однотипность расположения строк и шрифтов) или объявление о подписке на «Московский телеграф», которое перепечатывалось из номера в номер. В конце каждого номера на листы наклеены вырезки из французских журналов — модные картинки и пояснения к ним, с русскими переводами.

Значение цензурных экземпляров журнала¹ состоит в том, что они позволяют установить или наметить авторов некоторых анонимных статей. Кроме того, в тексте и на полях рукописи, почти на каждой странице, находятся примечания (от редакции), поправки и пометы, сделанные рукой издателя журнала Н. А. Полевого; встречается и много поправок, внесенных рукой П. А. Вяземского. Это позволяет судить о том, как работал редактор-издатель и насколько значительным было участие Вяземского в его работе.

¹ Полное описание и исследование их будет помещено в одном из томов сборника «Пушкин. Исследования и материалы».

Особый интерес представляет рукопись девятого номера журнала. В ней на листе 49 находится неизвестный до последнего времени автограф Пушкина: записанная его рукой (с поправками рукой Е. А. Баратынского и со специальной пометой о разрешении цензора И. М. Снегирева) эпиграмма на Булгарина «Он точно, он бесспорно...». Текст рукописи опубликован Т. Г. Цявловской.²

Эпиграмма «Он точно, он бесспорно...», напечатанная по этой же рукописи в «Московском телеграфе» (ч. XV, № 9, отд. 2, стр. 5) без подписи под заглавием «Журналист Фиглярин и истина», считалась принадлежащей Е. А. Баратынскому и впервые с его именем была помещена к десятилетию смерти поэта в «Современнике» (1854, т. 47, № 10, стр. 159 первой пагинации) по копии рукой А. Л. Баратынской в редакции, имеющей отличия от текста «Московского телеграфа». С тех пор она входит в собрания сочинений Баратынского. Находка записи эпиграммы рукой Пушкина в составе цензурной рукописи журнала позволяет поставить вопрос о возможности участия Пушкина в ее создании. Этот вопрос тщательно исследовала Т. Г. Цявловская в своей публикации. Вывод ее, полученный в результате исследования, таков: «Рассмотрение документальных источников, как и анализ эпиграммы „Он точно, он бесспорно“, различий текстов, языка, стиха и стиля в соотношении с эпиграммами Пушкина и Баратынского приводят нас к наиболее правдоподобному выводу, что эпиграмма на Булгарина, автограф которой здесь публикуется, сочинена Баратынским при участии Пушкина».³ С этим выводом необходимо согласиться: перед нами — плод коллективного творчества Баратынского и Пушкина, но степень участия последнего не поддается определению и едва ли была значительной.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

К ИСТОЧНИКАМ «ПОДРАЖАНИЙ ДРЕВНИМ» ПУШКИНА

В статье «Судьба одного автографа» Н. П. Смирнов-Сокольский, описывая беловую рукопись стихотворения Пушкина «Из Ксенофана Колофонского», отметил: «Из какого источника почерпнул Пушкин, почти не разбиравший по-гречески, стихотворения греческих поэтов, неизвестно. С. А. Венгеров делает предположение, что источник был французский».¹ Это указание

² «Русская литература», 1961, № 1, стр. 120—133.

³ Там же, стр. 133.

¹ Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. Изд. Всесоюзной Книжной палаты, М., 1959, стр. 295; изд. 2, 1960, стр. 295.

неточно; догадки о возможных французских книгах, из которых Пушкин мог узнать ряд древнегреческих текстов в переводах, высказывались неоднократно, еще до того, как в 1915 году, в VI томе «Сочинений» Пушкина под редакцией С. А. Венгерова, об этом писал Н. О. Лернер (а не сам Венгерov).² Так, например, в 1912 г. А. С. Грузинский на заседании Неофилологического общества при Петербургском университете прочел доклад на тему: «„Подражания древним“ А. С. Пушкина», в котором он, по словам В. Н. Перетца, «детально разобрал процесс подражания Пушкина древним через посредствующие французские звенья. Некоторые из этих звеньев в пушкинской литературе не были известны и вновь привлечены докладчиком на основании подробного изучения материала, представляемого книгой Афиней: *Δειπνosophists*. Кроме французских текстов этой книги («*Banquets des savants*»), докладчик присоединил сюда и латинские полустихотворные переводы, также доступные Пушкину».³ К сожалению, этот доклад напечатан не был и рукопись его не сохранилась. В более общей форме на французские источники «Подражаний древним» Пушкина указывали еще Л. Поливанов и др.⁴

В 1927 году опубликована была статья Г. Гельда «Пушкин и Афиней», в которой автор на основании тщательного просмотра всего пятитомного издания труда Афиней (во французском переводе Жана-Батиста Лефевра де Виллебрюня, 1732—1809), сохранившегося среди книг библиотеки Пушкина,⁵ не зная, по-видимому, о разысканиях А. С. Грузинского, установил, что именно эта книга была источником переведенных Пушкиным: 1) отрывка Иона Хиосского о вине, 2) надгробной надписи Гедила флейтисту Феону и 3) элегии Ксенофана Колофонского «Пир».⁶

В 1954 году к пересмотру вопроса обратился американский исследователь Ричард Барджи.⁷ На основании ряда заново произведенных им сопоставлений он пришел к заключению, что Пушкин гораздо шире воспользовался трудом Лефевра, чем предпола-

² Пушкин, Сочинения, т. VI, Изд. Брокгауз-Ефрон, 1915, стр. 434.

³ В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. «Университетские известия», Киев, 1912, № 7, стр. 7.

⁴ Указание на Лефевра как на источник пушкинского подражания Иону Хиосскому см.: Сочинения А. С. Пушкина... Изд. Л. Поливанова для семьи и школы, т. 1, М., 1887, стр. 367—371.

⁵ *Banquet des Savants*, par Athénée, traduit, tant sur les textes imprimés, que sur plusieurs manuscrits par M. Lefebvre de Villebrune. Paris, vol. I—V, 1789—1791 (далее: Lefebvre, том, страница). См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 144—145 (№ 559).

⁶ Г. Гельд. Пушкин и Афиней. «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, Л., 1927, стр. 15—18.

⁷ Richard Burgi. *Puſkin and the Deipnosophists*. «Harvard slavic studies», Harvard University Press, Cambridge Mass., 1954, стр. 266—270.

гал Г. Гельд. Так, следуя беглому указанию Б. В. Томашевского,⁸ Барджи подтвердил, что к Афинейю в переводе Лефевра восходит отрывок Пушкина:

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.⁹

Эти стихи Пушкину внушила приводимая Афинеем (и переведенная Лефевром) цитата из греческого комического поэта Евбула. Далее, по правдоподобию предположению Барджи, к тому же «Пиру софистов» следует возводить пушкинский фрагмент:

Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.¹⁰

Возможный источник этого двустипхия Барджи усматривает в находящейся у Афинейя—Лефевра (I, 130) цитате из Мнесифея (Mnesithée), тогда как его обычно возводили к Анакреону.¹¹ В «Пире софистов», а не в источниках, называвшихся в другой статье Г. Гельда,¹² Барджи предлагает также видеть вероятный оригинал пушкинского отрывка «Сафо» (1825):

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.¹³

Едва ли, таким образом, может возникнуть сомнение, что «Пир софистов» Афинейя в издании Лефевра не один раз и в течение довольно долгого времени читался Пушкиным, вдохновляя поэта на его «Подражания древним». К Лефевру восходит у Пушкина самая транскрипция имени составителя «Пира» — Афе-ней, — напрасно удерживаемая донныне комментаторами Пушкина.¹⁴ В изданном Лефевром «Пире софистов» (или «Трапезе

⁸ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 244, 515.

⁹ Там же, т. III, стр. 247; ср.: Lefebvre, I, 130—131.

¹⁰ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. III, стр. 247.

¹¹ Анакреон. Ода LVII: «Что же сухо в чаше дно...» переведена Пушкиным в 1835 году (Полное собрание сочинений, т. III, стр. 327). Ср.: Пав. Черняев. А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899, стр. 46.

¹² Г. Гельд. Пушкин и Сафо. Пушкин и Анакреонт. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 202—204.

¹³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. II, 1949, стр. 276.

¹⁴ В рукописи подражания Гедилу («Славная флейта, Феон здесь лежит...») Пушкин отметил в скобках: «Из Афедея»; такая транскрип-

знатоков», как, может быть, правильнее было бы назвать *Δειπνοσοφισταί* Афиней)¹⁵ Пушкин в собранном виде мог найти большое количество столь интересовавших его образцов древнегреческой поэзии в переводах видного французского эллиниста. Поэтому посредство переводов Лефевра для таких «Подражаний древним» Пушкина, как отрывок из Иона Хиосского, «надпись» Гедила и элегия Ксенофана Колофонского, считается прочно установленным и неоспоримым.¹⁶ Конечно, Афиней в издании Лефевра не мог быть единственным источником Пушкина при воссоздании им на русском языке образцов древнегреческой музыки. Дословные французские прозаические их переводы не в состоянии были дать Пушкину все необходимые для его «подражаний» краски. О метрических особенностях оригиналов приходилось лишь догадываться, поскольку эти оригиналы только в отдельных случаях приводились Лефевром в его труде для сопоставления с переводами. В связи с этим Барджи считает, что Пушкин, при всем недостаточном знании им греческого языка, все же не упустил возможностей ознакомиться с греческими текстами заинтересовавших его стихотворений, когда издание Лефевра представляло их образцы. Так, например, по мнению Барджи, Пушкин, работая над отрывком из Гедила, внимательно прочел не только его французский прозаический перевод, но и греческий стихотворный подлинник, напечатанный Лефевром в примечании; это и помогло Пушкину правильно воспроизвести его метрическую структуру.¹⁷ Но в лефевровском издании отсутствовали греческие оригиналы стихотворений как Иона Хиосского, так и Ксенофана; перед глазами Пушкина были лишь дословные французские их

ция вполне соответствует французскому «Athénée», но противоречит традиционным правилам передачи по-русски греческих собственных имен. Вслед за Пушкиным большинство его исследователей, за исключением филологов-классиков (например, Г. Гельда), также употребляло форму Афеней вместо Афиней; в настоящей статье мы всюду восстанавливаем последнюю транскрипцию как единственно правильную.

¹⁵ Сб «Гермес», Пгр., 1918, стр. 118.

¹⁶ См., например, замечание в «Истории греческой литературы» (т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 210): «В русской литературе находим подражание Ксенофану в стихотворении Пушкина: «Чистый лоснится пол, стеклянные чаши блистают». С Ксенофаном Пушкин познакомился не по греческому тексту, а по французскому переводу Лефевра». Б. П. Городецкий (Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 444) также утверждает категорически: «Пушкин не обращался непосредственно к греческим оригиналам. В своей работе он пользовался их французскими переводами, содержащимися в имевшейся в его библиотеке книге: „Banquet des savans“». Отметим вкравшуюся в это исследование хронологическую неточность: деятельность «александрийца» Афиней на самом деле относится к III в. н. э. Отрывки из «Пира софистов» Афиней (однако не те, которыми интересовался Пушкин, и без всякой ссылки на русского поэта) приведены в кн.: Поздняя греческая проза. Гослитиздат, 1960, стр. 449—460.

¹⁷ Richard B u r g i. P u ŝ k i n and the Deipnosophists, стр. 266—267.

переводы в прозе, напечатанные к тому же сплошным текстом, без разбивки на соответствующие им стихотворные строки подлинников. Отсюда и возникает вопрос, как происходил у Пушкина сложный процесс воссоздания их первоначальной стихотворной формы, как ему удалось угадать ее? Ведь, как известно, Пушкин и сам осуждал поэтические переводы, выполненные с помощью подстрочников, или переводов, стилистически обработанных, сделанных прозой. В статье у Шатобриановом переводе «Потерянного рая» Пушкин говорит о «жалких переводах в прозе», в которых Мильтон был «безвинно оклеветан»; ранее, говоря «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», Пушкин признавал подобный «способ перевода» «недостаточным», опасаясь, что он может нанести вред пониманию «неподражаемого нашего поэта».¹⁸ Между тем в данном случае воссоздание подлинника теми же средствами Пушкину удалось вполне. «К подстрочным, буквальным переводам Пушкин подходил с большой осторожностью, критически, — замечает Г. Д. Владимирский. — Так, используя „ключ“ Лефевра к стихотворению Гедила («Славная флейта, Феон»), поэт сквозь перевод-кальку ученого греколога угадал подлинник. Он, например, оставляет без перевода риторический вопрос (Que dis-je?) у Лефевра, искажающий интонации оригинала, или тоекратное повторение у переводчика имени Ватфала».¹⁹ «Интересно видеть, как поэт реконструировал их поэтическую форму, — замечает Барджи в свою очередь по поводу тех же «Подражаний древним» Пушкина. — Вероятно, Пушкин знал, что гекзаметр был излюбленным метром Ксенофана — издание его стихотворных фрагментов было опубликовано в Брюсселе в 1830 г. (Xenophanis Colophonii carminum reliquiae, ed. Simonum Karsten, Bruxelles, 1830); однако еще более правдоподобно, что для описания (пира) Пушкин считал идеальным гекзаметр, им самим столь хорошо разработанный».²⁰ Хотя оригинал данного поэтического текста Ксенофана на этот раз написан не гекзаметром, но элегическим дистихом, «Подражание» Пушкина, удивительное по своим художественным качествам, дает полную иллюзию подлинника; на первый взгляд кажется даже, что греческий стихотворный текст воссоздан поэтом со всей точностью и полнотой. Однако сопоставление стихотворения Пушкина и прозаического перевода элегии Ксенофана у Лефевра свидетельствует о существенных различиях между ними. Подражание Ксенофану (как и «надписи» Гедила) — это отметил еще Г. Гельд — сокращено

¹⁸ О теоретических воззрениях Пушкина относительно переводов см.: О. Холмская. Пушкин о переводе. «Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. 13, кафедра перевода, М., 1958, стр. 35—84.

¹⁹ Г. Д. Владимирский. Пушкин-переводчик. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4—5, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 314.

²⁰ Richard Burgi. Puškin and the Deipnosophists, стр. 267.

в сравнении с оригиналом приблизительно наполовину; кроме того, Пушкиным выброшены некоторые детали, а отдельные строки подверглись перефразировке. С несравненным вкусом и тонкостью понимания Пушкин отобрал и воспроизвел лишь те реальные подробности пира, какие сами складывались в живописную картину и не требовали усилий воображения или ученых пояснений; выбор отдельных слов и фразеологических сочетаний, подчиненных плавному течению гекзаметра, своими явными и намеренными отклонениями от французских длинных прозаических предложений весьма наглядно демонстрирует поэтическое мастерство Пушкина. Естественно, что подобные пересоздания были осуществимы только благодаря присущему Пушкину тонкому, изощренному «чувству древности», воспитанному в нем долгими годами увлечения античным миром и основательного изучения его по разнообразным источникам;²¹ бесспорное знакомство Пушкина с переводами Лефевра само по себе не в состоянии было бы объяснить все стилистические особенности и эстетические качества пушкинского цикла «подражаний древним».

Г. Гельд отметил, что «надпись» Гедилы и «элегия» Ксенофана Колофонского «имеются у Афиней, и притом только у него».²² Однако перевод этих произведений, сделанный Лефевром, был не единственным. Имя Афиней в пушкинскую пору было хорошо известно в России. В «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара помещена была справка о нем, написанная К. М. Базили (товарищем Гоголя по Нежинскому лицее).²³ Ксенофан Колофон-

²¹ Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 6, 1941, стр. 92—159.

²² Г. Гельд. Пушкин и Афиней, стр. 15.

²³ «Афиней, или Афеней, родившийся в Навкратии, что в Египте, жил в начале III века и по необыкновенной своей учености был прозван греческим Варроном. Единственное до нас дошедшее сочинение Афиней называется „Дигнософист“, или „Пир мудрецов“. Двадцать один человек артистов или словесников, в числе которых были музыканты, поэты, врачи и проповедники, пируют у богатого римлянина, Лавренция. Они толкуют обо всем, что по обычаям греков могло украсить пиришество: о разных блюдах, винах, благоуханиях, цветочных вязях и венках, о сосудах, играх и т. п. Собеседники приводят более семисот писателей и знакомят нас с заглавиями, а отчасти и с содержанием 2500 древних творений, для нас потерянных. „Пир мудрецов“ разделяется на пятнадцать книг, из которых не дошло до нас двух первых и начало третьей» («Энциклопедический лексикон», т. III, СПб., 1835, стр. 533). В X томе «Библиотеки для чтения» 1835 года (отд. II, стр. 124), уже после того как именно в этом журнале напечатано было (т. V, кн. 8) пушкинское «Из Ксенофана Колофонского», находим следующую характеристику труда Афиней: «Что касается до „Дигнософистов“, до „Пирующих софистов“ Афиней (...), то об его сочинении можно дать понятие в нескольких словах, хотя оно дошло до нас без начала: это огромная хрестоматия, составленная из отрывков тысячи разных творений, большею частью теперь неизвестных, и все эти выписки связаны разговором нескольких лиц так, чтоб казалось, будто каждая из

ский, правда, преимущественно как философ элейской школы, а не как поэт, также привлекал к себе внимание русских литераторов. Пушкину несомненно известна была характеристика Ксенофана, включенная В. Ф. Одоевским в тот отрывок из его «Словаря истории философии», который был напечатан в «Мнемозине».²⁴ В конце 20-х и начале 30-х годов о Ксенофане неоднократно вспоминали в русской печати по поводу большой статьи о нем В. Кузена, вошедшей в его книгу «Nouveaux fragmens philosophiques» (1828). Знакомство с нею Пушкина именно в то время, когда он писал свое подражание Ксенофану, вполне вероятно.

Французский философ-эклектик Виктор Кузен (1792—1867) пользовался в России широкой известностью в 20—30-е годы. В «Московском телеграфе» Кузена деятельно пропагандировал Н. Полевой, называвший его «первым профессором истинной философии во Франции»²⁵ и печатавший в переводах отдельные лекции из его курса истории философии;²⁶ лекции Кузена печатались также в «Атенее» М. Г. Павлова, отмечавшего, что он помещает их в своем журнале «с тем большим удовольствием», что «в бытность в Париже сам пользовался лекциями сего философа»,²⁷ они рецензировались в «Московском вестнике».²⁸ Кузеном и его трудами тогда же интересовались А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, П. Я. Чаадаев и др.²⁹ Очень ценился у нас выполненный Кузеном перевод сочинений Платона: о первой части этого «прекрасного перевода» А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому еще в 1823 г.,³⁰ а в библиотеке Пушкина сохранились все восемь томов этого издания (1822—1832).³¹ Очень возможно по-

них пришлось к слову. Да еще как связаны! И какой разговор!.. За всем тем — это архив очень любопытных подробностей о словесности и обычаях древнего мира!»

²⁴ «Мнемозина», Собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером, ч. IV, М., 1825, стр. 160—192; о Ксенофане см. стр. 172—179 (элегия «Пир» здесь, однако, не упомянута).

²⁵ «Московский телеграф», 1832, № 16, стр. 560.

²⁶ «Московский телеграф», 1828, № 17, стр. 97; 1829, № 10, стр. 3.

²⁷ «Атеней», 1829, февраль, стр. 240—252; декабрь, стр. 454—461.

²⁸ «Московский вестник», 1828, ч. XII, стр. 21—22, 129 и 313 — рецензия на «Fragmens philosophiques» (1826); о «Nouveaux fragmens philosophiques» см. у И. И. Давыдова во втором курсе его «Чтений о словесности» (М., 1837, стр. 236).

²⁹ О В. Кузене и отношении к нему русской журналистики см.: Н. К. Козмин. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903, стр. 267—268, 476—481; П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский, т. I, кн. 1, М., 1913, стр. 125.

³⁰ «Остафьевский архив», т. II, СПб., 1899, стр. 321.

³¹ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, стр. 311 (№ 1267).

этому, что от Пушкина не ускользнули также «Nouveaux fragmens philosophiques». Эта книга Кузена открывается большой статьей о Ксенофане как об основателе элейской школы («Xenophane, fondateur de l'école d'Elée», стр. 9—95), в которой приводится полностью описание пира Ксенофана в собственном переводе В. Кузена с греческого текста, сохраненного Афинеем (стр. 30—31). Перевод Кузена также сделан в прозе, но совершенно независимо от Лефевра, имя которого и не упоминается в этой статье. Различие переводов Лефевра и Кузена, между прочим, заключается в том, что последний публикует его с разбивкой на стихотворные строки оригинала.

Приводим текст перевода Кузена:

La salle est préparée, les convives ont lavé leurs mains;
On a apporté les verres; un esclave arrange des couronnes sur
les têtes,

Au milieu est la coupe remplie de joie.
Il y a aussi d'autre vin qui promet de ne jamais finir;
Il est encore dans les cruches et exhale le parfum de la fleur.
Autour de nous le thym répand une chaste odeur;
Il y a de l'eau fraîche, douce et pure,
Des pains exquis, et la table respectable
Chargée de fromage et de miel onctueux;
Au milieu un autel couvert de fleurs,
Le chant et la joie remplissent la maison.
Avant tout, il faut que des hommes sages célèbrent Dieu
Par les bonnes paroles et de saints discours,
Lui faisant des libations et lui demandant la force
De faire ce qui est juste, car c'est toujours le plus sûr.
Et il n'y pas de mal à boire, pourvu qu'on puisse revenir
A la maison sans un serviteur, à moins qu'on ne soit vieux.
Il faut louer celui qui après avoir bu tient d'utiles propos
Selon sa mémoire, et celui qui discourt de la vertu,
Qui ne raconte pas les combats de Titans, ni de Géans
Ni de Centaures, fictions des temps passés,
Bagatelles aimables sans aucune utilité.
Mais il faut toujours avoir la pensée des Dieux.³²

Представлялось бы весьма интересным тщательно сличить этот перевод с лефевровским (полностью перепечатанным в статье Г. Гельда), не упуская из внимания «Подражание» Пушкина: результат такого сравнительно-стилистического анализа еще ярче представил бы артистический блеск и пластичность произведенной Пушкиным мозаической работы. Следует обратить внимание еще на одну любопытную деталь. К последним стихам элегии Ксенофана, отброшенным Пушкиным (в которых Ксенофан с явным пренебрежением упоминает о титанах, гигантах и кентаврах, как о недостойных предметах для беседы во время разумной трапезы), Кузен делает особое примечание: «Очень вероятно, что следующее двустишие, приводимое Афинеем (Athen. t. III,

³² Victor Cousin. Nouveaux fragmens philosophiques. Paris, MDCCCXXXVIII, стр. 30—31.

стр. 213), также принадлежит к этой же элегии, к предшествующим стихам:

N'allez pas dans une coupe mêler au hasard le vin et l'eau,
Versez d'abord de l'eau et par dessus du vin pur.³³

Не по этой ли причине и Пушкин перевел, как указано было выше (из того же Афиняя): «Юноша, скромно пируй»? Вскоре после смерти Пушкина в петербургском журнале опубликована была большая статья о Ксенофане,³⁴ в которой, между прочим, приводится ряд стихотворных фрагментов, приписываемых этому философу и переданных русскими гекзаметрами; среди них, однако, нет элегии, привлекавшей внимание Пушкина.

³³ Там же, стр. 31.

³⁴ М. Ксенофан Колофонский (из Риттера). — «Журнал Министерства народного просвещения», 1837, ч. 14, апрель (№ 4), отд. II, стр. 46—61.

ПУШКИН В ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

1. П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков о Пушкине (Отзывы 1815 и 1818 годов)

Творчество молодого поэта Александра Пушкина, воспитанника лицея, стало привлекать к себе внимание его старших современников, поэтов и литераторов, начиная с первых его поэтических опытов. Жуковский, Вяземский, Карамзин, Батюшков, А. И. Тургенев, члены «Арзамаса» — все они живо интересуются юным поэтом, «нашим молодым чудотворцем», «надеждой нашей словесности», «будущим гигантом», который, по словам Жуковского, «всех нас перерастет». Этот отзыв автора «Светланы», выраженный в письме к Вяземскому от 19 сентября 1815 года,¹ был до сих пор самым ранним из числа известных нам отзывов современников (не считая высказываний лицейских товарищей и наставников). В бумагах К. Н. Батюшкова, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского дома, есть, однако, и более ранний отзыв, принадлежащий П. А. Вяземскому и содержащийся в одном из его писем к Батюшкову.² Начало письма утрачено и дата отсутствует, но определяется содержанием письма как вторая половина января—начало февраля 1815 года. В это именно время, по словам П. И. Бартенева, «В. Л. Пушкин получил из Петербурга новое стихотворение племянника своего. Сохранилось любопытное предание, что в один день Жуковский пришел

¹ См.: Т. Зенгер. Неизвестное письмо В. А. Жуковского. «Огонек», 1949, 5 июня, № 23, стр. 9; ср.: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 80—81 (далее сокращенно: Летопись).

² Отзыв П. А. Вяземского опубликован в сборнике Тартуского государственного университета (вып. 98): Ю. М. Лотман. Историко-литературные заметки. Неизвестный отзыв о лицейском творчестве Пушкина. Труды по русской и славянской филологии, III, Тарту, 1960, стр. 311—312. Отзыв приведен без комментариев и с датировкой «вероятно, сентябрь 1815 г.», которая представляется нам необоснованной.

к друзьям своим и с радостным видом объявил, что из Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были „Воспоминания в Царском Селе“. Он принес их с собою, читая вслух, останавливался на лучших местах и говорил: „Вот у нас настоящий поэт!“ (Друзья Жуковского доселе помнят это чтение. Одним из слушателей был И. В. Киреевский, коему мы обязаны за сообщение этого любопытного сведения)». ³

Под впечатлением этих чтений «Воспоминаний в Царском Селе» написан восторженный отзыв Вяземского в письме к Батюшкову. Форма его показывает, что Батюшков, живший в Петербурге, уже мог или должен был знать и стихотворение Пушкина, и самого автора, если еще не лично, то по имени. ⁴ «Воспоминания в Царском Селе», прочитанные Пушкиным в присутствии Державина на экзамене в лицее 8 января 1815 года, в это время еще не были напечатаны. ⁵ Батюшков мог знать стихотворение по спискам, шедшим из лицей или из окружения Державина, получившего от Пушкина автограф, и это должно было еще увеличить его желание познакомиться с молодым автором. Вяземский писал Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? чудо и всё тут. Его Воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянником перед тем». ⁶

Прошло три года. Пушкин окончил лицей, жил в Петербурге, вращался в светских, литературных и политических кругах и писал свою поэму «Руслан и Людмила». За работой его над поэмой внимательно следили друзья — Жуковский, Батюшков, Вяземский, Александр Тургенев, даже И. И. Дмитриев и Карамзин — в особенности Батюшков, сам в 1815—1818 годах упорно обдумывавший замысел полуисторической, полусказочной богатырской поэмы на древнерусскую тему. Известно несколько

³ П. Бартенев. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2. Лицей. «Московские ведомости», 1854, № 118, 2 октября, стр. 1476; отдельный оттиск, стр. 39; Летопись, стр. 72.

⁴ 20 января 1815 года вышел в Москве журнал «Российский музей» (№ 1) со стихотворением Пушкина «К Б-ову» (т. е. «К Батюшкову» — «Философ резвый и пиит») с подписью, уже бывавшей в журналах; 1... 14—16. По убедительному предположению Т. Г. Цявловской, послание вызвало по получению журнала в Петербурге посещение Батюшковым Пушкина в лицее, состоявшееся между 3 и 5 февраля, и начало их личного знакомства (см.: А. С. Пушкин, Собрание сочинений, т. I, Гослитиздат, М., 1959, стр. 591; Летопись, стр. 73).

⁵ Они появились в «Российском музее» (1815, ч. II, № 4), вышедшем в свет 17 апреля 1815 года в Москве.

⁶ Пушкинский дом (ПД), ф. 19, № 28, л. 19 об.

вопросов и высказываний Батюшкова о Пушкине и о ходе его работы над «Русланом и Людмилой».⁷ Один из самых интересных среди этих отзывов находится в неизданном письме Батюшкова к Д. Н. Блудову, хранящемся в Пушкинском доме.⁸

Письмо написано в Петербурге незадолго до отъезда Батюшкова в Италию, куда он отправился 19 ноября 1818 года, — очевидно, в первой половине или середине этого месяца. Блудов с конца 1817 года был на дипломатической службе в Лондоне. Батюшков сообщал ему в своем письме петербургские литературно-общественные новости — о друзьях-арзамасцах, о вступлении Карамзина и Жуковского в члены Российской академии, о Вяземском (который «написал громаду прекрасных стихов, живых, исполненных благородных мыслей и смысла»), о В. Л. Пушкине (он «пописывает по-старому»), о братьях Тургеневых (из них Александр «пишет отчет Библейского общества и зарыл в катехизисах», а Николай — «в политической Экономии»). Вслед за сообщением о Тургеневых Батюшков пишет: «Сверчок начинает третью песню поэмы своей. Талант чудесный, редкий! вкус, остроумие, изобретение, веселость. Ариост в девятнадцать лет не мог бы писать лучше. С прискорбием вижу, что он предается рассеянию, со вредом себе и нам, любителям прекрасных стихов». Далее следуют замечания о Жуковском («пишет глаголы и погрузился в грамматику») и о себе («Я не пишу. Когда мне?»). Словом, письмо насыщено литературными сообщениями и среди них наиболее значительным и развернутым является, конечно, то, что сказано о «Сверчке» — Пушкине. Отметим, что письмо Батюшкова позволяет точнее датировать этапы работы Пушкина над «Русланом и Людмилой»: песнь III поэмы начата, по его сообщению, в конце октября — начале ноября 1818 года. Сетования на «рассеянную» жизнь Пушкина повторяются беспрестанно в письмах его друзей этого времени, в том числе и самого Батюшкова, который, незадолго до письма к Блудову, в письме из Москвы к А. И. Тургеневу (от 10 сентября 1818 года) спрашивал, кончил ли Пушкин свою поэму, и прибавлял: «Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логиною. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух однофамильцев (В. Л. и А. М. Пушкиных, — *Ред.*), если он забудет, что для поэта и целовека должно быть потомство. . . Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если. . . Но да спасут его музы и молитвы наши!»⁹

⁷ Его письма к Вяземскому от 9 мая 1818 года, к А. И. Тургеневу от 10 сентября 1818 и 24 марта 1819 года см.: К. Н. Батюшков, Сочинения, т. III, СПб., 1887, стр. 494, 533, 534, 550; ср.: Летопись, стр. 154, 161, 163, 178; П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. В кн.: Пушкин, Сочинения, т. I, СПб., 1855, стр. 54—55.

⁸ ПД, Р. III, оп. 1, № 518, из собрания А. А. Бахрушина.

⁹ К. Н. Батюшков, Сочинения, т. III, стр. 533—534.

Сравнение поэмы Пушкина с «Неистовым Роландом» Аристо было также естественно в устах Батюшкова и, как видно, явилось у друзей поэта задолго до выхода ее в свет. Сопоставление этих двух имен, Пушкина и Аристо, мы видим и в одном позднейшем письме Батюшкова¹⁰ — и это сопоставление воспринималось как похвала молодому поэту; однако позднее (в 1830 году) зрелый Пушкин счел нужным отводить его или по крайней мере очень ограничивать.¹¹

2. Пушкин в дневнике гр. Д. Ф. Фикельмон

Графиня Дарья Федоровна Фикельмон, урожденная графиня Тизенгаузен (1804—1863), дочь приятельницы и корреспондентки Пушкина Е. М. Хитрово, внучка полководца М. И. Кутузова, жена австрийского посла в Петербурге графа К. Л. Фикельмона, издавна привлекала внимание исследователей Пушкина. В 80-х годах XIX века были опубликованы (в несовершеннолетних переводах) письма ее к П. А. Вяземскому с замечательными по тонкости и глубине отзывами о поэте и его жене. Эти отзывы заставляли желать публикации других подобных материалов — писем или дневниковых записей, которые могли сохраниться в бумагах Фикельмонов, перешедших к их австрийским потомкам, князьям Клари-и-Альдринген. И такие материалы были действительно найдены в архиве замка Теплиц в последние годы перед второй мировой войной страстным любителем пушкинистом Н. А. Раевским, проживавшим тогда в Праге; он ознакомился с дневником, который Д. Ф. Фикельмон вела с 1829 по 1837 год; в нем оказались записи о Пушкине, и среди них — подробный рассказ об обстоятельствах дуэли и смерти поэта. Копия этого рассказа была прислана владельцем архива Н. А. Раевскому, а от последнего поступила в Пушкинский дом и напечатана с переводом Е. М. Хмелевской в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы» (т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 343—350).

В недавнее время опубликовал ряд других материалов из этого интересного дневника пражский профессор А. В. Флоровский, получивший возможность изучить всю рукопись, хранящуюся ныне в Государственном архиве Чехословакии в г. Дечине. А. В. Флоровский извлек из него и напечатал с подробным комментарием все записи, относящиеся так или иначе к А. С. Пушкину, в том числе и рассказ о его дуэли и смерти.¹ Одновременно

¹⁰ Там же, стр. 550 («Просите Пушкина, именем Аристо, выслать мне свою поэму, исполненную красот и надежды, если он возлюбит славу паче рассеяния»).

¹¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 145.

¹ А. В. Флоровский. Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон. «Slavia», Praha, 1959, ročn. XXVIII, seš. 4, стр. 555—578. Далее в тексте указываются страницы.

с этой публикацией А. В. Флоровский поместил в другом славяно-ведческом издании общий обзор дневника Д. Ф. Фикельмон с многочисленными выдержками, характеризующими и эту незаурядную женщину, наблюдательную и независимую в суждениях, и тот петербургский общественный круг — придворно-дипломатический и отчасти литературный, в котором она вращалась и который в силу обстоятельств был и кругом Пушкина, хотя эти записи прямо к нему и не относятся.²

Ниже мы приводим извлечения из дневника Д. Ф. Фикельмон, относящиеся к Пушкину и опубликованные А. В. Флоровским в «Slavia».³

Имя Пушкина впервые появляется на страницах дневника 10 декабря 1829 года. В записи о большом дипломатическом обеде у Фикельмонов, на котором был и Пушкин, мы читаем: «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом — без притязаний, с увлечением и огнем; невозможно быть более некрасивым — это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах (quelques ombres dans son œil) и что-то дикое во взгляде» (560).

13 января 1830 года Д. Ф. Фикельмон вносит в дневник запись, разъясняющую и комментирующую ее же записку к Пушкину, опубликованную в 1927 году в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» (стр. 57—58);⁴ «Вчера 12-го мы доставили себе удовольствие поехать в домино и масках по разным домам. Нас было восемь — маменька <Е. М. Хитрово>, Катрин <гр. Е. Ф. Тизенгаузен>, г-жа Мейендорф и я, Геккерн, Пушкин, Скарятин <вероятно, Григорий Яковлевич> и Фриц <Лихтенштейн, сотрудник австрийского посольства>. Мы побывали у английской посылки <леди Хейтсбери>, у Лудольфов <семейство посланника Обоих Сицилий> и у Олениных <А. Н. и Е. М.>. Мы очень позабавились, хотя маменька и Пушкин были тотчас узнаны, и вернулись ужинать к нам. Был прием в Эрмитаже, но послы были там без своих жен» (561).

Обращает на себя внимание участие в этой маскированной поездке барона Геккерна, голландского посланника и будущего

² Antonij Vasil'evič Florovskij. Дневник графини Д. Ф. Фикельмон. Из материалов по истории русского общества тридцатых годов XIX века. «Wiener slavistisches Jahrbuch», Graz—Köln, 1959, Bd. VII, стр. 49—99.

³ В публикации А. В. Флоровского французские тексты дневника даны, по словам публикатора, «с сохранением орфографии подлинника», весьма небрежной и своеобразной; мы даем только русские переводы, отсылая читателей к публикации А. В. Флоровского.

⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 65, № 446; здесь записка, помеченная «субботой», предположительно датирована: 8 или 15 февраля 1830 года. Следует: 11 января (ст. ст.). Указанное выше издание в дальнейшем цитируется сокращенно: Акад., том, страница.

врага Пушкина. Дневник Д. Ф. Фикельмон содержит несколько отзывов о нем, вначале — крайне отрицательных, потом — смягченных признанием его светских качеств. В одной из первых записей по приезду в Россию, 9 июля 1829 года, она отмечает «г. де Геккерна, голландского посланника» — «лицо хитрое, фальшивое, мало симпатичное; здесь считают его шпионом г-на Нессельроде — такое предположение лучше всего определяет эту личность и ее характер...» (562). Но 20 января 1830 года — через неделю после маскированной поездки — она высказывает иное мнение о Геккере: «...я очень привыкла к его обществу и нахожу его остроумным и занятым; не могу скрыть от себя, что он зол — по крайней мере в речах, но я желала бы и надеюсь, что мнение света несправедливо к его характеру» (562). Когда Геккерн уезжает на воды, его отъезд, по словам Фикельмон (запись от 26 мая 1830 года), «оставляет большую пустоту в нашей гостиной, где он был постоянным и очень любезным гостем» (562). А вернувшись осенью в Петербург, он вновь приносит в ее салон «свое остроумное и злое лицо»: «...хотя его считают человеком опасным для общества, я очень рада иметь его в моей гостиной, потому что он умеет беседовать и забавлять» (562). В следующие годы, однако, Фикельмоны, видимо, отдаляются от Геккерна, и его имя уже не встречается в дневнике графини.

Вернемся к записям о Пушкине. 11 августа 1830 года Д. Ф. Фикельмон записывает: «Вяземский уехал в Москву и с ним Пушкин, писатель; он приезжал сюда на некоторое время, чтобы устроить дела, а теперь возвращается, чтобы жениться. Никогда еще он не был таким любезным, таким полным оживления и веселости в разговоре — невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться» (563). Сообщаемые здесь сведения и даты совершенно точны.

К 1831 году, когда Пушкин привез в Петербург молодую жену, относятся самые значительные записи дневника графини Фикельмон. «Пушкин приехал из Москвы, — записывает она 21 мая 1831 года, — и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать <в свете>. Я видела ее у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то, чтобы косящий, но неопределенный, — тонкие черты, красивые черные волосы. Он очень в нее влюблен, рядом с ней его уродливость еще более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, чего ему не достает, чтобы быть красивым, — он так хорошо говорит, его разговор так интересен, сверкающий умом без всякого педантизма» (564).

25 октября 1831 года Пушкин с Натальей Николаевной были на большом вечере у Фикельмонов. «Госпожа Пушкина, жена

поэта,⁵ — записывает на другой день графиня, — здесь впервые явилась в свете; она очень красива и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, — ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, — но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, всё возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете» (564).

Через две недели, 12 ноября 1831 года, после бала у Кочубеев, где были Фикельмоны и Пушкины, Дарья Федоровна дополняет свои впечатления. «Поэтическая красота г-жи Пушкиной проникает до самого моего сердца (*me va tout à fait au cœur*), — пишет она. — Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей всё улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется и весь ее облик как будто говорит: „я страдаю“. Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!» (564).

Эти суждения совпадают вполне с давно известными высказываниями графини Фикельмон в ее письмах к П. А. Вяземскому, но еще и дополняют их и углубляют. Дальнейшие записи дневника дают те же восторженные отзывы о красоте Н. Н. Пушкиной и очень невысокую оценку ее умственных качеств.

«Госпожа Пушкина, жена поэта, — записывает Д. Ф. Фикельмон в сентябре 1832 года, — пользуется самым большим успехом; невозможно быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность, а между тем, у нее немного ума и даже, кажется, мало воображения (*peu d'imagination*)» (565).

В записи от 21 ноября того же 1832 года, после раута у Фикельмонов, говорится: «Самой красивой вчера была, однако ж, Пушкина, которую мы прозвали поэтической как из-за ее мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты. Это — образ (*une figure*), перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием творца» (565).

Около того же времени (17 ноября 1832 года) графиня Фикельмон отмечает и другую красавицу — графиню Мусину-Пушкину (вероятно, Марию Александровну, урожденную княжну Урусову), связывая ее имя с именем Пушкина: «Графиня Пушкина очень хороша в этом году (*est en beauté cette année*), она

⁵ Так называет не раз графиня Фикельмон Н. Н. Пушкину, определяя этим ее «общественное положение», и вместе с тем, вероятно, чтобы отличить ее от однофамилиц — графинь Мусиных-Пушкиных.

сияет новым блеском благодаря поклонению (*grâce aux hommages*), которое ей воздает Пушкин-поэт» (566).

В дальнейших записях дневника имени Пушкина и его жены встречаются, видимо, редко и случайно. С середины 1835 по середину 1836 года Фикельмоны были в Австрии; после этого путешествия записи, по словам А. В. Флоровского, вообще случайны и коротки. Немногочисленны и содержащиеся в публикации новые фактические данные, уточняющие или меняющие наши представления. Записи от 2 и 29 июля 1831 года содержат некоторые сведения о французском «вояжере» Шарле Морне (Charles Mornay), в которого, по словам Пушкина, «влюбилась» Е. М. Хитрово (см. Акад., XIV, 208); из других данных выясняется, что книга Манцони (вероятно, «*I promessi sposi*»), возвращенная Пушкиным в 1831 году через Е. М. Хитрово, принадлежала не старому графу Ю. П. Литта и не его сыну, но молодому графу Луи Литта, итальянцу, секретарю австрийского посольства (567; ср. Акад., XIV, 244; Справ. том, 265).

Рассказ о дуэли и смерти Пушкина, опубликованный, как сказано, в 1956 году в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы» (т. I), помечен «29 января» и начат вчерне, возможно, в этот день. Несомненно, однако, что в основном он написан и во всяком случае закончен значительно позднее — в нем упоминается об уже состоявшемся отъезде из Петербурга барона Геккерна, выехавшего 1 апреля 1837 года. Не видя подлинника, трудно определить историю текста этого рассказа, но, вероятно, он был обработан и списан с черновика, а не записан набело.

Не отмечая всех многочисленных мелких расхождений в текстах, опубликованных в Пушкинском сборнике и в «Slavia» (в особенности орфографических), укажем лишь некоторые из них:

Пушкин, т. I

ce beau talent, plein de grâce et de force (этот прекрасный талант, полный изящества и силы)
il avait décidé à la pousser à bout (он решил довести ее до крайности)
des amis communs... espéraient amener une réconciliation (общие друзья... надеялись привести к примирению)
il voulait savoir si elle était mortelle (он желал знать, смертельна ли она)
il écrivit à l'Empereur pour lui recommander sa femme (он написал императору, чтобы поручить ему свою жену)

«Slavia»

ce beau talent, plein de génie et de force (этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы)
il était décidé... (он был решителен «в намерении»...)
des amis communs... espérant... (общие друзья... надеясь...)
il voulut savoir... (он захотел узнать...)
il écrivit à l'Empereur lui recommandant sa femme (он написал императору, поручая ему свою жену)

ils seront le mieux (они будут обеспечены)

Pouschkin qu'on avait si souvent accusé de libéralisme, d'esprit révolutionnaire (Пушкин, которого так часто обвиняли в либерализме, в революционном духе)

en prononçant ces mots: «C'est fini» (произнеся эти слова: «Все кончено»)

d'Anthès

d'Ansas

Joukoffsky

ils seront les miens (они будут моими)⁶

Pouschkin qu'on avait si souvent accusé d'esprit de libéralisme, d'esprit révolutionnaire (Пушкин, которого так часто обвиняли в духе либерализма, в революционном духе)

en prononçant le mot «Кончина!» — «C'est fini» (произнесо слово «Кончина!» — «Всё кончено»; слово «Кончина» написано по-русски)⁷

Danthès (езде)

Dansas

Zoukowsky (дважды)

Самым же важным является то, что текст, опубликованный А. В. Флоровским в «Slavia», имеет заключительный абзац, отсутствующий в Пушкинском сборнике. После слов о Николае I, который, по мнению графини Фикельмон, «был великолепен во всем, что он сделал для этой несчастной семьи» (Пушкин. Исследования и материалы, т. I, стр. 350), следует: «Дантес, после того как его долго судили, был разжалован в солдаты и выслан за границу; его приемный отец, которого общественное мнение осыпало упреками и проклятиями, просил отозвать его и покинул Россию — вероятно, навсегда. Но какая женщина посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому что все мы находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили, — все мы слишком часто бываем неосторожны и играем с сердцем в эту ужасную и безрасчетную игру. Мы видели, как начиналась среди нас эта роковая история подобно стольким другим кокетствам, мы видели, как она росла, увеличивалась, становилась мрачнее, сделалась такой горестной, — она должна была бы стать для общества большим и сильным уроком тех...⁸ к которым может привести необдуманность друзей, но кто бы воспользовался этим уроком? Никогда, напротив, петербургский свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму... Печальна эта зима 1837 года, похитившая у нас Пушкина, друга сердца маменьки» (576).

На этом размышлении кончаются опубликованные записи о Пушкине в дневнике Д. Ф. Фикельмон.

⁶ Слова Николая I в записке к Пушкину: «Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение» (Акад., XVI, 228).

⁷ В копии, с которой текст напечатан в Пушкинском сборнике, слово «Кончина», написанное по-русски (с французским переводом), осталось неразобранным и вместо него сделан пропуск. Следует, однако, понимать его, очевидно, как «Кончено».

⁸ Пропуск, отмеченный многоточием, во французском тексте «Slavia», быть может, вместо отсутствующего или неразобранного слова «conséquences» (последствий) и т. п.

Е. В. МУЗА и Д. В. СЕЗЕМАН

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЯ I О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА

В Государственный музей А. С. Пушкина в Москве сотрудником Министерства иностранных дел СССР Михаилом Петровичем Соколовым были недавно переданы фотокопии писем Николая I к его сестрам за границу, содержащие упоминания о Пушкине.

Будучи в 1948 г. в Веймаре, М. П. Соколов посетил Тюрингский государственный архив, являвшийся до 1946 г. частным владением великогерцогского дома в Веймаре. Целью посещения архива были розыски материалов, связанных с Пушкиным. В этой работе вместе с М. П. Соколовым приняли деятельное участие профессор Флак и другие специалисты — работники архива. В результате двухнедельных поисков в архиве были обнаружены три письма, в которых говорится о смерти Пушкина:

1. Письмо Николая I к сестре Анне Павловне, супруге принца Вильгельма Оранского, от 3(15) февраля 1837 года.

2. Письмо Николая I к сестре Марии Павловне, великой герцогине Саксен-Веймарской, от 4(16) февраля 1837 года.

3. Ответное письмо Марии Павловны Николаю I от 22 февраля (6 марта) 1837 года.

Второе и третье письма (в отрывках) публикуются здесь впервые.

Письмо Николая к Анне Павловне известно; его французский текст был полностью опубликован еще в 1916 году П. Е. Щеголевым в исследовании «Дуэль и смерть Пушкина»;¹ перевод был сделан лишь для отрывка, связанного с Пушкиным. В последующих двух изданиях своей книги (1917 и 1948 гг.) Щеголев поместил лишь русский текст, не повторяя французского оригинала. Вот этот отрывок:

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXV—XXVII, Пгр., 1916, стр. 169—170.

«Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этих днях пишу ему, мне надо много сообщить ему об одном трагическом событии, которое положило конец жизни весьма известного Пушкина, поэта; но это не терпит любопытства почты».

Одно место в переводе Щеголева нуждается в уточнении; выражение «*trou célèbre* Пушкин» переведено им как «весьма известный Пушкин» в 1-м и 2-м изданиях и «знаменитый» — в 3-м издании. Здесь не передан иронический, пренебрежительный оттенок, вносимый словом «*trou*» (весьма, слишком) и передающийся в русском языке словом «пресловутый». Это значительно изменяет общий смысл высказывания Николая, выдавая за внешне беспристрастным тоном откровенную неприязнь.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в письме к Анне Павловне в Голландию, удерживаемый, возможно, соображениями дипломатического порядка, Николай лишь сообщает о смерти Пушкина, никак не комментируя события и не называя даже причины гибели поэта, не приводя вообще никаких подробностей. Тем интереснее написанное на другой день и бывшее до сих пор неизвестным письмо Николая в Германию, к Марии Павловне, в котором он крайне небрежно, как бы между прочим, сообщает о смерти Пушкина:

«... Je n'ai rien de fort curieux à te dire d'ici. L'évènement du jour est la mort tragique du *trou* fameux Pouchkin, tué en duel par un quelqu'un qui a eu le tort au nombre de beaucoup d'autres de trouver la femme de Pouchkin fort belle sans qu'elle aye été le moins du monde coupable.

«Pouchkin n'a pas été de cet avis et a insulté son adversaire d'une manière tellement indigne qu'aucune autre issue à l'affaire n'était possible. Au moins est-il mort en chrétien. Cette affaire a fait grand tapage, et comme les hommes sont toujours des hommes, vérité que tu ne disputeras pas; réflexion des plus profondes; or donc, l'on a déraisonné tant et plus; et j'ai écouté, chose qui profite à ceux qui savent écouter. Voilà le seul évènement remarquable».

Перевод: Здесь нет ничего такого любопытного, о чем бы я мог тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть пресловутого (*trou fameux*) Пушкина, убитого на дуэли неким, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, притом что она не была решительно ни в чем виновата.

Пушкин был другого мнения и оскорбил своего противника столь недостойным образом, что никакой иной исход дела был невозможен. По крайней мере он умер христианином. Эта история наделала много шума, а так как люди всегда люди, истина, с которой ты не будешь спорить, размышление весьма глубокое, то болтали много; а я слушал — занятие, идущее впрок тому, кто умеет слушать. Вот единственное примечательное происшествие.

Интересно, что в этом письме Николай употребляет еще более резкое выражение в адрес Пушкина «*trou fameux*» — «пресловутый, печальной известности», что подтверждает и наше прочтение выражения «*trou célèbre*» в первом письме.

Стремление объяснить дуэль семейной драмой и «дурным характером» поэта отчетливо видно как в письме Николая, так и в ответном письме Марии Павловны:

«...Ce que tu m'as mandé de l'affaire Pouschkin m'a bien affecté: — Voilà une déplorable fin de vie, et pour la femme innocente la plus horrible destinée qui se puisse rencontrer: il a toujours passé pour avoir un caractère peu recommandable à côté de son beau talent...».

Перевод: То, что ты мне сообщил о деле Пушкина, меня очень огорчило: вот достойный сожаления конец, а для невинной женщины ужаснейшая судьба, какую только можно встретить. Он всегда слыл за человека с характером мало достойным наряду с его прекрасным талантом...

Знаменательно, что в письме Николая к Марии Павловне содержится как бы программа изложения событий, официальная версия. Прежде всего он указывает, что событию этому не следует придавать слишком большого значения: «Здесь нет ничего любопытного, о чем бы я мог тебе сообщить». Далее, точно определяет, в чем «вина» убийцы, — в том, что он, как и многие другие, находил жену Пушкина прекрасной; в этих словах фактически содержится полное оправдание Дантеса, даже не названного по имени. Не забывает Николай указать и «истинного» виновника дуэли, это — подозрительный и ревнивый Пушкин, который вел себя «недостойным образом». Финал трагедии относительно «благополучен», ибо Пушкин умер христианином. Такова царская точка зрения, которую желательно было утвердить и за пределами России. Однако Николай, очевидно, опасается, что за границу могут попасть и иные сведения, иное освещение событий. «Болтали много, — предупреждает он Марию Павловну, — а я слушал...».

О том, что Николай «слушал» внимательно, известно достаточно широко. Самые жесткие меры, принятые николаевской жандармерией и цензурой в первые же часы после гибели Пушкина, опечатание бумаг поэта, тайный увоз тела, выговоры журналам за помещение некрологов, наконец, расправа с Лермонтовым, — вот что стоит за циничными словами «я слушал — заняты, идущее впрок тому, кто умеет слушать».

Публикуемые письма являются первыми и чрезвычайно выразительными документальными свидетельствами об отношении царя к Пушкину; до сих пор мы располагали лишь отзывами современников.

Письма, обнаруженные М. П. Соколовым, показывают, что в иностранных архивах, и в частности в немецких, могут быть найдены и другие материалы о Пушкине. Было бы крайне желательно, чтобы Общество советско-германской дружбы первым взяло на себя с этой целью организацию детального обследования архивных фондов, находящихся за границей.

Л. В. КРЕСТОВА

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ

В истории отношений Пушкина к декабристам особое место занимает рисунок поэта 1826 года, изображающий их казнь. Сверху 38-го листа тетради № 2368 написано: «И я бы мог как [шут на]». Затем представлена Кронверкская куртина Петропавловской крепости, ворота, виселица и на ней пять повешенных. Далее набросан ряд портретов в профиль и снова запись: «И я бы мог». Внизу страницы опять изображена виселица и пять повешенных.

Исследователи много раз обращались к этому выразительному и страшному рисунку, пытались понять смысл загадочных слов: «И я бы мог как [шут на]».

Первоначально спор шел о прочтении записи, сделанной поэтом. По словам В. Е. Якушкина, ее следует читать: «И я бы мог как [тут на]».¹ Однако после фототипического воспроизведения С. А. Венгеровым рукописи установилось неопровержимое мнение, принятое впоследствии всеми пушкинистами, что Пушкин написал: «И я бы мог как [шут на]».²

К кому применял Пушкин слово «шут» и что оно должно обозначать — стало предметом дальнейших разысканий. По взгляду С. А. Венгерова, слово «шут» относится к повешенным декабристам, хотя в нем «никакого пренебрежения к декабристам нет».³

Иначе думали Вл. Боцяновский и Н. О. Лернер.

Вл. Боцяновский полагал, что слово «шут» брошено Пушкиным не по адресу декабристов, а по своему собственному: «Поэт имел в виду показать, что среди героев-декабристов он, вовлечен-

¹ В. Е. Якушкин. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве. «Русская старина», 1884, июнь, стр. 550.

² Пушкин, т. II, изд. Брокгауз—Ефрон, СПб., 1908, стр. *527.

³ С. Венгеров. По поводу рисунка Пушкина «Декабристы на виселице». Там же, стр. 530.

ный в мятежный водоворот случайно, висел бы как шут, быть может, даже умалая их подвиг своим соседством».⁴ Эту же точку зрения поддерживал и Н. О. Лернер.

Подтверждение такому истолкованию Н. О. Лернер находит в заметке Пушкина, касающейся поэмы «Граф Нулин»: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. „Граф Нулин писан 13 и 14 декабря. — Бывают странные сближения“».

«13 декабря 1825 года, — указывал Н. О. Лернер, — когда бойцы готовились к открытому выступлению, и 14 декабря, когда на улицах столицы лилась кровь, Пушкин перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией. Они вышли умирать, а он шутил. И в приписке к рисункам, изображающим их виселицу, он строго осудил себя за „шутовство“».⁵

Толкование Вл. Боцяновского и Н. О. Лернера, как «невыдерживающее никакой критики», вызвало несогласие Д. Д. Благого. В своем решении вопроса Д. Д. Благой, возвратившись к точке зрения С. А. Венгерова («Повешение недаром считается казнью позорною. . . повешенный болтается как шут»), подчеркнул социальное звучание в записи Пушкина и в его рисунке. «Смертная казнь именно повешением, помимо всего прочего, заключала в себе и нечто специфически-позорное, специфически-унизительное для дворянина. . . Всем этим раздумья Пушкина над тем „шутовским“, что было в смерти пяти декабристов, целиком оправданы.

„И я бы мог, как шут. . .“.

«Да, и с ним могли поступить, как с „шутом“».⁶

Однако и это истолкование записи Пушкина и его рисунка вызвало возражение. По мнению М. А. Цявловского, слова «как шут» относятся не к декабристам, «а к самому Пушкину, противопоставившему себя, не политического деятеля, а „таинственного певца“, декабристам, героям и мученикам».⁷

В дополнение М. А. Цявловский указал, что, во-первых, запись представляет начало стиха, и, во-вторых, выражение «висеть как шут было общеупотребительным». В подтверждение широкой распространенности данного выражения М. А. Цявловский привел выдержку из поэмы писателя XVIII века В. Майкова «Елисей или раздраженный Вакх», в которой Зевс за неповиновение ему грозит богам:

⁴ В. Боцяновский. Пушкин и декабристы. «Вестник литературы», 1921, № 2/26, стр. 9.

⁵ Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 208; ср.: «Речь», 1912, 29 января, № 28.

⁶ Д. Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Изд. 2, Изд. «Мир», М., 1931, стр. 287.

⁷ М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 159—160.

А если кто из них хоть мало укуснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами.

(Песнь 1, стихи 407—410).

Попутно М. А. Цявловский сделал следующее замечание: «Не решаюсь утверждать категорически, но соглашаюсь с высказанным в беседе со мной мнением С. М. Бонди, что выражение это применялось к картонному шуту, висевшему на веревке, в известной детской игрушке».⁸

Возражая М. А. Цявловскому, С. Я. Гессен указывал, что комментарий к выражению «висеть как шут» неудачен не только потому, что приведена единственная ссылка на В. Майкова, но особенно ввиду «очевидной разницы между этим действительно шутовским повешением за ноги и грозившей Пушкину опасностью быть повешенным в обыкновенном порядке за шею». Справедливо отвергал С. Я. Гессен догадку С. М. Бонди, которую М. А. Цявловский для чего-то считал нужным привести, так как «мы не можем допустить мысли, чтобы Пушкин провел какую-то аналогию между этой игрушкой — картонным шутком — и повешенными товарищами только потому, что, умирая, они тоже дрыгали ногами».⁹ Но отвергнув аргументацию М. А. Цявловского и С. М. Бонди, С. Я. Гессен все же полагал, что «точный смысл записи Пушкина продолжает оставаться для нас неясным».¹⁰

Действительно ли это так?

Из Михайловского, где застигли Пушкина события 14 декабря 1825 года, поэт внимательным и взволнованным взором следил за происходящим в столице. «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружения заговора», — писал Пушкин Дельвигу в первой половине 1826 года. Проходит несколько дней... Пушкин снова встревожен: «Мне сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте» (письмо Дельвигу, 20 февраля 1826 года).

Затем наступает длительное молчание. Известие о казни декабристов запечатлено Пушкиным в короткой криптограмме: «У о с. Р. П. М. К. Б.: 24», т. е. «услышал о смерти Рыльева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля 1826 г.»¹¹

В дальнейших письмах к друзьям Пушкин некоторое время не упоминает о казни декабристов. Только 14 августа 1826 года он пишет Вяземскому: «... повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

⁸ Там же, стр. 160.

⁹ С. Гессен. Рецензия на книгу: Рукою Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 423.

¹⁰ Там же, стр. 424.

¹¹ М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Рукою Пушкина, стр. 307.

8 сентября 1826 года Пушкин по приказу Николая I был доставлен в Москву. После коронации (22 августа) весь сентябрь был посвящен празднествам, увеселениям, балам. Консервативные дворянские круги торжествовали. 14 декабря и 13 июля, как, возмущаясь, писал П. А. Вяземский, «уже и не в помине».¹² Между тем в той же Москве господствовали и другие настроения.¹³ Здесь были арестованы, отправлены в Петербург и позднее приговорены к тяжелым наказаниям видные декабристы: Никита Муравьев, И. Д. Якушкин, М. А. Фонвизин, В. П. Штейнгель и др.¹⁴ Передовые круги были потрясены известиями о суде, о казни, которые передавались из уст в уста.¹⁵

Очутившись в дружеской среде, Пушкин близко сходитя с уцелевшими деятелями декабрьского движения: В. П. Зубковым и Б. К. Данзасом.¹⁶ В Москве после долгой разлуки поэт встречается также с П. А. Вяземским,¹⁷ который почти тотчас после июльских событий узнал «лютые подробности казни».¹⁸

Конечно, учесть полностью все сведения о казни декабристов, передававшиеся из уст в уста и дошедшие до Пушкина, невозможно, но можно на основании имеющихся мемуаров составить представление о том, как происходила расправа с декабристами и какие моменты этой расправы отразил в своей записи и рисунке Пушкин.

«В ночь на 13 июля на кронверке Петропавловской крепости, при свете костров, устроили виселицу и рано утром вывели заключенных в крепости декабристов для совершения казни».¹⁹

«Сначала, — как пишет С. П. Трубецкой, — вывели приговоренных к смертной казни. Затем стали выкликать разделения по роду службы».²⁰

¹² «Архив братьев Тургеневых», т. I, вып. 6, 1921, стр. 43.

¹³ См., например, записки Д. Н. Толстого, который демонстративно не хотел участвовать на церемонии въезда в Москву Николая I, называл его деспотом и непрерывно вспоминал декабристов («Русский архив», 1885, № 5, стр. 25—26). Ср. также настроения юношей Герцена и Огарева.

¹⁴ См.: Н. П. Чулков. Москва и декабристы. Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 311.

¹⁵ Записки А. И. Кошелева (1812—1833 годы). Берлин, 1884, стр. 16 и 18.

¹⁶ Сергей Гессен. Источники десятой главы «Евгения Онегина». Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 144—145.

¹⁷ Осенью 1826 года Пушкин читал у П. А. Вяземского «Бориса Годунова» (П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. X, СПб., 1886, стр. 266).

¹⁸ «Остафьевский архив», т. V, вып. 2, стр. 54. Ср. также: Николай Кутанов (С. Н. Дурылин). Декабрист без декабря. Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 257.

¹⁹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 409.

²⁰ С. П. Трубецкой. Записки декабриста. Лондон, 1863, стр. 61.

И. Д. Якушкин рассказывает: «В полночь меня разбудили, принесли платье, одели меня и вывели на мост, который идет от рavelина к крепости. . . Всех нас повели в крепость; изо всех концов, изо всех казематов вели приговоренных. Когда все собрались — нас повели под конвоем отряда Павловского полка через крепость в Петровские ворота. . . Шли без малейшего раздумья, с торжеством и весело говоря между собою. . . Перед воротами всех нас (кроме носивших гвардейские и флотские мундиры) выстроили покоем спиной к крепости, прочли общую сентенцию, военным велели снять мундиры и поставить нас на колена. Я стоял на правом фланге и с меня началась экзекуция».²¹

По свидетельству Н. В. Басаргина, каждому отдельно читали его приговор, ломали над головой шпагу, снимали мундир и тут же сжигали.²² О дальнейших подробностях гражданской казни известно следующее:

«После срывания одежды, — указывает С. П. Трубецкой, — осужденных повели в казармы, одев в „полосатые халаты“».²³ То же подтверждает Н. В. Басаргин: «. . . снимали мундир. . . потом надевали лазаретный халат, и по окончании всей этой церемонии повели обратно в крепость. Костюмы наши были очень смешны. Разбирать халаты было некогда: иному на маленький рост попался самый длинный, и он едва мог переступить на нем, другому на большой — коротенький, толстому доставался узкий, так что он едва напяливал его на себя».²⁴ Особенно комическое впечатление производил Якубович, «в высокой офицерской шляпе, в ботфортах и в коротеньком до колен халате».²⁵ Все эти сведения находят свое подтверждение также в «Записках», приписываемых М. А. Бестужеву. Рассказав о радостной встрече декабристов, чтении сентенции, Бестужев сообщает: «Потом обрывание мундиров и орденов; потом ломание шпаг над головою, потом auto-da-fé военной амуниции и, наконец, возвращение по казематам в затрапезных халатах. . .».²⁶

После гражданской казни декабристы производили тягостное впечатление. Возвращаясь обратно в казематы, они составили кортеж, который М. А. Бестужев называет «буффонско-маскарадным».²⁷ В мемуарах декабристов сохранилось свидетельство, что переодевание осужденных в момент гражданской казни вызвало даже у них самих «невольную улыбку».²⁸ Такое поведение было истолковано генерал-адъютантом Чернышевым, наблюдавшим за

²¹ Записки И. Д. Якушкина. Изд. 2, СПб., 1905, стр. 108—109.

²² Записки Н. В. Басаргина. Пгр., 1917, стр. 73.

²³ С. П. Трубецкой. Записки декабриста, стр. 61.

²⁴ Записки Н. В. Басаргина, стр. 74.

²⁵ Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование, т. 1, СПб., 1903, стр. 452.

²⁶ Воспоминания Бестужевых. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 136.

²⁷ Там же.

²⁸ Записки Н. В. Басаргина, стр. 74.

исполнением казни, как равнодушные к новому их положению.²⁹ Об этом было передано императору, который, узнав подробности, сказал о декабристах: «... презренные и вели себя, как презренные — с величайшей низостью».³⁰ В действительности с «величайшей низостью» вели себя не декабристы, а самодержавный монарх и его подчиненные — генерал-адъютант Чернышев, полицмейстер Чихарев, генерал-губернатор Кутузов, смеявшийся над Якушкиным, когда тот упал от удара фуллейта, плохо подпилившего пшагу.³¹ Все эти подробности гражданской казни могли заметить и лица, допущенные как зрители. Среди них, по свидетельству Н. В. Путяты, находились А. А. Дельвиг и Н. И. Греч.³²

Установив, что гражданская казнь декабристов была превращена правительством Николая I в шутовское, буффонское зрелище, обратимся к решению еще одного важного вопроса: видели ли декабристы, приговоренные к гражданской казни, виселицу с повешенными? Мемуарная литература не дает однородного ответа на этот вопрос. «Мы заметили, — рассказывает С. П. Трубецкой, — столбы на валу одного бастиона кронверка. Это была виселица, которая еще не имела перекладины... В нашем отделении казни товарищей мы видеть не могли, ибо пришли в крепость».³³ И. Д. Якушкин пишет: «Вышедши из крепости, мы увидели влево что-то огромное и в эту минуту не показавшееся похожим на виселицу. Это был помост, над которым возвышалось два столба; на столбах лежала перекладина, а на ней висели веревки».³⁴ «Какие-то столбы с перекладинами» видел Н. В. Басаргин, по словам которого «о назначении их никто не догадывался».³⁵

Однако наряду с подобными свидетельствами, указывающими, что «в некоторых отделениях» не видели казненных декабристов, имеются и другие, принадлежащие Н. Р. Цебрикову и М. А. Бестужеву, находившимся в последнем каре. Это каре, особенно большое, А. И. Чернышев «приказал, по словам Цебрикова, подвести к виселицам». Тогда Федор Вадковский закричал:

«On veut nous rendre témoins de l'exécution de nos camarades. Ce serait une indignité infâme de rester témoins impassibles d'une pareille chose. Arrachons les fusils aux soldats et jettons-nous en avant. Множество голосов отвечало: «Oui, oui, oui, faisons ça,

²⁹ Н. Р. Цебриков. Воспоминания о Кронверкской куртине (Из записок декабристов). В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. I, М., 1931, стр. 263.

³⁰ Сб. «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Госиздат, М.—Л., 1926, стр. 208.

³¹ Записки И. Д. Якушкина, стр. 108—109.

³² Казнь декабристов. Рассказ современника, «Русский архив», 1881, II (2), стр. 344.

³³ С. П. Трубецкой. Записки декабриста, стр. 61.

³⁴ Записки И. Д. Якушкина, стр. 107—108.

³⁵ Записки Н. В. Басаргина, стр. 53.

faisons ça»;³⁶ но Чернышев и при нём находившиеся, услышав это, вдруг большой каре повернули и скомандовали идти в крепость. . . Адская мысль подвести любоваться виселицами, на которых уже висели мученики, принадлежит собственно Чернышеву».³⁷

Рассказ Н. Р. Цебрикова о том, что казнь пятерых состоялась тогда, когда часть осужденных находилась еще на площади Кронверка, подтверждает и М. А. Бестужев. «Этот буфонско-маскарадный кортеж (переодетых декабристов, — Л. К.) проходил в виду пяти виселиц, где в судорогах смерти покачивались злополучные жертвы тирании».³⁸

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства современников указывают, что часть декабристов видела не только виселицы, но и трупы пятерых своих товарищей.

Установив подробности гражданской казни, рассмотрим теперь на основании свидетельств участников событий 13 июля 1826 года записи и рисунки Пушкина.

А. Эфрос установил следующий ход пера Пушкина по 38-му листу тетради № 2368:

«Первой была написана Пушкиным строка: „И я бы мог как шут на. . .“. Написавши начало строки, Пушкин зачеркнул „шут на“, стал искать другого сравнения и продолжения. Эта остановка разрешилась . . . рисунком . . . наброском виселицы. О такой последовательности и связи строки с рисунком свидетельствует еще то обстоятельство, что рисунок частично задевает по низу буквы уже написанных слов».³⁹

Та же последовательность повторяется и во втором рисунке, сделанном на той же 38-й странице: сначала запись, а затем — рисунок, «где еще с большей отчетливостью изображены виселица и пять повешенных, представленных только в большем размере, что позволяет заметить движение ног у второй фигуры, конвульсии третьей и четвертой».⁴⁰

По мнению А. Эфроса, запись — вовсе не «приписка к рисунку» (как думал Н. О. Лернер), а возникла ранее его, что вполне убедительно. Возникновение записи и рисунка дает возможность восстановить последовательный ход мысли Пушкина. Первоначально в сознании поэта возникла картина гражданской казни, а затем зрелище виселицы с пятью повешенными. Первый

³⁶ Перевод: Нас хотят сделать свидетелями казни наших товарищей. Было бы гнусностью оставаться безучастными свидетелями всего этого. Вырвем ружья у солдат и бросимся вперед! Множество голосов отвечало: «Да, да, да, сделаем так, сделаем так!».

³⁷ Н. Р. Цебриков. Воспоминания о Кронверкской куртине, стр. 263.

³⁸ Воспоминания Бестужевых, стр. 136.

³⁹ Абрам Эфрос. Декабристы в рисунках Пушкина. «Литературное наследство», № 16—18, М., 1934, стр. 945.

⁴⁰ А. М. Эфрос. Рисунки поэта. Изд. 2, «Academia», М., 1933, стр. 358.

этап размышлений Пушкин запечатлел в словах: «И я бы мог как шут...».

Тесно связанный со многими декабристами, поэт представил себя замешанным в процессе и если не казненным (к чему не было достаточных оснований), то все же осужденным на долгие годы изгнания. В таком случае, наряженный, как и его друзья-декабристы, в полосатый халат не по росту, и он бы «мог как шут» стать участником «буфонско-маскарадного кортежа», предметом издевательства и насмешки. Уходя же после чтения приговора и «экзекуции», Пушкин увидел бы, как увидели некоторые из приговоренных, виселицу с пятью повешенными. Отсюда вслед за записью появилось изображение виселицы и злосчастных жертв.

Очевидно, таким образом, что рассказы о гражданской казни и повешении, передававшиеся из уст в уста, дошли до Пушкина в версии, известной из мемуаров Н. Р. Цебрикова и М. А. Бестужева, и произвели на него неотразимое впечатление.

Запись Пушкина «И я бы мог как шут на...» вовсе не направлена против декабристов и не включает оценки их деятельности. Неправильно, что в ней сказывается самоосуждение поэта, проводившего будто бы резкую грань между декабристами и самим собою.

Слово «шут» появилось у Пушкина как отражение реальных обстоятельств гражданской казни и направлено против Николая I и тех его клеветов, кто недостойными путями пытался превратить декабристов, идейных противников самодержавия, в «шуты».

Что же касается слов «и я бы мог», то они лишний раз подтверждают близость Пушкина к дворянским революционерам, заставляя вспомнить смелый ответ поэта самому императору в сентябре 1826 года. В 1848 году Николай, беседуя с бароном М. А. Корфом, сообщил ему о своем разговоре с Пушкиным:

«Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим.

«— Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он».⁴¹

Таков истинный смысл записи и рисунка Пушкина о казни декабристов.

⁴¹ Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование, СПб., 1903, т. 2, стр. 16.

М. И. ГИЛЛЕЛЬСОН

ОТЗЫВ СОВРЕМЕННОКА О «ПИРЕ ПЕТРА ПЕРВОГО» ПУШКИНА

Страх, пережитый Николаем I 14 декабря 1825 года, не покидал его до смерти. Всякое сочувственное упоминание о декабристах вызывало бешенство царя. И тем не менее Пушкин неоднократно осмеливался напоминать Николаю I об осужденных, прося о помиловании «друзей, братьев, товарищей». В «Стансах» (1826) Пушкин обратился к Николаю I с призывом оказать милосердие декабристам:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

В стихотворении «Друзьям» (1828), представленном поэтом на рассмотрение Николая I, он вновь писал о необходимости царю быть милосердным:

Я льстец! Нет, братья: льстец лукав,
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Пушкин всячески подчеркивал свое дружеское отношение к декабристам («И. И. Пущину», «Во глубине сибирских руд», «Арион», 19 октября 1827»). Когда П. А. Вяземский связал эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» с судьбой декабристов, сделав вставку о погибших друзьях в статью Н. А. Полевого «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг. (Письмо в Нью-Йорк к С. Д. П.)»,¹ и вызвал этим напоминанием гнев Бенкендорфа и Николая I,² то Пушкин принял вызов шефа жандармов и демонстративно в последней LI строфе восьмой главы «Евгения Оне-

¹ «Московский телеграф», 1827, ч. XIII, отд. 1, № 1, стр. 9.

² См.: М. И. Гиллельсон. Письмо А. Х. Бенкендорфа к П. А. Вяземскому о «Московском телеграфе». «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 418—429.

гина», перефразировав эпитафию к «Бахчисарайскому фонтану», добрым словом помянул декабристов.

Шли годы. Декабристы по-прежнему томились в Сибири. И вот, когда после длительных хлопот Пушкин получил разрешение издавать «Современник», то на первых страницах первого номера журнала поэт печатает стихотворение «Пир Петра Первого».³ Вновь, как и десять лет назад в «Стансах», Пушкин ука- зывает Николаю I на великодушные его пращура — Петра I:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Иносказание было столь явным, что не требовалось особой пронизательности для его разгадки: Пушкин вновь призывал Николая I быть милостивым к декабристам. Вот что писал по этому поводу в своем дневнике 14 апреля 1836 года Л. И. Голенищев-Кутузов:⁴

«Mardi 14. Ce qu'on attendait avec impatience vient de paraître, le Contemporain (Современник) de Пушкин, et dès la première page on y voit son cachet; *Пир в Петербурге*, il raconte en vers très harmonieux une fête qu'a donné Pierre le Grand non pour célébrer une conquête, une victoire, la naissance d'un prince ou le jour de nom de l'impératrice, mais pour célébrer le pardon, qu'il vient d'accorder à des coupables et qu'il embrasse — les vers sont à la Пушкин, des expressions qui lui sont propres comme p. ex. en demandant pour qui la fête, il dit:

Не родила ль Екатерина,
Не именинница ль она,
Чудотворца исполняя
Чернобровая жена.⁵

³ «Современник», 1836, т. I, стр. 1—3.

⁴ Логгин Иванович Голенищев-Кутузов (1769—1845) — сын Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова (1729—1802), адмирала, президента Государственной адмиралтейской коллегии, морского писателя. Л. И. Голенищев-Кутузов служил с 1785 года во флоте, участвовал в морских сражениях со Швецией; в 1827 году был назначен председателем Ученого комитета морского министерства; переводил морские сочинения. В Государственной публичной библиотеке (ГПБ) в фонде Голенищевых-Кутузовых хранятся дневники Л. И. Голенищева-Кутузова за 1808—1820, 1823—1828, 1831—1843 годы. Во второй половине 1836 года Л. И. Голенищев-Кутузов вступил в полемику с Пушкиным по поводу стихотворения «Полководец»; об этом см.: В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4—5, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 125—164.

⁵ Л. И. Голенищев-Кутузов не совсем точно цитирует четверостишие Пушкина.

«Sans parler des vers, c'est l'idée qui est délicieuse, c'est la leçon qu'il veut donner à notre cher et auguste maître — point d'avant-propos, ni d'avant-scène, point de dédicace, le livre commence par cette pièce de vers qu'on aurait pu tout aussi bien situer au milieu, c'est au commencement et voilà ce qui le caractérise ... (ГПБ., ф. 201, ед. хр. 30).

Перевод: Вторник 14. Наконец появилось то, что ожидалось с таким нетерпением — «Современник» Пушкина, и с первой же страницы чувствуется отпечаток его духа; *Пир в Петербурге* повествует в гармоничнейших стихах о пире, устроенном Петром Великим не в честь победы и торжества, рождения наследника или именин императрицы, но в честь прощения, оказанного им виноватым, которых он обнимает — стихи звучат по-пушкински, выражения, свойственные ему, так, например, спрашивая о причине пира, он говорит «далее идет четверостишие».

Не распространяясь уже о стихе, сама идея стихотворения прекрасна, это урок, преподанный им нашему дорогому и августейшему владыке — без всякого вступления, предисловия или посвящения, журнал начинается этим стихотворением, которое могло быть помещено и в середине, но оно вначале, и именно это обстоятельство характеризует его...

Отзыв Л. И. Голенищева-Кутузова о «Современнике» — отзыв человека, находившегося во враждебном Пушкину общественном лагере. Тем больший вес имеет его свидетельство о том, что выход в свет «Современника» ожидался публикой с нетерпением. Но самое ценное в отзыве Л. И. Голенищева-Кутузова заключается в ясном понимании того, что стихотворение «Пир Петра Первого» своим содержанием, а также тем, что оно было помещено в начале первого номера журнала — это урок царю.

Итак, от надписи «урок царям» на портрете Лувеля,⁶ убийцы герцога Беррийского, сделанной поэтом в 1820 году, до урока царю в стихотворении «Пир Петра Первого» — таков неуклонный путь свободомыслия Пушкина.

⁶ Портрет Лувеля был приложен к журналу «Вестник Европы» (1820, № 12, июнь) с надписью «Черты злодея Лувеля».

Ю. М. ЛОТМАН

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ СЕДЬМОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

(Письмо Е. М. Хитрово к неизвестному издателю)

Март 1830 года был тяжелым для Пушкина. Булгарин начал развернутое наступление на поэта. Ободренный правительственной поддержкой, он перешел от двусмысленных похвал и язвительных намеков к клевете и открытому глумлению. 22 марта 1830 года в «Северной пчеле» (№ 35) была опубликована известная статья, в которой седьмая глава «Евгения Онегина» и «Полтава» провозглашались «совершенным падением» таланта Пушкина.

«Критику 7-ой песни в Северной Пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина», — писал Пушкин.¹ Однако нарочито небрежный тон этих строк вряд ли отражал действительное настроение поэта. Лучшим доказательством этого являются многочисленные контрудары Пушкина, стремившегося раскрыть читателю подлинное лицо Видока.²

Обстоятельства требовали незамедлительных и энергичных действий, а Пушкину было не до журнальных споров: он уехал в Москву с твердым намерением добиться руки Н. Н. Гончаровой. Сложными и, видимо, в достаточной степени мучительными сделались в это время и отношения с Е. М. Хитрово, засыпавшей его из Петербурга письмами.

В этих условиях Пушкин вряд ли мог немедленно ответить на оскорбительный выпад Булгарина — обязанность эта падала на его друзей.

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 150.

² См.: В. В. Гиппиус. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 235—255.

Хранящееся в архиве Е. И. Кутузовой-Смоленской [Пушкинский дом (ПД), ф. 358, оп. 1, № 115] черновое письмо Е. М. Хитрово дополняет картину полемики, развернувшейся в 1830 году вокруг седьмой главы «Евгения Онегина». В совершенно новом свете предстает перед нами и сама Е. М. Хитрово. До сих пор она была известна как близкий друг поэта. Имя ее чаще всего всплывало при рассмотрении интимных сторон пушкинской биографии. Теперь мы узнаем о ней как об авторе выступления в защиту Пушкина от Булгарина, как об активном организаторе общественного мнения в пользу поэта.

Для того чтобы понять степень благородства поведения Е. М. Хитрово, следует иметь в виду, что в это самое время происходило доставлявшее ей неизмеримые страдания сватовство Пушкина. Любопытно и другое: в публикуемом письме она проявила не только горячую привязанность к поэту, но и хорошую осведомленность в вопросах чисто литературных. Она сразу почувствовала и слабые места позиции Булгарина и то, какие из его обвинений представляют для Пушкина наибольшую опасность.

Нельзя забывать, что выступление Е. М. Хитрово получало особый смысл, поскольку Булгарин придал своей статье доносительный оттенок, намекнув в ней на отсутствие у Пушкина патриотических чувств, что якобы особенно проявилось в описании Москвы в седьмой главе. Голос Е. М. Хитрово — любимой дочери Кутузова, свято чтившей память своего великого отца, портрет которого она постоянно носила при себе, был достаточно авторитетен, чтобы отвести от Пушкина клеветническое обвинение в неуважении к памяти 1812 года. Язвительным намеком на Булгарина звучали слова Хитрово: «...что это за русский, чье сердце не затрепещет при чтении этих двух стихов:

Не пошла Москва моя
К нему с повинной головою».

Хитрово, видимо, не хуже Пушкина была осведомлена и в закулисной стороне деятельности Булгарина. Об этом говорит многозначительный намек на «прямые и окольные нападки» его на Пушкина, причем слово «окольные» (*indirecte*) в письме подчеркнуто.

То, что голос в защиту Пушкина в 1830 году возвысила именно женщина, отнюдь не случайность. Именно в эту пору начали сказываться в полной мере трагические последствия разгрома декабристов. Если в 1826—1828 годах характерными чертами общественной жизни являлись запуганность и безмолвие, то в первой половине 30-х годов начали сказываться развращающие последствия реакции. С одной стороны, это проявлялось в возникновении казенной литературы и журналистики, которая, пользуясь тем, что у ее противников рот был зажат, дезориентировала читателя развязными демагогическими статьями. С другой сто-

роны, в дворянском обществе исчезал тип независимого в мнениях и общественном положении передового человека. Заставляя всех служить, Николай I сознательно стремился ликвидировать в обществе остатки самостоятельности — политической, интеллектуальной и бытовой.

Однако правительство Николая I не имело административных возможностей посягнуть на свободу мнений передовой дворянской женщины, защищенной от грубого полицейского давления независимостью материального и сословного положения. Не следует искать у образованных дворянских женщин той поры сколько-нибудь стройной системы взглядов. Возрения их по тем или иным вопросам могли быть даже консервативными, но это были их собственные убеждения, не поддающиеся никакому контролю, и этот дух независимости мнений, каково бы ни было содержание последних, делал их салоны подозрительными в глазах правительства.

В условиях, когда демократический лагерь еще не выступил как самостоятельная общественная сила, а наследники декабристских традиций находились под постоянным надзором и были организационно разобщены, подобные салоны, — разумеется, исключения в жизни петербургского и московского «света» — играли роль своеобразных оазисов.

Все это необходимо учитывать при решении вопроса, почему Пушкин около 1830 года стремится воплотить положительный идеал именно в женском образе. С этим же, вероятно, связаны попытки в рукописях восьмой главы дать положительный облик салона Татьяны, противопоставить его «журнальным чопорным судьям»:

В гостиной светской и свободной
Был принят слог престонародный
И не пугал ничьих ушей
Живую странностью своей:
(Чему наверно удивится
Готова свой разборный лист
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один Журнал!).³

Адресат письма не назван. Это должен был быть издатель газеты, вероятно петербургской. В петербургских газетах за март—апрель 1830 года нам не удалось найти никакой статьи, которую можно было бы ассоциировать с упомянутой в тексте письма. В газете А. Ф. Воейкова «Русский инвалид» от 24 марта 1830 года (№ 79) была перепечатана из «Литературной газеты» от 22 марта 1830 года (№ 17) сочувственная рецензия на седьмую главу «Онегина». Трудно предположить, чтобы Е. М. Хитрово, плохо владевшая стилем русской письменной речи, смогла написать

³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, 1937, стр. 627.

статью для газеты, тем более так быстро. Скорее всего можно думать, что она приложила к своему письму вырезку уже опубликованной в «Литературной газете» рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина». Перепечатка этого восторженного отзыва сразу после грубых нападок Булгарина, естественно, прозвучала бы как выступление против «Северной пчелы».

Приводим текст письма Е. М. Хитрово: ⁴

Jugez de mon étonnement et de ma surprise, Monsieur, de lire [aujourd'hui] dans l'Abeille du Nord d'aujourd'hui № 35 que le septième et charmant chant d'*Onéguine* a fait *une chute complète*.⁵ Tel désagréable qu'il vous sera sans doute d'insérer mon article dans votre [Gazette] Journal, je pense que votre impartialité doit vous en faire un devoir. Les amis de Mr Pouchkine m'en voudront aussi d'avoir relevé cette nouvelle attaque de l'Abeille du Nord — plusieurs m'ont assuré qu'il était dans son noble caractère de dédaigner toute attaque directe et *indirecte*. Je sais aussi que sa brillante réputation littéraire est trop bien établie pour que rien puisse y porter atteinte!

Mais moi, Monsieur, qui ne connais monsieur Pouchkin que par ses compositions ⁶ — il ne m'est point défendu de dire la vérité. Entourée de monde et de monde étranger aux débats littéraires et, par conséquent, entièrement impartial — combien ai-je du être surprise de tout ce que j'ai lu aujourd'hui!

Hier encore, chez moi tous louaient à l'envie *ce septième chant*. — On admirait l'harmonie des vers, la description de l'hiver, si magiquement dépeinte, la vérité du caractère d'*Onéguine*, qu'on [ne peut] voit être fait [que] d'après nature, celui de Таия <qui> devient positif — et sa mélancolie et le soin avec lequel elle refuse toute confiance à ses cousines et cette persévérance à conserver dans le plus profond de son cœur son précieux, quoique douloureux attachement, — tout prouve, que désormais son sort est fixé! — Son arrivée à Moscou, les réflexions de l'auteur au Palais de Пётровский ont été trouvés <es> du plus grand intérêt, et en effet, quel est ce Russe, dont le cœur ne palpitera pas à la lecture de ces deux vers:

Не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

Quant à la portée satirique, elle est trouvée pleine de vérité et de charme. Enfin si réussite complète veut dire *chute* [parf] *complète* l'Abeille du Nord a parfaitement raison . . . Mais quand dans cette même feuille d'aujourd'hui je vois aussi

⁴ Публикуя письмо, мы не сочли необходимым сохранять особенности весьма неустойчивой орфографии Е. М. Хитрово, русской и французской. В подготовке к печати французского текста письма принимали участие П. Р. Заборов и А. Г. Мовшензон.

attaquer le poème de Poltava — poème lu et relu par tous, admiré et estimé comme un des plus beaux ouvrages de notre Poète où chaque vers est une idée, une image, une perfection — on serait tenté vraiment de croire que l'éditeur de L'Abeille du Nord nous mystifie! Peut-on plus loin pousser la partialité?

Les amis intimes d'Alexandre Pouchkine m'ont assuré n'être jamais étonnés de la beauté de ses productions qui ne sont qu'une émanation de son âme! Un d'eux, jeune homme distingué, m'a dit plus d'une fois, que s'il avait un secret à confier, un avis à demander, dont dépendrait son existence — c'est sans balancer à Alexandre Pouchkine qu'il s'adresserait. Душа его, прибавил он, такая пламенная, такая чистая, что если и есть в ней недостатки, они не могут ни на минуту затмить ону!

С<ан>к<т>. Петер<бург>, 22 марта 1830, Садовая.

Перевод: Велико было мое изумление, сударь, когда я вдруг прочла в сегодняшнем 35-м номере «Северной пчелы», что прелестная седьмая песнь «Онегина» — это *полное падение*.⁵ Как бы вам несомненно ни было неприятно напечатать в вашей газете мою статью, полагаю, что ваша беспристрастность обяжет вас к этому. Друзья г-на Пушкина будут, конечно, сетовать на меня за то, что я пытаюсь отразить эти новые выпады «Северной пчелы». Многие меня уверяли, что его благородному характеру свойственно презирать все прямые и *окольные* нападки. Я знаю также, что его блестящая литературная репутация слишком незыблема, чтобы ее что-либо могло поколебать.

Но что может помешать сказать правду мне, знающей г-на Пушкина лишь по его сочинениям?⁶ Меня окружают светские люди, и притом люди, чуждые литературных споров, и, следовательно, вполне беспристрастные, а потому меня чрезвычайно изумило то, о чем я прочла сегодня.

Еще вчера мои гости наперебой превозносили эту самую *седьмую песнь*. Восхищались гармоничностью стихов, описанием зимы, так волшебно изображенной, правдивостью характера *Онегина*, который считают списанным с натуры, характера *Тани*, который делается определенным [положительным] — и ее печалью, и тем, как упорно она отказывается доверять что-либо своим кузинам и как твердо сохраняет в потаенных глубинах сердца драгоценную, хотя и мучительную привязанность, — все свидетельствует о том, что отныне участь ее решена. Ее приезд

⁵ Цитата из статьи Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» от 22 марта 1830 года (№ 35).

⁶ Стремясь представить свое сочинение как выражение беспристрастного мнения постороннего человека, Е. М. Хитрово искажает факты. Относительно времени знакомства ее с Пушкиным Н. В. Измайлов пишет: «... не будет произвольным сказать, что они познакомились в начале лета 1827 года» (Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 160). При всей объективности оценки Хитрово седьмой главы отношение ее к поэту в это время было весьма далеким от равнодушного беспристрастия. «Особенно ярко выступает эмоциональная, романтическая сторона отношений Хитрово к Пушкину в нескольких, дошедших до нас письмах ее к нему от весны 1830 года» (там же, стр. 174). Характеристику эту можно было бы распространить и на публикуемый документ.

в Москву, размышления автора о Петровском замке были оценены как имеющие величайшее значение. И в самом деле, у какого русского не забьется сердце при чтении этих строк:

Но не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

Что до сатирической стороны, то ее нашли исполненной истины и прелести. Словом, если совершенный успех называть *полным падением*, то «Северная пчела» совершенно права. Но когда в том же сегодняшнем номере этого листка я читаю такие же нападки на «Полтаву» — поэму, читанную и перечитанную всеми, которую почитают одним из самых прекрасных творений нашего поэта, поэму, где каждый стих — это мысль, образ, совершенство, невольно начинаешь думать, что издатель «Северной пчелы» потешается над нами! Неужто пристрастие может заходить еще дальше!

Близкие друзья Александра Пкушкина уверяют меня, что их никогда не удивляет красота его творений, которые являются только порождением его души. Один из них, весьма достойный молодой человек, не раз говорил мне, что, если бы ему надо было доверить тайну или спросить совета, от которого зависела бы его жизнь, он без колебаний обратился бы к Александру Пкушкину. Душа его, прибавил он, такая пламенная, такая чистая, что если и есть в нем недостатки, они не могут ни на минуту затмить *оную!*

С(ан)ж(т). Петербург, 22 марта <1830>, Садовая.

И. О Б З О Р Ы

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1961—1962 ГОДОВ

К 125-летней годовщине со дня гибели Пушкина опубликовано довольно много книг и специальных изданий. В нижеследующем перечне приведены в основном те издания, которые вышли в свет во второй половине 1961 года и в 1962 году и приурочены к памятной дате.

Базанов В. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.—Л., Гослитиздат, 1961, 471 стр.

Стр. 35—84: «От военно-патриотических гимнов 1812 года к „Деревне“ Пушкина».

Басина М. Я. Там, где шумят михайловские рощи. Л., Детгиз, 1962, 239 стр. (По дорогим местам).

Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.—Л., Гослитиздат, 1962, 452 стр.

Стр. 242—356: «О „Повестях Белкина“. Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма» (впервые в кн.: О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. Сборник статей. М.—Л., 1960). Стр. 357—403: «„Русалка“, лирическая трагедия Пушкина» (впервые: «Русская литература», 1958, № 1).

Больше-Болдинский музей-заповедник А. С. Пушкина. Сост. В. Т. Чеснова. Горький, Кн. изд., 1962, 19 стр. с илл. (Горьковское обл. управление культуры. Горьковский гос. архитектурный музей-заповедник).

Верховская Н. П. Пушкинские места в Подмосковье. 2-е доп. изд. М., «Московский рабочий», 1962, 84 стр. с илл.

Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитиздат, 1961, 614 стр.

В книге, имеющей теоретическое значение, ряд глав, посвященных Пушкину, освещает сложные и запутанные вопросы пушкинской текстологии, в частности методику определения авторства Пушкина и атрибутирования его неподписанных статей и заметок в «Литературной газете». Таковы: «Критика мнений о статьях „Литературной газеты“, приписывавшихся А. С. Пушкину», «Неизвестные статьи и заметки А. С. Пушкина в „Литературной газете“ 1830 г.», «Об авторстве двух статей „Литературной газеты“ 1830—1831 гг. на украинские темы (Сомов, Пушкин или Гоголь?)».

В части своей глава основывается на более ранних разьянениях автора, посвященных этим вопросам (см., например, «Неизвестные заметки Пушкина в „Литературной газете“ 1830 г.» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4—5. М.—Л., 1939, стр. 453—476), «Лингвистические основы научной критики текста» («Вопросы языкознания», 1958, № 2, стр. 3—24)), обобщая их на основе разработанной автором теории стилей (см.: «Стилистические методы

определения авторства и воспроизведения авторского текста в советском пушкиноведении» («Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. 20, вып. 1, 1961, стр. 3—26), «О языке художественной литературы» (М., Гослитиздат, 1959)).

Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, 466 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).

В монографии раскрывается своеобразие пушкинской лирики, определяется ее место в истории русской лирической поэзии, выясняется соотношение лирики Пушкина с лирическим наследием его предшественников и современников в России и за рубежом.

История русского романа. В двух томах. Т. I. М.—Л., 1962, 627 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).

Стр. 100—156: Б. С. Мейлах. «Евгений Онегин». Стр. 157—179: А. В. Чичерин. Путь Пушкина к прозаическому роману. Стр. 180—202: Н. В. Измайлов. «Капитанская дочка».

Качурин М. Г. и Шнейерсон М. Изучение языка писателей. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., Учпедгиз, 1961, 304 стр.

Стр. 3—134: «А. С. Пушкин».

Лаврецкая В. Произведения А. С. Пушкина на темы русской истории. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1962, 163 стр.

Содерж.: Трагедия «Борис Годунов». — Тема Петра I в творчестве А. С. Пушкина. — Народное движение в художественных произведениях А. С. Пушкина.

Ляхостский К. П. «Евгений Онегин». Роман в стихах А. С. Пушкина. Л., 1962, 72 стр. (О-во по распространению полит. и научн. знаний).

Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.—Л., 1962, 249 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).

Приложение: 20 фоторепродукций рукописей Пушкина.

В монографии ставятся общие теоретические проблемы художественного мышления, принципы анализа творческого процесса и психологии творчества на материале произведений Пушкина.

Музей А. С. Пушкина в Москве. М., «Московский рабочий», 1962, 192 стр. с илл.; 1 л. портр. (По музеям и выставкам Москвы и Подмосковья).

Путеводитель.

Новиков А. Н. Последний год. Роман. М., «Советский писатель», 1961, 445 стр.

Пушкин в 1836—1837 гг.

Орлов С. А. Болдинская осень. Очерк [о А. С. Пушкине]. Горький, Кн. изд., 1962, 72 стр.; 8 л. илл. (Горьковское обл. управление культуры. Больше-Болдинский музей-заповедник А. С. Пушкина).

Библиогр.: стр. 53—55.

Петров С. М. А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М., «Советская Россия», 1961, 239 стр.

Популярная биография.

А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. Сост. и вступит. статья Э. Гальпериной. М., Изогиз, 1961, 16 стр., 58 л. илл.

Альбом репродукций.

Пушкин и его время. Сборник статей. Ред. коллегия: М. М. Калаушин (отв. ред.) и др. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, 603 стр. с илл. (Всесоюз. музей А. С. Пушкина. Исследования и материалы, вып. 1).

Содержание см. в обзоре «Пушкиниана в периодике и сборниках статей», стр. 63—83 настоящего издания.

Рец.:

Найдич Э. Пушкин и его время. — «Вопросы литературы», 1962, № 12, стр. 188—191.

Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Т. 2. Кишинев, «Штиинца», 1961, 618 стр. с илл. (Пушкинские комиссии Ин-та языка и литературы МФ АН СССР и Одесского дома ученых).

Содержание см. в обзоре «Пушкиниана в периодике и сборниках статей», стр. 63—83 настоящего издания.

А. С. Пушкин о литературе. Сост. и примеч. Н. В. Богословского. М., Гослитиздат, 1962, 590 стр.; 1 л. портр. (Памятники эстетической и критической мысли).

Переиздание книги «Пушкин-критик» (М., Гослитиздат, 1950). Исключено приложение «Высказывания А. С. Пушкина о литературе по воспоминаниям современников».

Пушкин об искусстве. Сост., автор вступит. статьи («Художественный мир Пушкина», стр. 5—61) и коммент. Г. М. Кока. М., Изд-во Акад. художеств СССР, 1962, 200 стр. с илл.

Хронологическая подборка высказываний Пушкина об изобразительном искусстве.

Рождественский В. А. Читая Пушкина. Л., Детгиз, 1962, 190 стр. с илл.; 4 л. илл. (Школьная б-ка).

Наблюдения о художественном мастерстве на материале лирических произведений Пушкина.

Отзыв:

Урбан А. — «Новый мир», 1962, № 11, стр. 285.

Русские драматурги XVIII—XIX вв. Монографические очерки. В трех томах. Т. 2. Л.—М., «Искусство», 1961, 392 стр.

Стр. 123—176: Г. А. Лапкина. «А. С. Пушкин».

Сергиевский И. Избранные работы. Статьи о русской литературе. Вступит. статья Б. Мейлаха. М., Гослитиздат, 1961, 343 стр.

Стр. 15—39: «Эстетические взгляды Пушкина» (впервые: «Литературный критик», 1935, № 4). Стр. 40—59: «Пушкин в поисках героя» (впервые: «Литературный критик», 1937, № 1). Стр. 215—330: «Пушкин и Белинский» (печатается впервые).

Сидельников В. М. Писатель и народ. Очерки. М., «Советская Россия», 1962, 263 стр.

Стр. 109—134: «Пушкин и народная поэзия». Стр. 135—151: «Фольклоризация произведений Пушкина».

Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., Изд. Всесоюз. кн. палаты, 1962, 631 стр. с илл.

Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962, 300 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Содерж.: «На путях реализма». — «Повесть и новелла». — «Пути романа». — «Изображение характеров». — «Сюжет и композиция». — «Манера повествования».

Гальников Д. Л. Театральная эстетика Белинского. М., «Искусство», 1962, 414 стр.

Стр. 136—180: «Русская реалистическая драма. Драматургия Пушкина».

Гамарченко Д. Е. Из истории русского классического романа. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.—Л., 1961, 167 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).

Стр. 18—58: «Роман в стихах А. С. Пушкина».

Томашевский Б. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии. (1824—1837). М.—Л., 1961, 575 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).

В книге публикуется вторая часть незаконченной монографии покойного исследователя В. В. Томашевского (1890—1957), а также статьи и материалы, представляющие предварительные итоги работ ученого или своего рода заготовки к ненаписанным частям этой монографии. Первая часть ее (1813—1824) вышла в 1956 году.

Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 3-е, доп. М., «Советский писатель», 1962, 430 стр.; 16 л. илл.

Исправлены и дополнены разделы: «По страницам „Истории Петра“» и «История моего времени».

Фейнберг И. Л. Последний труд Пушкина. М., «Правда», 1962, 48 стр. (Б-ка «Огонёк», № 6).

Содерж.: Последний труд Пушкина. «История Петра I». — «История моего времени». Неизученный замысел Пушкина.

Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. Сост., ред. и примеч. Т. Г. Цявловской. Вступит. статья С. Бонди. М., 1962, 436 стр.; 7 л. илл. (Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук).

«Библиография трудов М. А. Цявловского», сост. Т. Г. Цявловская, стр. 409—419.

Сборник статей покойного пушкиниста (ум. 1947 г.), напечатанных между 1914 и 1958 годами. Впервые в данной книге напечатаны по рукописи: «Хронология оды „Вольность“», «Бова» (Отрывок из поэмы), «Хронология лицейских стихотворений», «Послание „К Жуковскому“ («Благослови, поэт...»)», «„Посмертный обыск“ у Пушкина», «К истории стихотворения „Кто знает край, где небо блещет...“ (Пушкин и гр. М. А. Мусина-Пушкина)».

Шервинский С. В. Ритм и смысл. К изучению поэтики Пушкина. М., 1961, 272 стр. (Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка).
Рец.:

Чудакова М. — «Новый мир», 1962, № 4, стр. 284.

Штейн А. Критический реализм и русская драма XIX века. М., Гослитиздат, 1962, 398 стр.

Стр. 33—73: «Пушкин — трагический поэт». — «Воскресить мивнувший век». — «Эпическая трагедия» («Борис Годунов»). — «Создание высокого совершенства» («Борис Годунов»). — «Маленькие трагедии». — «Русалка». — «Сцены из рыцарских времен».

Яковлева Т. М. Образ поэта. Пушкин в историческом романе И. А. Новикова. Тбилиси, «Заря Востока», 1962, 132 стр.

Содерж.: Пушкин в художественно-исторических произведениях советской литературы. — Работа И. А. Новикова над романом о Пушкине. — Пушкин в изображении И. А. Новикова.

Bełza I. Historyczna prawda w tragedii Puszkina «Mozart i Salieri». — «Zycie i myśl», Warszawa, 1962, № 1—2, стр. 152—170.

Les écrivains célèbres. Alexandre Serguéévitch Pouchkine. Trad. d'André Meynieux. Paris, Editions d'art Lucien Mazenod, 1962, 230 стр.

Избранные произведения Пушкина в роскошном издании и с многочисленными иллюстрациями. Переводы, послесловие («Sur Alexandre Serguéévitch Pouchkine et le coté de Pétersbourg», стр. 205—221) и общая редакция А. Менье.

Meynieux A. Trois stylistes traducteurs de Pouchkine. Mérimée, Tourguénev, Flaubert. Essai de traduction comparée. Paris, Librairie des cinq continents, 1962, 40 стр.

Paul John P. Pushkin's dedication of «Poltava» and princesse Mariya Volkonskaya. — «Marquette univ. Slavic institute papers», Milwaukee, [1961—1962], № 12.

Puschkin A. S. Briefe. Düsseldorf, 1961, 373 стр.
Рец.:

Reitz H. — «Welt und Wort», Tübingen, 1962, Jg. 17, H. 4, стр. 121.

Pushkin A. S. The bronze horseman. Ed. with introd., notes and a vocabulary by E. Hill. London, Bradda books, 1961, 38 стр.

Текст поэмы на русском языке.

Pushkin A. S. The captain's daughter. Transl. by G. R. Aitken. London, New English library, 1962.

Puschkin A. Gabrieliade. Übertr. von A. Plantener. Zeichn. von Ursula Mattheuer-Neustädt. Berlin, Aufbau-Verlag, 1962, 51 стр.; с илл.

Pushkin A. S. The gipsies; with a introd. notes and a vocabulary by P. Henry. London, Bradda books, 1962, XXXIII, 50 стр. (Library of Russian classics). In Russian, introd. and notes in English.

Puškin A. Eugenio Onjèghin, a cura di E. Lo Gatto. Firenze, Sansoni, 1962, XXIV, 280 стр. (Biblioteca Sansoniana staniera, 54).

Pushkin A. S. The letters of Alexander Pushkin. Ed. J. J. Shaw. London, Oxford univ. press, 1962, 900 стр.

Pushkin A. S. The queen of spades. — The negro of Peter the Great. — Dubrovsky. — The captain's daughter. Transl. with a introd. by R. Edmonds. Harmondsworth, Penguin books, 1962, 317 стр.

Puschkin Alexander. Poetische Werke. — Gedichte, Märchen. — Poeme. — Eugen Onegin. — Boris Godunov. Berlin, Aufbau-Verlag, 1962, 526 стр.

Избранные произведения Пушкина в лучших немецких переводах XIX—XX веков, с предисловием Гаральда Рааба (стр. 5—8) и краткими объяснительными примечаниями (стр. 493—525).

A. S. Pushkin, verse reader, ed. by S. P. Foote. London, Allen and Unwin, 1962, 244 стр.

Rancoroni J.-B. et Pouckine. Doubrowski. Paris, Les yeux ouverts, 1962. (Coll. «Théâtre de la jeunesse).

В. Э. ВАЦУРО

ПУШКИНИАНА В ПЕРИОДИКЕ И СБОРНИКАХ СТАТЕЙ (1961—1962)

Пушкинский юбилей 1962 года вызвал оживление пушкиноведческой литературы. К 125-летию со дня смерти поэта вышло в свет несколько работ монографического характера, многочисленные статьи в журналах и два сборника — «Пушкин на юге» и «Пушкин и его время». Первый из них создан на основе докладов, прочитанных на совместных конференциях пушкиноведов юга (Одесса—Кишинев, 1955—1959); второй, подготовленный Всесоюзным музеем А. С. Пушкина, включает статьи и публикации по преимуществу источниковедческого характера. Большое место в нем уделяется исследованию изобразительных и мемориальных материалов, связанных с именем Пушкина и его окружением.

Настоящий обзор ограничивает свою задачу рассмотрением статей о Пушкине в журналах, сборниках и «Ученых записках» и не претендует на полноту. Не учтены статьи общего характера, не преследующие собственно научных целей, хроникальные заметки, рецензии на спектакли и т. д. Не вошла в обзор и обширная учебно-методическая литература по Пушкину. Газетные сообщения регистрируются в тех случаях, когда содержат принципиально важный фактический материал.

Проблемы научной биографии Пушкина заняли большое место в программе XIII Всесоюзной Пушкинской конференции (Ленинград, 6—8 июня 1961 года). Общие принципы и задачи ее построения были сформулированы в докладах Б. С. Мейлаха¹ и Т. Г. Цявловской,² указавшей на «неясные места», кото-

¹ Б. С. Мейлах. О задачах изучения и построения научной биографии Пушкина. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция (6—8 июня 1961 года). Тезисы докладов. Л., 1961.

² Т. Г. Цявловская. Неясные места биографии Пушкина. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция, 1961. Текст докладов Б. С. Мейлаха и Т. Г. Цявловской напечатан в издании: «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962.

ры должны быть обследованы в результате планомерного розыска документальных материалов. Одной из важнейших лагун научной биографии Пушкина является вопрос о его свидании с Николаем I в 1826 году. Предполагаемая реконструкция этой беседы, на основании дошедших до нас свидетельств и анализа взаимоотношений Пушкина с Николаем после 1826 года, была сделана С. М. Бонди.³

В статье И. Л. Фейнберга⁴ приводится свод данных об истории находки и публикации дневника А. С. Пушкина и истории розысков «дневника № 1». До настоящего времени розыски эти не дали положительных результатов. Самый характер сведений о «дневнике № 1» заставляет, однако, сомневаться в существовании этой огромной рукописи в 1100 страниц. Если, по словам М. Л. Гофмана, «дневник № 1» содержит «полную реабилитацию Натальи Николаевны», он должен относиться к 1835—1836 годам, т. е. продолжать «дневник № 2» (1833—1835 годы). Маловероятно и предположение о том, что дневник 1833—1835 годов составляет переписанную набело часть большой черновой рукописи: оно опровергается анализом пушкинских дневниковых записей — сокращенных, явно сделанных без черновика. Наконец, представляется обоснованным мнение ряда пушкиноведов, что самый «№ 2» проставлен не пушкинской рукой (возможно, что это помета, сделанная при просмотре рукописей Дубельтом).

К числу важных архивных находок последнего времени принадлежат прочитанные Э. Г. Герштейн письма и дневники императрицы Александры Федоровны, позволяющие в деталях представить себе обстановку последних лет жизни Пушкина, выяснить связь Дантеса с ближайшим окружением императрицы и установить характер интриги против Пушкина и ее участников.⁵

Ряд новых мемуарных и документальных данных опубликован в сборнике «Пушкин и его время». Обзор Н. А. Малеванова⁶ дает новые сведения о лицейских преподавателях Пушкина и дополняет список лицейской учебной литературы. Несомненный интерес представляют воспоминания А. А. Скальковского о встречах

³ С. М. Бонди. Встреча Пушкина с Николаем I. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция, 1961.

² Илья Фейнберг. Неизвестный дневник Пушкина? «Огонек», 1962, № 7.

⁵ Эмма Герштейн. Вокруг гибели Пушкина. (По новым материалам). «Новый мир», 1962, № 2. По поводу статьи в № 5 журнала «Октябрь» был напечатан фельетон «В покоях императрицы». Откликами на фельетон явились заметка И. Андроникова («Литературная газета», 1962, 26 мая) и открытое письмо А. Ахматовой, Вс. Иванова, С. Бонди, С. Маршана («Новый мир», 1962, № 7), где указывалось, что помещение развязного фельетона, отвергающего серьезное и компетентное исследование, недопустимо и является злоупотреблением страницами журнала, органа Союза писателей.

⁶ Н. А. Малеванов. Архивные документы Лицея в ГИАЛО (1811—1817 гг.). Сб. «Пушкин и его время», вып. 1, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962.

с Пушкиным и Мицкевичем зимой 1827 и весной 1828 года.⁷ Выясняется, что Скальковский был автором подстрочного перевода главы из поэмы «Конрад Валленрод», сделанного по просьбе Пушкина. Этот перевод, относящийся к концу 1827 года, был использован Пушкиным при работе над «Отрывком из поэмы Мицкевича Конрад Валленрод», что позволяет уточнить дату начала работы.

Отметим также воспоминания А. П. Чеботарева о встрече с Пушкиным в 1829 году, когда поэт посетил Дон,⁸ и отклики современников на смерть Пушкина (из архива Л. С. Поливанова).⁹

Значительный интерес представляют дневниковые записи Е. Шимановской о Пушкине (1827—1828), обзор которых сделан И. Ф. Бэлзой,¹⁰ а также дневники Н. М. Смирнова, напечатанные в отрывках в «Неделе» (приложения к «Известиям»);¹¹ в дневниках находим впечатления Смирнова от встреч с Пушкиным и сведения о взаимоотношениях поэта с двором в начале 30-х годов. Историко-литературная ценность дневников Смирнова настолько значительна, что желательна их скорейшая полная публикация.

В статье Л. Вишневого «Петр Долгоруков и пасквили на Пушкина» (Сибирские огни, 1962, № 11) сделана попытка доказать, что взгляд на П. Долгорукова как автора пасквиля на Пушкина возник в результате целенаправленной деятельности III отделения, в 1860-е годы пытавшегося дискредитировать опасного для правительства политического памфлетиста. Однако оппозиционная направленность деятельности Долгорукова 1860-х годов не может служить основанием для его характеристики в 1836—1837 годах. Аргументация статьи в основной своей части опирается на оправдания самого Долгорукова, добавляя к ним прямое обвинение Вяземского, Одоевского, Соболевского, Поджио и др. в злонамеренной тенденциозности и даже клевете. Представляя их позицию чрезвычайно односторонне и неполно, автор в ряде случаев прямо искажает их высказывания, что ли-

⁷ С. С. Ланда. Пушкин и Мицкевич в воспоминаниях А. А. Скальковского. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1. Ранее — в польском переводе (Semion Landa. Nowe wspomnienia o Puszkynie i Mickiewiczu. «Slavia Orientalis» [Warszawa], 1959, роён. VIII, №№ 2—3).

⁸ Л. А. Черейский. А. П. Чеботарев о Пушкине. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

⁹ Т. А. Тургенева. Из откликов на смерть Пушкина. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

¹⁰ И. Ф. Бэлза. Пушкин в польских источниках 20-х годов XIX века. «Литература славянских народов», вып. 7, Изд. АН СССР, М., 1962. — В статье приводятся высказывания о Пушкине и других деятелей культуры, в частности М. К. Огиньского (отрывок из письма 26 августа 1828 года). Отрывки из дневника Шимановской были опубликованы И. Ф. Бэлзой: 1) Из истории русско-польских музыкальных связей. Музгиз, М., 1955; 2) Мария Шимановская. Изд. АН СССР, М., 1956.

¹¹ А. А. Зимин. Пушкину тридцать пять лет. «Неделя», 1962, 30 сентября—6 октября. Текст напечатан с серьезными искажениями.

шает статью убедительности и в значительной мере обесценивает собранный материал.

Заметим попутно, что установление личности написавшего диплом само по себе не столь уже существенно: важно проследить историю замысла и определить его непосредственных вдохновителей, к числу которых Долгоруков не принадлежал.

Отметим также статью Ф. Нестерука об инженерной и гидрографической деятельности А. П. и И. А. Ганибалов.¹²

В большинстве своем работы 1961—1962 годов касаются различных сторон творческого наследия Пушкина. Среди статей, посвященных лирике, необходимо назвать статьи Л. Я. Гинзбург и Б. П. Городецкого, где предметом изучения становится эволюция лирического творчества Пушкина.¹³

Л. Я. Гинзбург рассматривает лирику Пушкина как связанную внутренним единством авторского сознания. В стихах постоянно присутствует биографически конкретный образ самого поэта. Становление реализма происходит по мере насыщения автобиографических реалий историческим содержанием, т. е. восприятия личности в ее социальных и исторических определениях. Этот процесс совершается эволюционно, без резких разрывов с традицией. В последнее десятилетие биографические реалии начинают подаваться опосредствованно, два образа — очень обобщенный и очень личный — как бы накладываются друг на друга. По мере изменения в понимании личности меняется и стилистическая система. Нужно отметить наблюдения автора над употреблением критерия «высокого» и «низкого» в реалистической поэтике: в отличие от других направлений потенциально здесь всякое понятие может стать «поэтическим», однако на деле этого не происходит, каждая система имеет свои границы изображаемого.

Близкие проблемы на материале кишиневской лирики Пушкина ставят О. В. Астафьева,¹⁴ З. А. Бориневич-Бабайцева¹⁵ и

¹² Ф. Нестерук. Предки Пушкина — выдающиеся инженеры и деятели водного хозяйства. «Речной транспорт», 1962, № 2.

¹³ Л. Гинзбург. Пушкин и реалистический метод в лирике. «Русская литература», 1962, № 1; Б. Городецкий. О некоторых проблемах изучения лирики Пушкина. «Русская литература», 1961, № 1. См. также: Б. П. Городецкий. Автобиографическое и типическое в лирике Пушкина. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция, 1961. — Концепция лирики Пушкина, выдвинутая в статье и докладе, в развернутом виде содержится в монографии Б. П. Городецкого «Лирика Пушкина» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1962).

¹⁴ О. В. Астафьева. 1) О месте А. С. Пушкина в «элегическом направлении» русской поэзии 20-х годов XIX века. (На материале пушкинских элегий 1820—1821 годов). Тезисы докладов V научно-теоретической конференции [Таганрогского педагогического института], 1961; 2) Об одном цикле элегий Пушкина. Тезисы докладов VI научно-теоретической конференции [Таганрогского педагогического института], 1962.

¹⁵ З. А. Бориневич-Бабайцева. Лирика Пушкина Южного периода. Сб. «Пушкин на юге», Тр. Пушкинской конференции Одессы и Кишинева, т. II, изд. «Штиинца», Кишинев, 1961.

Б. А. Трубецкой.¹⁶ Для этих работ характерна трактовка пушкинского движения к реализму как эволюционного процесса — отсюда стремление проследить развитие элементов качественно нового в хронологической цепи произведений. В резкое противоречие с таким пониманием творчества Пушкина приходит Г. К. Бондаренко.¹⁷ Устанавливая для романтизма ряд произвольных «определителей» (идея мистицизма, руссоизм) и неисторически принимаемая оценочные характеристики Белинского (романтизм — все неясное, сбивчивое, бедное положительным смыслом), автор естественно приходит к отрицанию термина «романтизм» по отношению к ранним поэмам Пушкина, вслед за Белинским объявляя их результатом творческой незрелости поэта. Однако объяснение такого рода не является объяснением в историко-литературном смысле. Характерно, что, приводя слова Белинского о «подновленном классицизме» ранних поэм Пушкина, автор воздерживается от каких-либо комментариев на этот счет, оставляя по существу открытым вопрос об их принадлежности к тому или иному направлению.

Вопросы художественного метода Пушкина по-новому были поставлены на дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур 11—15 января 1960 года (тексты докладов опубликованы в 1961 году). Я. Е. Эльсберг¹⁸ подверг пересмотру тезис о критическом реализме Пушкина. Анализируя взаимоотношение персонажей и авторского «я» в «Евгении Онегине», исследователь пришел к выводу, что специфика пушкинского реализма — в органическом сочетании элементов реализма критического (изображение действительности в ее повседневном самодвижении и развивающихся типических характеров) и просветительского (вмешательство автора в изображаемую им действительность, большая свобода и самостоятельность авторского «я»). С этих позиций Я. Е. Эльсберг полемизировал с Г. А. Гуровским, считавшим «Евгения Онегина» первым реалистическим романом в мировой литературе. Ю. Г. Оксман¹⁹ обратил внимание на связь Пушкина с традицией русского классицизма, переживавшего в первой четверти XIX века свой поздний расцвет. Он отрицал правомерность трактовки теоретических высказыва-

¹⁶ Б. А. Трубецкой. Пушкин на путях от романтизма к реализму. (Из некоторых наблюдений над лирикой Пушкина кишиневского периода). Сб. «Пушкин на юге», т. II.

¹⁷ Г. К. Бондаренко. Южные поэмы А. С. Пушкина в оценке Белинского. «Ученые записки Бирского государственного педагогического института», вып. 3, Бирск, 1961.

¹⁸ Я. Е. Эльсберг. Пушкин и развитие реализма в мировой литературе. Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г. Изд. АН СССР, М., 1961.

¹⁹ Ю. Г. Оксман. Наследие Пушкина и спорные вопросы генезиса критического реализма. — Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», 1961.

ний декабристов и молодого Пушкина как романтических. По мнению Ю. Г. Оксмана, все попытки отыскать истоки русского реализма в романтической поэтике обречены на неудачу.

Иной взгляд на эволюцию пушкинского творчества высказал Н. Л. Степанов.²⁰ Он отметил, что сама проблема взаимоотношения романтизма и реализма не разрешена. Многие из достижений романтизма было органически усвоено, преодолено и изменено в реалистической поэтике. Н. Л. Степанов указал, что значение романтической прозы, поэзии, драмы было для Пушкина не меньшим, чем просветительского реализма; последний, как и классицизм, возможен в творчестве Пушкина лишь до 1825 года. Близкой точки зрения придерживается и В. Г. Базанов.²¹ Именно романтики впервые обосновали тезис о самобытности поэзии, но художественный метод романтиков имел свои границы. По мнению В. Г. Базанова, ошибочно утверждать, что романтизм декабристов был антиисторичен: основная проблема, которую не могли разрешить они и разрешил Пушкин, была проблема народности. Но даже выйдя за границы романтического мировоззрения, Пушкин не отказался полностью от завоеваний романтической эстетики.

В том же русле споров о художественном методе Пушкина идет и работа Е. Е. Соллертинского «О лирических отступлениях у Пушкина и Гоголя (на материале «Евгения Онегина» и «Мертвых душ»)». Исследователь анализирует лирические отступления как проявление пронизывающей весь роман лирической стихии и особо останавливается на образе автора, который, по его мнению, является положительной параллелью к Онегину. Отступления в романе Пушкина, по мнению Е. Е. Соллертинского, компенсируют недостаток действия, порой сменяя движение сюжета. В той же функции они употреблены и Гоголем, но в «Мертвых душах» появляется четкое композиционное обособление лирического и сатирического планов, что характерно для более высокой ступени реализма.²²

Ряд статей посвящен частным проблемам творческой биографии Пушкина и отдельным произведениям. Н. Н. Фатов²³ суммировал существующие точки зрения на датировку «Вольности», вопрос о «возвышенном галле» и источник текста «Деревни». Автор принимает для «Вольности» дату 1817 год, воз-

²⁰ Н. Л. Степанов. Пушкин и просветительский реализм. Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», 1961.

²¹ В. Г. Базанов. Из истории гражданской лирики начала XIX века. «Русская литература», 1961, № 1.

²² Сб. «Вопросы русской и зарубежной литературы», Куйбышев, 1962. См. также А. И. Гербстман. Образ «автора» в «Евгении Онегине». XIII Всесоюзная Пушкинская конференция, 1961.

²³ Н. Н. Фатов. Дискуссионные вопросы в связи с «Вольностью» и «Деревней» Пушкина. «Научные доклады высшей школы», Филол. науки, 1961, № 4.

ражая Ю. Г. Оксману, относящему оду Пушкина к 1819 году. Под «возвышенным галлом», вслед за Ю. Г. Оксманом, он понимает Руже де Лилия, отводя возможность кандидатуры Шенье (А. Л. Слонимский) и Экушара Лебрена (Б. В. Томашевский). Н. Н. Фатов вновь обращает внимание на списки «Деревни» с чтениями «порочный двор царей» и «рабство падшее и падшего царя», полагая, что автограф стихотворения подвергся автоцензуре. Аргументы Н. Н. Фатова в этом случае не представляются убедительными.

Идейная концепция оды «Вольность» продолжает привлекать внимание исследователей. В. Г. Базанов²⁴ связывает ее с атмосферой политических дискуссий 1810-х годов, когда среди членов «Союза Спасения» дебатировался вопрос о цареубийстве и использовании идейного наследия Радищева. Ода «Вольность» отражает мнение декабристского большинства, отвергавшего радищевскую идею цареубийства.

Иначе генезис оды рассматривает С. С. Ланда, посвятивший ей особый экскурс в своей работе о политической деятельности Вяземского, Тургеневых и М. Ф. Орлова в 1816—1821 годах.²⁵ Датируя «Вольность» сентябрем 1817 года, автор считает, что ее проблематика была подсказана политическими идеями Н. И. Тургенева, получившими отражение в его дневниковых записях 1817 года. С. С. Ланда видит в «Вольности» «поэтически точное выражение новых программных требований левого крыла „Арзамаса“» — Орлова и Тургенева.

К этим же проблемам непосредственно примыкает вопрос об источниках сведений Пушкина о Радищеве, рассмотренный в исследовании Ю. М. Лотмана,²⁶ правда, затрагивающем более поздний период (1819—1822). Работа Ю. М. Лотмана, выходящая за рамки частной задачи, анализирует в значительной мере неизвестный до сих пор материал об отношении к Радищеву Вяземского и Карамзина. Автор прослеживает истоки и политический смысл легенды о причинах самоубийства Радищева. Эта легенда, в распространении которой значительную роль сыграл Карамзин, была, как известно, воспринята Пушкиным. Представляют интерес новые данные об экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву», попавшем в пушкинскую библиотеку из собрания И. П. Колосова, управляющего делами комитета министров. Вокруг книги создалась устная легенда. На юге, по убедительному предположению Ю. М. Лотмана, Пушкин мог получить дополнительные сведения о Радищеве из уст С. А. Тучкова.

²⁴ «Русская литература», 1961, № 1.

²⁵ С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1, стр. 111—113.

²⁶ Ю. М. Лотман. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822). Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

С этим связано обострение интереса Пушкина к Радищеву в кишиневский период.

Некоторые положения статьи Ю. М. Лотмана встречают возражения (ср. иное истолкование Н. В. Измайловым пушкинского эпиграфа «Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu. Слова Карамзина в 1819 году»).²⁷ Высказанная автором гипотеза, что экземпляр «Путешествия» попал в руки Пушкина в 1819 году, также неубедительна, так как почерк пушкинской надписи на нем относится к более позднему времени (30-е годы).

М. Я. Варшавская дала комментарий к стихотворению «Недоконченная картина» (1819).²⁸ Источник стихотворения автор статьи усматривает в картине О. Кудера (1790—1873) «Смерть Мазаччо», выставленной в 1817 году в Парижском салоне и воспроизведенной в ряде изданий.

Из работ, посвященных лирике Пушкина кишиневского периода, необходимо назвать статью Е. М. Двойченко-Марковой «Пушкин и народное творчество Молдавии и Валахии».²⁹ Автор обобщает исследования русских, молдавских и румынских литературоведов, касавшихся данной темы (в том числе и результаты своих собственных многолетних разысканий), и приводит ряд новых сопоставлений произведений Пушкина с записями молдавского фольклора (гайдучьих песни о Тудоре Владимиреску, о бим-баше Савве, предания о тиране Дуке и др.).³⁰

Две статьи Н. А. Паукова³¹ рассматривают преломление сатирической традиции Фонвизина в стихах Пушкина кишиневского периода; отмечая широкий диапазон средств критического осмысления действительности (юмор, ирония, сатира), автор

²⁷ Н. В. Измайлов. Пушкин и семейство Карамзиных. Пушкин в письмах Карамзиных. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 14—15.

²⁸ М. Я. Варшавская. О стихотворении Пушкина «Недоконченная картина». Сб. «Пушкин и его время», вып. 1. — В работе Г. Кока «Художественный мир Пушкина» было высказано иное мнение: сюжетом стихотворения является легенда, связанная с созданием картины Рафаэля «Преображение». Широкий интерес русских романтиков к Рафаэлю общеизвестен; однако Г. Кока ссылается на русские пересказы легенды, появившиеся значительно позднее стихотворения Пушкина. (См.: Г. М. Кока. Пушкин об искусстве. Изд. Акад. художеств СССР, М., 1962, стр. 22—25).

²⁹ Из истории литературных связей XIX века. Сборник. Изд. АН СССР, М., 1962.

³⁰ В 1962 г. появилось сообщение об обнаруженном Б. Котляровым сборнике записей молдавского музыкального фольклора, сделанных Ф. Ружицким (издан Ясской литографией в 1834 году). Одна из нотных записей сборника, озаглавленная «Режь меня, жги меня», возможно, послужила источником для создания «Песни Земфиры». Высказано предположение о знакомстве Пушкина с Ф. Ружицким и его нотными записями (В. Тымчишин. По следам «Песни Земфиры». «Советская культура», 1962, 21 июля, № 87).

³¹ Н. А. Пауков. 1) Пушкин и сатирическая традиция Фонвизина. Сб. «Пушкин на юге», т. II; 2) Некоторые особенности сатиры Пушкина в кишиневский период творчества. «Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. 47, вып. 1 (филол.), 1961.

уделяет особое внимание соотношению и взаимопроникновению одического и сатирического. Стихотворению «Мой друг, уже три дня...» посвящена работа Г. Ф. Богача,³² вводящая в научный оборот труднодоступный материал о реакционной политической деятельности Балшей (опубликованный на румынском и молдавском языках), однако конечный вывод автора о политическом характере столкновения Пушкина с Балшем в салоне Крупянского и последовавшего стихотворения Пушкина представляется спорным.

Серьезное значение имеет исследование Т. Г. Цявловской об эпиграммах Пушкина.³³ На основании свидетельства Соболевского и анализа литературно-общественной позиции Пушкина Т. Г. Цявловская выдвигает гипотезу о подготовке Пушкиным в 1825 году сборника политических эпиграмм для подпольного распространения. Этот замысел, как предполагает исследовательница, получил окончательное оформление во время визита Пушкина в Михайловское 11 января 1825 года. Прологом к сборнику должно было стать стихотворение «О муза пламенной сатиры», которое Т. Г. Цявловская датирует маем—октябрем 1824 года.

Под этим углом зрения автор статьи пересматривает традиционные представления о хронологических границах пушкинских эпиграмм и предлагает ряд новых датировок: «На кн. А. Н. Голицына» — июнь—июль 1824 года, «Приятелям» — сентябрь 1824 года, «На Воронцова» — октябрь—ноябрь 1824 года (2 варианта), «На Александра I» — февраль—март 1825 года. Датировки подкреплены текстологическим анализом; комментарий к стихотворению «О муза пламенной сатиры» и эпиграммам («На Воронцова», «На кн. А. Н. Голицына» и др.) представляет самостоятельную ценность. Однако самая гипотеза о сборнике политических эпиграмм, в центральной своей части направленной против царя, встретила сомнения.³⁴ Целый ряд аргументов, подкрепляющих ее, в свою очередь представляет собой гипотезы (трактовка эпиграмм «Заступники кнута и плети», «Приятелям»); намеки Пушкина в предисловии к «Путешествию Онегина» и письмах также не могут служить решающим доводом, так как допускают различные толкования.

Новые данные о стихах Пушкина как средстве политической агитации уже после декабрьского восстания приводит Л. А. Мандрыкина.³⁵

³² Г. Ф. Богач. К истолкованию стихотворения Пушкина («Мой друг, уже три дня...»). Сб. «Пушкин на юге», т. II.

³³ Т. Г. Цявловская. Муза пламенной сатиры. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

³⁴ См. обзор книг о Пушкине Н. Лейзерова, М. Ульмана, М. Гиллельсона. «В мире книг», 1961, № 12, стр. 33—34.

³⁵ Л. А. Мандрыкина. Кружок вольнодумцев 1826 г. Сб. «Пушкин в его время», вып. 1.

А. М. Гуревич³⁶ рассматривает стихотворения «Пророк», «Поэт и чернь», «Поэты» в едином ряду как продолжение декабристской идеи о нравственной чистоте поэта. Вместе с тем, отказываясь от пропаганды той или иной системы взглядов, Пушкин создает свою цельную эстетическую систему, которая предполагает всестороннее изучение жизни, свободу творчества и духовную стойкость. Единство этих систем и составляет содержание гражданственности Пушкина.

Расширительное толкование «Моей родословной» предлагает А. Г. Гукасова.³⁷ Согласно автору, в стихотворении следует видеть противопоставление не новой и старой знати, а разных способов стать знатым — фаворитизм и свободное усердие, неподкупность. Пушкин с гордостью говорит о своем аристократическом прошлом и мещанском настоящем, подчеркивая, что мещанин — это грамотей, живущий своим трудом.

С этими утверждениями трудно согласиться. По нашему мнению, исторические и социальные искания позднего Пушкина оказываются здесь упрощенными и «выпрямленными». В этом еще более убеждает работа С. Я. Борового³⁸ об экономических представлениях Пушкина в начале 30-х годов. Примыкая к экономистам и социологам, защищавшим майорат, как средство создания материально и политически независимой аристократии, Пушкин вряд ли в то же время мог быть удовлетворен своим «мещанским настоящим». А. Г. Гукасова явно недооценивает функцию пушкинской иронии в «Моей родословной». О значении, которое Пушкин придавал революционной роли русского дворянства, свидетельствует и обследованная Е. Рубиновой запись при чтении «Путевых картин» Гейне (как предполагает исследователь, полемический отклик, в частности, на XXXI главу книги).³⁹

Дискуссионна и статья М. Харлапа об идейном смысле «Медного всадника».⁴⁰ Рассматривая поэму как систему тщательно зашифрованных намеков, М. Харлап ставит целью проникнуть

³⁶ А. М. Гуревич. О поэтических декларациях Пушкина-реалиста. «Научные доклады высшей школы», Филол. науки, 1961, № 4.

³⁷ А. Г. Гукасова. «Моя родословная» А. С. Пушкина. «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 160, 1961.

³⁸ С. Я. Боровой. Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

³⁹ Е. Рубинова. Запись А. С. Пушкина при чтении «Путевых картин» Г. Гейне. Казахский гос. унив. им. С. М. Кирова. Филол. факультет. Труды кафедры русской и зарубежной литературы, вып. 3, Алма-Ата, 1961. — К сожалению, в статье не учтена новейшая работа на ту же тему (Э. Э. Найдич. Письмо Пушкина к Густаву Нордину. «Пушкин. Исследования и материалы». Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, т. II), в значительной мере предвосхищающая выводы Е. Рубиновой.

⁴⁰ М. Харлап. О «Медном всаднике» Пушкина. «Вопросы литературы», 1961, № 7.

в ее глубоко затаенный смысл. Этот смысл автор статьи видит в призыве Пушкина к ниспровержению самодержавного государства, которое перестало быть исторической необходимостью.

Желание доказать этот тезис приводит М. Харлапа по существу к отрицанию полемики Пушкина с Мицкевичем и превращению их в единомышленников, что для первой половины 30-х годов прямо противоречит фактам. С другой стороны, двойственное отношение Пушкина к деятельности Петра (противоречие между его государственной политикой и «частными» указами, «писанными кнутом», и др.) характерно для Пушкина — писателя и историка, что еще раз было показано в статье Б. Б. Кафенгауза.⁴¹ Это заставляет с осторожностью отнестись к предлагаемому радикальному пересмотру «традиционной точки зрения» на «Медного всадника», который может быть сделан лишь на основании детального изучения общественной позиции Пушкина после восстания декабристов.

Значительный интерес представляет статья Г. Ф. Турчанинова «К изучению поэмы Пушкина „Тазит“».⁴² Приводя большой краеведческий материал, автор комментирует этнографические реалии поэмы и приходит к выводу, что в основе поэмы лежит конфликт между патриархальными формами черкесской жизни и тем новым, что входило в быт благодаря соприкосновению с русской культурой, — конфликт, имевший реальный исторический смысл. Поэма не была закончена, так как наблюдения над этим процессом вступили в противоречие с первоначальным замыслом.

А. М. Гордин в работе «Заметка Пушкина о замысле „Графа Нулина“»⁴³ оспаривает датировку ее 1830 годом. На основании сопоставления ее с записью в «Дневнике А. Н. Вульфа» автор заключает, что последняя не связана с заметкой Пушкина и не может служить основанием для ее осмысления и датировки. А. М. Гордин высказывает гипотезу, что происшествие, упомянутое в пушкинской заметке, и послужило толчком к созданию поэмы.

Небольшая статья П. Н. Беркова посвящена вопросу о чтении строфы XVIII первой главы «Евгения Онегина».⁴⁴ Автор прослеживает историю печатания строки «Сатиры смелый власте-

⁴¹ Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре I. «История СССР», 1961, № 3. Об использовании Пушкиным исторических материалов о Петре I см. также: С. С. Барская. Пушкин в работе над историческими источниками «Полтавы». «Ученые записки Ташкентского вечернего педагогического института им. В. Г. Белинского», вып. XII. Работы по литературоведению, 1961.

⁴² «Русская литература», 1962, № 1.

⁴³ Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

⁴⁴ П. Н. Берков. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина»). «Русская литература», 1962, № 1.

лин» и на основании аргументов стилистического порядка склоняется к мнению о предпочтительности чтения «Сатиры смелой властелин», оговаривая, впрочем, что в обоих случаях необходимы аргументы из пушкинской поэтической практики.

В статье Н. Н. Фатова «Проблема „маленьких трагедий“ Пушкина»⁴⁵ тетралогия рассматривается как связанная единством замысла. «Сцену из Фауста» автор считает прологом, где ставится тема поисков счастья. В дальнейшем тема детализируется и получает разрешение в «Сценах из рыцарских времен», где в зашифрованном виде Пушкин проводит идею борьбы с крепостничеством. Такое построение представляется искусственным и не подкрепленным убедительными аргументами.⁴⁶

Проблемы сочетания индивидуального и типического и становления реалистического метода в прозе Пушкина касается Н. Л. Степанов.⁴⁷ Автор связывает движение Пушкина к реализму с преодолением схематизма и условности просветительской литературы XVIII века и романтической патетики (изображение человека в его социально-исторической обусловленности и психологической индивидуальности).

Движение творческого замысла «Капитанской дочки» на примере образов Пугачева и Марьи Ивановны прослеживает Б. В. Нейман, анализируя черновые варианты повести.⁴⁸

Две статьи исследуют творческий замысел и особенности композиции повести «Рославлев». В. И. Глухов⁴⁹ рассматривает пушкинскую Полину как модификацию образа Татьяны и видит в «Рославле» Загоскина и Пушкина продолжение полемики вокруг «Евгения Онегина». К сожалению, оперируя понятием «реакционный лагерь в литературе» (Булгарин, Загоскин), В. И. Глухов оставляет в стороне всю сложность литературной и общественной борьбы 1830-х годов, где как раз Булгарин выступал против Загоскина, нашедшего поддержку у Пушкина и «Литературной газеты». Полемика Пушкина с Загоскиным в отрыве от «литературного фона» предстает в упрощенном виде.

⁴⁵ Сб. «Пушкин на юге», т. II. В тезисной форме эта мысль была высказана автором в «Научном ежегоднике Черновицкого университета за 1956 г.» (т. I, вып. 1, 1957).

⁴⁶ Философской проблематике «маленьких трагедий» посвящена и статья В. Непомнящего «Симфония жизни. (О тетралогии Пушкина)». («Вопросы литературы», 1961, № 2). Статья не является в строгом смысле историческим исследованием; ряд наблюдений автора представляется справедливым, хотя требует дополнительной историко-литературной аргументации.

⁴⁷ Н. Л. Степанов. Изображение характеров в прозе Пушкина. «Русская литература», 1961, № 1.

⁴⁸ Б. В. Нейман. Работа Пушкина над текстом «Капитанской дочки». «Научные доклады высшей школы», Филол. науки. 1961, № 4.

⁴⁹ О творческом замысле повести Пушкина «Рославлев». «Научные доклады высшей школы», Филол. науки, 1962, № 1.

Н. Филиппова,⁵⁰ оспаривая мнение о незаконченности «Рославлева», на основании анализа сюжетной структуры, обрисовки характеров и степени их жизненной мотивированности приходит к выводу о внутренней завершенности романа.

Н. Л. Степанов обратился к рассмотрению повести «Уединенный домик на Васильевском»⁵¹ и поддержал уже не раз высказанное мнение о принадлежности повести к кругу пушкинских замыслов (П. Е. Щеголев, В. Ф. Ходасевич, Ю. Г. Оксман, В. Писная). Автор проследил элементы пушкинского стиля в пересказе Титова, обработавшего устный рассказ Пушкина в духе романтической гофманиады.

Язык и стиль Пушкина были предметом исследования в ряде литературоведческих и лингвистических трудов. В. В. Виноградову принадлежит работа об истории ложных атрибуций в пушкиноведении XIX—XX веков на основании стилистических данных.⁵² Ценные наблюдения над поэтическим стилем театральных ремарок Пушкина сделаны С. В. Шервинским.⁵³ Автор обратил внимание на неустойчивость наименований действующих лиц в пушкинских драмах — явление, уже не раз отмеченное исследователями (Г. О. Винокур, С. М. Бонди), но не получившее исчерпывающего объяснения. Проанализировав текст «Бориса Годунова» и «Русалки», С. В. Шервинский показал, что изменение наименования героя связано с изменением его положения и функции. Эти вариации не были сознательными и обуславливались полным переключением во внутреннюю жизнь героя. К близким выводам, но уже касающимся осознанного творческого процесса, пришел и Р. А. Будагов,⁵⁴ исследовавший интонации разговорной речи в «Сцене у фонтана» («Борис Годунов»). В зависимости от смены мыслей и переживаний героев изменяются стилистические функции деталей языка, включающихся в контекст художественного целого; Р. А. Будагов иллюстрирует

⁵⁰ Н. Филиппова. Закончен ли пушкинский «Рославлев»? «Русская литература», 1962, № 1.

⁵¹ Н. Л. Степанов. Повесть, рассказанная Пушкиным. «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 160, М., 1961.

⁵² В. В. Виноградов. Стилистические методы определения авторства и воспроизведения авторского текста в советском пушкиноведении. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XX, вып. 1, 1961. — Эта статья вошла в работу В. В. Виноградова «Проблема авторства и теории стилей» (Гослитиздат, М., 1961).

⁵³ С. В. Шервинский и др. 1) О наименовании действующих лиц в драмах Пушкина. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI, вып. 4, 1962; 2) Поэтический стиль театральных ремарок Пушкина. Тезисы докладов Межвузовской конференции по стилистике художественной литературы. Изд. МГУ, 1961.

⁵⁴ Р. А. Будагов. Интонации разговорной речи в драматургическом произведении. (Об одной сцене из «Бориса Годунова» Пушкина). «Ученые записки ЛГУ», № 299, серия филол. наук, вып. 59, 1961.

этот вывод анализом смены второго и третьего лица личных местоимений в обращении героев друг к другу. Для большинства лингвистических работ о языке Пушкина, появившихся за последнее время,⁵⁵ характерно подобное же понимание синтаксических и грамматических средств языка Пушкина как элемента целостной стилистической системы (ср., например, интересные замечания Р. П. Андроновой о роли постпозитивного расположения местоимений в создании ритмомелодического рисунка синтагм в повести «Выстрел»⁵⁶).

Характер лексического комментария носят статьи М. Ф. Тузовой и Г. Ф. Богача;⁵⁷ отметим также сообщение Г. Ф. Богача об отношении Пушкина к молдавскому языку.⁵⁸

Несколько работ освещают разные стороны проблемы «Пушкин и литература его времени». Среди них статья Д. Д. Благого «Диалектика литературной преемственности»,⁵⁹ центральная часть которой посвящена отношению Пушкина к ломоносовской

⁵⁵ См.: Б. П. Ардентов. Номинативные предложения в языке А. С. Пушкина. Сб. «Пушкин на юге», т. II; Н. В. Павлюк. О языке первых глав «Евгения Онегина». Там же; М. А. Бородин. Пассивные конструкции в повести А. С. Пушкина «Дубровский» (Стилистический анализ). «Ученые записки ЛГУ», № 299, серия филол. наук, вып. 59, 1961; Е. А. Маймин. Язык и стиль поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя 27 сентября—6 октября 1961. Тезисы докладов. Л., 1961; Н. А. Пронь. Употребление глагола в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. В помощь учителю русского языка и литературы. (Сб. статей), Калуга, 1961; В. П. Воробьев. 1) Дееспричастия и дееспричастные обороты в художественной прозе А. С. Пушкина. Материалы VI межобластной конференции языковедов Поволжья. Краткие доклады 22—25 мая 1962. Ульяновск, 1962. 2) Из наблюдений над лексикой художественной прозы А. С. Пушкина. Сб. «Вопросы стилистики». Тезисы докладов на межвузовской научной конференции. (Саратовск. унив.), 1962; В. Д. Левин. Пушкин и язык русской литературы. «Русский язык в школе», 1962, № 1; В. А. Ковалев и Е. А. Маймин. О языке и стиле романа «Евгений Онегин». Там же; С. А. Копорский. К изучению языка и стиля стихотворения А. С. Пушкина «Кавказ». Там же; В. П. Вомперский. О присоединительных конструкциях в произведениях Пушкина. Там же; М. В. Глушкова. Несобственно-прямая речь в языке прозы Пушкина. Там же.

⁵⁶ Р. П. Андронина. Расположение подлежащего личного местоимения в повести А. С. Пушкина «Выстрел». Херсонский гос. пед. инст. им. Н. К. Крупской. Ежегодник научных работ 1960 г., Гуманит. науки, Херсон, 1961.

⁵⁷ М. Ф. Тузова. Лексический комментарий к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 102. Труды кафедры русского языка, вып. 7, 1961; Г. Ф. Богач. Молдавские слова в творчестве А. С. Пушкина. «Анале штинцифиче пле Институтулуй де Лимбэ ши Литературы ал Академией де Штинце дин РСФСР», вол. X, 1961.

⁵⁸ Г. Ф. Богач. Еще одна инсинуация И. А. Липранди. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁵⁹ «Вопросы литературы», 1961, № 2.

поэтической традиции в разные периоды его поэтической деятельности. Статья интересна не только пониманием традиции как диалектически сложного процесса притяжений и отталкиваний, но и своими частными наблюдениями.

Вопрос о связи Пушкина с литераторами-декабристами затронут в статьях Л. Н. Оганян⁶⁰ (о стихотворении В. Ф. Раевского «Оставля жизни бурной», по мнению автора статьи обращенном к Пушкину) и В. Г. Базанова⁶¹ (о посвященной Пушкину поэме Кюхельбекера «Сирота»). Появились работы о творческих взаимоотношениях Пушкина с Вельтманом⁶² и Сомовым.⁶³ Разыскания А. П. Могилянского,⁶⁴ обнаружившего в частных руках в Киеве архив М. А. Яковлева, позволили пролить свет на фигуру одного из издателей «Невского Зрителя», которого нередко ошибочно смешивали с товарищем Пушкина по Царскосельскому лицу М. Л. Яковлевым.

Широкое обследование архива Елагиных было предпринято А. Д. Соймоновым,⁶⁵ обнаружившим новые материалы, характеризующие общественную и литературную позицию П. В. Киреевского и историю его общения с Пушкиным. Были найдены новый список «Noël» Пушкина, сохранившийся в архиве Елагиных, и копия песни об Аракчееве, записанной Пушкиным. Можно утверждать, что именно Пушкин стимулировал деятельность Киреевского по созданию сборника народных песен. Смысл такого сборника Пушкин видел в раскрытии героических и национально-освободительных традиций народного творчества и формирования национальной культуры. Исследователь выделяет «пушкинский период» в собирательской деятельности Киреевского и уточняет дату последней встречи Киреевского с Пушкиным.

П. Ухов⁶⁶ сообщил о двух новых пушкинских записях народных песен, сохранившихся в копиях Киреевского. Это подтверждает предположение автора, что Пушкин не ограничился передачей Киреевскому одной тетради с записями, а доставлял песни и позже. Приведя песню «Как по селам спят, по деревням спят...», П. Ухов обращает внимание на отсутствие к ней ва-

⁶⁰ Л. Н. Оганян. К вопросу о стихотворениях В. Ф. Раевского к А. С. Пушкину. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁶¹ В. Г. Базанов. Из истории гражданской поэзии начала XIX века. «Русская литература», 1961, № 1.

⁶² Л. Н. Оганян. А. С. Пушкин и молдавская тематика А. Ф. Вельтмана. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁶³ Н. К. Островская. Пушкин и Сомов. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁶⁴ А. П. Могилянский. Пушкин и М. А. Яковлев. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

⁶⁵ А. Д. Соймонов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XX, вып. 2, 1961.

⁶⁶ П. Ухов. Загадка Пушкина. «Москва», 1961, № 1.

риантов и не типичный для фольклора ритм и высказывает гипотезу, что она сочинена самим Пушкиным.

Вопрос об отношении Пушкина к Белинскому, имеющий первостепенную важность, был исследован Ю. Г. Оксманом.⁶⁷ На обширном материале Ю. Г. Оксман показал, что тяготение Пушкина к Белинскому было связано с идеологическим размежеванием между Пушкиным и кругом «Московского наблюдателя», к которому примыкали и некоторые ближайшие сотрудники Пушкина по «Современнику» (В. Ф. Одоевский и др.).

Несколько новых фактов, относящихся к истории пушкинского «Современника», установил Е. Рыскин,⁶⁸ доказавший принадлежность Вельтману анонимного «Воспоминания о Бессарабии» («Современник», 1837, т. VII) и А. Муравьеву — статьи «Вечер в Царском Селе» («Современник», 1836, т. IV). По-видимому, записка Пушкина к Муравьеву (октябрь—ноябрь 1836 года) имеет в виду именно последнюю статью, а не «Битву при Тивериаде», как считалось до последнего времени. Е. Рыскин выдвигает также гипотезу, объясняющую ошибку в нумерации стихов Тютчева («Современник», 1836, т. III): лист со стихотворением № 16 был перепечатан после того, как Пушкин добился разрешения заменить точками выпущенные цензурой строки. При перепечатке была допущена ошибка (набран № XV вместо XVI).

С. Я. Боровой⁶⁹ показал, что «Путешествие Онегина» определило собой литературное восприятие Одессы вплоть до 40-х годов, и сообщил ряд новых данных о влиянии Пушкина на литераторов, затрагивавших «одесскую тему».

Связям Пушкина с западными литературами посвящены заметки А. Подольского⁷⁰ об отражении интереса к Пушкину в известном труде «Путешествие вокруг света через Северную Азию и оба океана, предпринятое в 1828, 1829 и 1830 годах Адольфом Эрманом» (1833—1848) и Б. Марьянова «Об одном примечании к статье А. С. Пушкина „Джон Теннер“».⁷¹ В последней работе устанавливается источник цитаты из В. Ирвинга, приведенной Пушкиным. Она заимствована из книги Ирвинга «Поездка в прерии» (1835) и была использована в предисловии к английскому изданию «Записок» Теннера, написанном Э. Джемсом. Автором введения к французскому изданию, кото-

⁶⁷ Ю. Г. Оксман. Пушкин и Белинский. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция, 1961. Полный текст см.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, 1962.

⁶⁸ Е. Рыскин. Из истории пушкинского «Современника». «Русская литература», 1961, № 2.

⁶⁹ С. Я. Боровой. «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁷⁰ А. Подольский. Немецкий ученый о Пушкине и декабристах. «Вопросы литературы», 1961, № 4.

⁷¹ «Русская литература», 1962, № 1.

рым пользовался Пушкин, был Э. Блосвиль (1799—1886), литератор и переводчик книги Теннера на французский язык. Эти данные позволяют уточнить существующие комментарии к «Джону Теннеру».

Внимание исследователей привлекла и тема пушкинской традиции в русской литературе второй половины XIX века и в советской литературе. Здесь следует назвать исследования Е. Маймина, Д. Д. Благого и В. Горной, посвященные творческому восприятию пушкинского творчества Л. Н. Толстым,⁷² М. Семановой об оценке Пушкина Чеховым.⁷³ В «Вопросах литературы» опубликованы воспоминания Д. Н. Любимова с описанием знаменитой речи Достоевского о Пушкине.⁷⁴ Биографии Пушкина, написанной Н. Г. Чернышевским, посвящена статья Е. С. Добычиной.⁷⁵

Проблема использования пушкинского наследия Горьким в борьбе за становление социалистического реализма затрагивается в работах Д. Г. Кульбаса⁷⁶ и П. И. Збандуто.⁷⁷ Необходимо назвать статью Л. М. Неизвестных⁷⁸ об отношении А. А. Фадеева к наследию Пушкина и Э. М. Мартиновой⁷⁹ о Пушкине и пушкинской традиции в стихах Э. Багрицкого.

К пушкинскому юбилею журналы и сборники, выходящие в союзных республиках, поместили общие статьи, свидетельствующие о влиянии Пушкина на литературы народов СССР.⁸⁰

⁷² Е. Маймин. В споре с учителем. «Нева», 1962, № 2; Д. Д. Благого. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция, 1961. Полный текст см.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV, 1962; В. Горная. Из наблюдений над стилем романа «Анна Каренина». О пушкинской традиции. В кн.: Толстой-художник. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1961.

⁷³ М. Семанова. Чехов о Пушкине. В кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX в. М.—Л., 1961.

⁷⁴ Д. Любимов. Из воспоминаний. «Вопросы литературы», 1961, № 7.

⁷⁵ Е. С. Добычина. О Н. Г. Чернышевском как авторе книги для юных читателей. В кн.: Русская и зарубежная литература. Краснодар, 1961. (Ученые записки Краснодарского пед. института, вып. 24).

⁷⁶ Д. Г. Кульбас. А. М. Горький о Пушкине. (По высказываниям 1917—1936 гг.). «Ученые записки Курганского государственного педагогического института», вып. 3, т. I, 1961.

⁷⁷ П. И. Збандуто. Горький в борьбе за реалистическое наследие Пушкина. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁷⁸ Л. М. Неизвестных. А. С. Пушкин и советская литература. По книге А. Фадеева «За тридцать лет». Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁷⁹ Э. М. Мартинова. Багрицкий о Пушкине. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

См. также общую статью В. А. Мануйлова «Пушкин и наша культура» (Сб. «Пушкин и его время», вып. 1).

⁸⁰ Б. Пирадов. Под звуки «музыки и песен грузинских». «Литературная Грузия», 1962, № 2; Р. Оганнисян. Пушкин и армянская общечеловечность. «Русский язык в армянской школе», 1962, № 1; С. И. Зайцев. Пушкин в Узбекистане. «Русский язык в узбекской школе», 1962, № 1; Ф. А. Макаров. Пушкин — светоч нашей литературы. «Литературная Мордовия», 1962, кн. 26. См. также: И. К. Вартичан. А. С. Пушкин в творчестве молдавских советских поэтов. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

Ряд авторов посвятил свои работы исследованию частных вопросов: об отражении пушкинского творчества в произведениях Леси Украинки,⁸¹ П. Грабовского,⁸² а также переводам Пушкина на украинский,⁸³ молдавский⁸⁴ и казахский⁸⁵ языки. Среди этих работ в первую очередь нужно отметить статьи М. И. Яновера и Л. А. Шеймана. М. И. Яновер⁸⁶ прослеживает ранние этапы возникновения литературного типа Кирджали. Автор обращает внимание на роман М. Чайковского «Кирджали» (1835), в предисловии к которому есть прямая ссылка на повесть Пушкина. Анализ этого романа представляет тем больший интерес, что М. Чайковский пользовался устными рассказами о Кирджали по свежим следам.

Л. А. Шейман,⁸⁷ рассматривая историю статьи А. И. Левшина «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких киргизов», высказывает мнение, что Пушкин был в курсе литературных и научных интересов Левшина, следил за его работами и использовал полученные от него сведения в «Истории Пугачева». Имя Пушкина, как считает исследователь, стоит у истоков русско-киргизских литературных связей.

И. И. Богач⁸⁸ обнаружила автограф К. К. Стамати с его переводом «Кавказского пленника» (1824); сравнение его с печатными текстами перевода дает возможность установить направление поэтической переработки.

Появились работы и о мировом значении творчества Пушкина. Я. Е. Эльсберг,⁸⁹ указав на недостаточное знакомство на Западе с творчеством Пушкина в XIX веке, объяснял это непо-

⁸¹ Ш. М. Жовинская. Крымские мотивы в творчестве А. С. Пушкина и Леси Украинки. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁸² Г. И. Рудницкая. Павло Грабовский о Пушкине. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁸³ О. Н. Ларионова. Максим Рыльский — переводчик пушкинской лирики. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁸⁴ И. И. Едко. О молдавском переводе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁸⁵ Р. Канафиева. Из истории художественного перевода в Казахстане. Казахский гос. унив. им. Кирова. Труды кафедры русской и зарубежной литературы, вып. 3, Алма-Ата, 1961; М. С. Сильченко. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина на казахском языке. (К истории русско-казахских литературных связей). Программа и тезисы докладов XV научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной 40-летию Каз. ССР, Алма-Ата, 1961.

⁸⁶ М. И. Яновер. Кирджали и кирджалицы в украинской, польской и молдавской литературах. (По следам образа героя повести Пушкина «Кирджали»). Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁸⁷ Л. А. Шейман. У истоков русско-киргизских литературных связей. «Русский язык в киргизской школе», 1962, № 1.

⁸⁸ И. И. Богач. Автограф первого молдавского перевода поэмы Пушкина «Кавказский пленник». Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁸⁹ Я. Е. Эльсберг. Пушкин и развитие реализма в мировой литературе. Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», 1961.

ниманием его национальных истоков, которые и делают Пушкина поэтом мирового масштаба. Исследователь указал, что Пушкин влиял на западные литературы через своих преемников — плеяду великих русских реалистов, развивавших его традиции. Это соображение было поддержано Ю. Г. Оксманом,⁹⁰ сославшимся на восприятие пушкинской традиции во Франции через творчество Тургенева. М. П. Алексеев⁹¹ отметил, что изучение Пушкина в Европе вступает в новую фазу (работы Ш. Корбе, Г. Гиффорда и др.), однако об истинном значении творчества Пушкина для литератур мира мы лишены возможности судить, пока остаются неизученными многообразные специфические формы его восприятия и усвоения.

Новые данные о проникновении творчества Пушкина в болгарскую литературу сообщил И. Кр. Стойчев.⁹² За 1848—1878 годы в Болгарии появилось 50 переводов и 12 статей о Пушкине. Первым переводом в точном смысле этого слова И. Стойчев считает перевод И. Груева («Я пережил свои желанья», 1858). Эволюцию восприятия Пушкина в болгарской литературе проследил В. Велчев.⁹³

Следует назвать также обзор В. В. Мартынова «Пушкин в оценке прогрессивной польской общественности 20—40-х годов XIX века».⁹⁴

В сборнике «Пушкин и его время» значительное место занимают статьи, рассматривающие тему «Пушкин и изобразительное искусство». Серьезное значение имеют две не опубликованные ранее работы Б. В. Томашевского «Автопортреты Пушкина» и «Отражение творчества Пушкина в иллюстрациях его времени».⁹⁵ Б. В. Томашевский анализирует автопортреты Пушкина разных лет, прослеживая изменение как черт Пушкина, так и манеры рисунка. Исследователь обращает внимание на автопортреты как основной источник для воссоздания облика Пушкина.

Вторая статья Б. В. Томашевского исследует движение художественной мысли Пушкина и его прижизненных иллюстраторов, показывая, какие элементы творчества Пушкина воспринимались и как они преломлялись в изобразительном искусстве.

Т. Г. Цявловская в статье «Новые определения портретов

⁹⁰ Ю. Г. Оксман. Наследие Пушкина и спорные вопросы генезиса критического реализма. Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», 1961.

⁹¹ М. П. Алексеев. О мировом значении творчества Пушкина. Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», 1961.

⁹² И. Кр. Стойчев. Пушкин в болгарской печати до Освобождения 1878 г. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁹³ В. Велчев. А. С. Пушкин и болгарская литература. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁹⁴ Сб. «Пушкин на юге», т. II.

⁹⁵ Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

в рисунках Пушкина»⁹⁶ отводит установившиеся в литературе определения трех рисунков 1826 года как портретов Пестеля и обращает внимание на рисунки на полях белой рукописи «Кавказского пленника» (ПД, № 831, л. 12 по жанд. нумерации) и черновой «Евгения Онегина» (ПД, № 835, л. 29 об.). Эти рисунки Т. Г. Цявловская определяет как портреты Пестеля. Первый из них датируется мартом—15 мая 1821 года, т. е. сделан, вероятно, под впечатлением первой встречи с Пестелем; второй 8—10 октября 1824 года, когда Пушкин обдумывал свои «Записки», в которых должен был фигурировать и Пестель. Найденная Т. Г. Цявловской карикатура на А. М. Горчакова в профильном повороте позволила подтвердить ранее высказанную гипотезу, что рисунки на полях черновой рукописи «Андрей Шенье» (ПД, № 835, л. 64) и оды «Наполеон» (ПД, № 831, л. 62) изображают Горчакова.

Е. И. Гаврилова высказывает мнение, что на рисунке Г. Г. Гагарина (конец 1832 года) в числе посетителей дома Мусина-Пушкина изображен Пушкин. Л. П. Февчук прослеживает изучение первых скульптурных изображений Пушкина — посмертной маски и бюстов работы И. П. Витали и С. И. Гальберга.⁹⁷

В обзоре материалов недавно созданного музея А. С. Пушкина в Москве А. З. Крейн, Н. В. Баранская и И. Е. Вучетич сообщили о новом прижизненном портрете Пушкина (миниатюра маслом, первые годы XIX века) и обнаруженных в последнее время мемориальных предметах.⁹⁸

Работа сотрудников музея по изысканию новых способов экспонирования пушкинских рукописей нашла отражение в статье Е. В. Муза,⁹⁹ где автор проанализировал виды экспонирования в соответствии с той или иной целевой установкой и сообщил о новом способе воспроизведения рукописи (фотоотпечатки на подлинной бумаге пушкинского времени). Способ этот является наиболее совершенным из существующих и должен широко войти в практику музейной работы.

Отражению облика и творчества Пушкина в изобразительном искусстве посвящены статьи М. М. Калаушина,¹⁰⁰ Г. С. Арбу-

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Е. И. Гаврилова. Пушкин в кругу современников. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1; Л. П. Февчук. Первые скульптурные изображения Пушкина. Там же.

⁹⁸ А. З. Крейн, Н. В. Баранская и И. Е. Вучетич. Вклад в сокровищницу пушкинских фондов. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI, вып. 1, 1962. См. также: И. Светлов. Музей открыт. К 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. «Художник», 1962, № 2.

⁹⁹ Е. В. Муза. Из опыта работы по экспонированию пушкинских рукописей в Государственном музее А. С. Пушкина. Труды научно-исследовательского института музееведения, [т. 6]. М., 1961.

¹⁰⁰ М. М. Калаушин. Ранние неопубликованные иллюстрации к «Руслану и Людмиле». Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

зова,¹⁰¹ Г. Л. Островского,¹⁰² О. А. Пини,¹⁰³ Н. Ф. Таточко¹⁰⁴ и др.

В нескольких статьях затрагивается вопрос о музыкальных и хореографических интерпретациях Пушкина. Б. Штейнпрессом был обнаружен затерянный дуэт А. М. Анитовой «Девуцы-красавицы» (1830);¹⁰⁵ Ю. И. Слонимский восстанавливает историю балета Ф. Тальони на музыку А. Адана «Морской разбойник» (поставлен 5 февраля 1840 года) по мотивам «Бахчисарайского фонтана»;¹⁰⁶ сравнительный анализ «Цыган» и оперы «Алеко» производит Р. М. Розенберг.¹⁰⁷

Отметим также статью Г. Л. Островского «Пушкинские темы и образы в русской дореволюционной кинематографии» и работы А. А. Грина и П. Ф. Фоля об отображении образа Пушкина в литературе и на сцене.¹⁰⁸ Три статьи носят историографический характер, С. Я. Вортман дает обзор истории изучения «одесской главы» биографии Пушкина.¹⁰⁹ Две работы посвящены трудам пушкиноведов СССР и Чехословакии (Б. В. Томашевского, Ю. Доланского, Э. Неядлы, А. Мраза).¹¹⁰

Такова лишь небольшая часть пушкинианы 1961—1962 годов. Но и приведенные материалы позволяют судить о достижениях советского пушкиноведения, о круге спорных и нерешенных проблем, а также о многообразии связей творчества Пушкина с русской и мировой культурой, которое предопределяет многообразие аспектов его изучения.

¹⁰¹ Г. С. Арбузов. Рисунок В. А. Серова к «Сказке о медведихе» Пушкина. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

¹⁰² Г. Л. Островский. Пушкин в творчестве В. А. Фаворского. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

¹⁰³ О. А. Пини. К истории создания памятника Пушкину работы М. К. Аникушина. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1.

¹⁰⁴ Н. Ф. Таточко. Пушкин в рисунках учащихся Молдавии. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

¹⁰⁵ Б. Штейнпресс. Из музыкальной пушкинианы. «Музыкальная жизнь», 1962, № 9.

¹⁰⁶ Ю. И. Слонимский. Старинный пушкинский балет. «Нева», 1962, № 2.

¹⁰⁷ Р. М. Розенберг. Поэма «Цыганы» и опера Рахманинова «Алеко». Сб. «Пушкин на юге», т. II.

¹⁰⁸ А. А. Грин. Образ А. С. Пушкина в драматургии и на сцене. Сб. «Пушкин на юге», т. II; П. Ф. Фоль. Южный период жизни Пушкина в отображении советской художественной прозы. Там же.

¹⁰⁹ С. Я. Вортман. Некоторые итоги изучения «одесской главы» биографии Пушкина. Сб. «Пушкин на юге», т. II.

¹¹⁰ Н. В. Павлюк. Работы Б. В. Томашевского о языке и стиле Пушкина. Сб. «Пушкин на юге», т. II; Б. И. Галащук. Пушкин в оценке современных чехословацких литературоведов. Там же.

III. Х Р О Н И К А

ПУШКИНСКИЕ ДНИ 1962 ГОДА

МОСКВА

По решению Президиума Академии наук СССР и секретариата Правления Союза писателей СССР под председательством академика В. В. Виноградова была создана Комиссия по подготовке и проведению исполнявшегося 10 февраля 1962 года 125-летия со дня гибели А. С. Пушкина. Всесоюзная комиссия наметила и осуществила ряд мероприятий, посвященных знаменательной дате как в Москве, так и по всей стране. 10 февраля днем в годовщину со дня гибели величайшего русского поэта к памятнику Пушкину в Москве были возложены венки от Союзов писателей СССР, РСФСР, Москвы, от Академии наук СССР, Министерства просвещения РСФСР, Гос. музея А. С. Пушкина и др. Вечером в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное заседание. В ложе театра находились товарищи М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев, А. Н. Шелепин. После вступительного слова академика В. В. Виноградова «Слово о Пушкине» произнес Александр Твардовский. В заключение состоялся большой концерт, составленный из произведений великого поэта и музыкальных произведений Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Чайковского, Асафьева, Свиридова, навеянных бессмертными образами творений великого поэта, в концерте приняли участие лучшие силы столицы («Правда», 1962, № 42, 11 февраля, стр. 3—4; «Известия», 1962, № 36, 11 февраля, стр. 3; «Литературная газета», 1962, № 19, 13 февраля, стр. 2—3; «Литература и жизнь», 1962, № 19, 14 февраля, стр. 2—3; А. Т. Твардовский. Слово о Пушкине. Речь на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1962 г. Изд. «Советская Россия», М., 1962).

В Центральном доме литераторов 8 февраля состоялся вечер, организованный Пушкинской комиссией Союза писателей СССР и Правлением Центрального дома литераторов. Пушкинский вечер открыл академик поэт М. Ф. Рыльский. С докладом выступил чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благой, «Слово о Пушкине» Н. Асеева прочитал поэт А. Вознесенский. Поэты Белла Ахмадулина, Евгений Винокуров читали свои стихи, посвященные Пушкину. Пушкинские вечера состоялись в Центральном доме работников искусств, в Доме ученых, в Доме актера ВТО, в Гос. музее А. С. Пушкина и т. д. Начиная с ноября музей А. С. Пушкина организовал цикл воскресных пушкинских вечеров, привлечших большое количество зрителей.

Лекцией «Пушкин и театр» открылся цикл лекций в Центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина. Лекции, доклады, вечера, беседы в связи с памятной датой состоялись во дворцах культуры, клубах, на фабриках, заводах, в учреждениях, учебных заведениях, школах, библиотеках, красных уголках г. Москвы и Московской области.

Торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня смерти Пушкина в Большом театре СССР.

Торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня смерти Пушкина в Ленинградском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина.

В памятные дни на экранах столичных кинотеатров демонстрировались подготовленные к Пушкинской дате новые кинофильмы «Рукописи Пушкина» и «Рисунки Пушкина». В ряде московских кинотеатров был организован тематический показ Пушкинских фильмов, были развернуты Пушкинские выставки. В крупнейшем кинотеатре «Россия» на устном журнале, посвященном А. С. Пушкину, выступили праправнук поэта журналист С. Клименко и житель Эфиопии Йоганис, который перевел стихотворение Пушкина «Памятник» на свой родной язык.

Центральное радиовещание и телевидение в памятные Пушкинские дни организовало цикл Пушкинских передач, часть которых транслировалась по всей стране. Декада Пушкинских спектаклей началась в Большом театре СССР оперой М. П. Мусоргского «Борис Годунов». На сцене Кремлевского дворца съездов был показан балет Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан», там же состоялось три Пушкинских концерта.

9 и 10 февраля в театре им. М. Н. Ермоловой шла пьеса А. Глобы «Пушкин». В театре им. Е. Вахтангова в юбилейные дни состоялся спектакль «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина. В театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко шла опера Чайковского «Евгений Онегин». На сцене театра кукол были поставлены «Сказки Пушкина». Московский театр юного зрителя показал инсценировку «Капитанской дочки». Студенческий оперный театр при Московском гос. университете им. М. В. Ломоносова осуществил постановку оперы Б. Шехтера «Пушкин» по либретто И. Новикова и М. Новиковой.

20 марта в Колонном зале им. П. И. Чайковского была исполнена опера Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери», давно не шедшая на оперной сцене.

В ы с т а в к и

В Центральном доме литераторов Союза писателей СССР открылась выставка «Пушкин — читатель и литературный критик», организованная Гос. музеем А. С. Пушкина. На выставке был представлен проект памятника Пушкину на месте дуэли (на Черной речке), созданный скульптором Е. Ф. Белашовой и архитектором В. А. Воскресенским. В музее-заповеднике древнерусского искусства им. А. Рублева были показаны произведения советских художников на пушкинские темы из собрания Гос. Третьяковской галереи и Гос. музея А. С. Пушкина.

Теме «Пушкин в музыке» были посвящены выставки в Центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки и в Большом зале Гос. консерватории.

На выставке, открытой в Доме культуры комбината «Правда», экспонировались многочисленные иллюстрации к пушкинским произведениям художника П. Л. Бунина.

Гос. музеем А. С. Пушкина была создана передвижная выставка «Пушкин в Москве». Были открыты выставки: в Гос. литературном музее — «Пушкинские фонды музея», в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — «Иллюстрации советских художников к произведениям Пушкина», в Гос. театральной библиотеке — «Пушкин и театр», в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина — «Пушкин в отечественных и зарубежных изданиях».

Всесоюзная гос. библиотека иностранной литературы открыла выставку «Произведения А. С. Пушкина в переводе на иностранные языки». Здесь экспонировались печатные работы русских и зарубежных авторов, посвященные жизни и творчеству Пушкина. Специальные подборки рассказывали о популярности Пушкина в зарубежных литературах. Переводы произведений Пушкина (около 300 томов) были представлены более чем на 40 языках, в том числе и на славянских (в новейших изданиях на сербо-хорватском, македонском, лужицком и на языках народов южной Азии — бенгали, хинди, урду, тамильском, вьетнамском). Хорошо пред-

ставлены были на стендах издания произведений Пушкина на французском, немецком, английском, итальянском и других языках. За последние годы вышло так много этих переводов и они вызвали столь интересные отзывы и исследовательские статьи, что было бы весьма желательным составить подробный критический обзор всей этой литературы. О специфических затруднениях переводчиков при переводе стихотворений Пушкина на отдельные языки имеются уже содержательные очерки. Известный издатель «Oeuvres complètes» Пушкина на французский язык Андре Меньё, которому принадлежит также обзор «Пушкин во Франции в 1940—1956 гг.» («Пушкин. Исследования и материалы», т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 450—458), писал о неудачах французских переводчиков (A. Meunier. Pouchkine traduit, Pouchkine trahi. «Babel», 1955, vol. I, № 2, стр. 45—50), но его собственные переводы в свою очередь вызвали некоторые критические замечания Д. В. Сеземана («Oeuvres et opinions...», Moscou, № 10, 1962). Весьма интересными были критические замечания о новейших переводах Пушкина на английский язык и т. д. В связи с этим интерес представляют, к сожалению, лишь частично экспонированные на выставке и не получившие еще достаточного распространения за рубежом опыты переводов стихотворений Пушкина на английский и французский языки, выполненные советскими переводчиками. Так, например, заслуживает особой похвалы лишь частью напечатанные стихотворные переводы ряда лирических произведений Пушкина на английский язык, выполненные О. С. Моисеенко; некоторые из них появились в газете «Moscow News». Заслуживают также внимания выполненные Н. Н. Насакиной опыты переводов на французский язык таких стихотворений Пушкина, как «Я помню чудное мгновенье» (для романа Глинки; под заглавием «Je songe à l'heure ravissante» — опубликовано в заметке «Pouchkine et la musique russe», «Les Nouvelles de Moscou», 1959, 15 févr., № 13, p. 7), или новой передачи французскими стихами строф «Евгения Онегина» (семь строф опубликовано в заметке «Pouchkine demeurera-t-il prisonnier de sa langue? «Les nouvelles de Moscou», 1957, 17 mars, № 22, стр. 7. См. о них также в заметке В. Карбовской «Слава и гордость народа». «Вечерняя Москва», 1962, 10 февраля, стр. 3).

Выставки были открыты также в театре им. А. С. Пушкина, в Московском областном краеведческом музее в Истре, в Центральном Гос. архиве древних актов, где были представлены старинные документы, находившиеся в руках Пушкина во время его работы над «Историей Петра Великого», «Историей Пугачева» и другими произведениями исторической прозы; там же экспонировались официальные документы о допуске Пушкина в архивы, о розыске необходимых ему материалов и пр.

* *
*

На доме № 36 по улице Карла Маркса (Старая Басманная), где А. С. Пушкин часто бывал у своего дяди поэта В. Л. Пушкина, установлена мемориальная доска.

Министерство связи СССР выпустило памятную марку с портретом А. С. Пушкина, выполненным художником-гравером А. Калашниковым.

Научные заседания

26—27 февраля 1962 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького проходила научная сессия. С докладами на сессии выступили чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благой, доктора филолог. наук Ю. Г. Оксман, Н. Л. Степанов, канд. филолог. наук С. В. Шервинский («Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XXI вып. 3. М., 1962, стр. 285—287; «Вестник АН СССР», 1962, № 5, стр. 129—130).

16 марта 1962 г. состоялось заседание ученого совета филологического факультета Московского университета, посвященное 125-летию со дня смерти Пушкина. С докладами выступили академик В. В. Виноградов, докт. филолог. наук С. М. Бонди, доцент В. И. Кулешов («Вестник Московского университета», сер. VII, филология, журналистика, вып. 4, 1962, стр. 82—85).

В Гос. историческом музее состоялась общемузейная конференция, на которой с докладами и сообщениями выступили: канд. историч. наук М. Ю. Барановская («Пушкин и Дельвиг», «Пушкин и Веневитинов»); докт. филолог. наук К. В. Пигарев («Пушкин и Баратынский»). В Гос. музее А. С. Пушкина на открытых научных заседаниях — «Пушкинских чтениях» — выступили: докт. филолог. наук С. М. Бонди, Т. Г. Цявловская, писатель А. Л. Слономский, Е. В. Павлова, Н. В. Баранская и др.

ЛЕНИНГРАД

Комиссия по проведению 125-летия со дня гибели А. С. Пушкина под председательством академика М. П. Алексеева была создана также в Ленинграде.

Комиссия на своих заседаниях выработала и утвердила план мероприятий по Ленинграду.

8 февраля на Черной речке, у обелиска на месте дуэли, состоялось торжественно-памятное собрание. Доцент Ленинградского университета В. А. Мануйлов прочитал воспоминания современников Пушкина о дне 27 января 1837 года, когда состоялась дуэль Пушкина с Дантесом.

9 февраля в Гос. академическом театре драмы им. А. С. Пушкина состоялась общегородской торжественно-памятный вечер, посвященный 125-летию со дня гибели Пушкина. В почетном президиуме среди представителей партийных, советских, профсоюзных организаций находились потомки А. С. Пушкина — Т. Н. Галина (Москва), Н. С. Шепелева (Москва), И. Е. Гибшман (Архангельск), А. С. Данилевский (Ленинград).

Вступительное слово произнес председатель Общегородской Пушкинской комиссии академик М. П. Алексеев. На собрании выступили: писательница В. Ф. Панова (Выступление В. Ф. Пановой см.: «Ленинградская правда», 1962, № 35, 10 февраля), докт. филолог. наук Б. С. Мейлах, народный артист СССР Л. С. Вивьеп, рабочий Металлического завода им. XXII Партсъезда Б. Н. Свиридов, учащаяся школы № 321 г. Ленинграда Г. Сизова. С чтением стихов, посвященных Пушкину, выступил поэт Л. Хаустов. В заключение состоялся большой концерт, составленный из произведений великого поэта. Пушкинский вечер смотрели сотни тысяч телезрителей.

10 февраля к памятнику поэту на площади Искусств были возложены венки. На митинге у памятника выступили поэт М. А. Дудин, директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. М. Калаушин, заведующий Рукописным отделом Пушкинского дома АН СССР Н. В. Измайлов и артист Гос. академического театра драмы им. А. С. Пушкина В. А. Медведев.

Ежегодно в день трагической гибели Пушкина в последней квартире поэта собираются ленинградцы, чтобы отдать дань глубокого уважения памяти великого поэта. В этом году здесь было особенно много цветов, которые принесли сюда ленинградцы. Слово о Пушкине произнес академик М. П. Алексеев.

После традиционной торжественной минуты молчания, в час смерти Пушкина, хор Академической капеллы исполнил «Грезы» Шумана, «Элегию» Калинникова и «Зимнюю дорожку» Шебалина. С речами выступили поэт В. А. Рождественский и народный артист СССР В. И. Честноков. Аспирант Ленинградского университета Цянь Гуань-и посвятил свое выступление теме «Пушкин в Китае» и закончил его чтением стихотворения

Пушкина «Памятник» в переводе на китайский язык. Аспирантка русского отделения Эдинбургского университета Шила Даффин рассказала о переводах стихотворных произведений Пушкина на английский язык. (См.: «Вечерний Ленинград», 1962, № 34, 9 февраля).

Учащийся средней школы № 69 им. А. С. Пушкина В. Аллахвердов рассказал о любви советской молодежи к великим творениям Пушкина. В заключение квартет Ленинградской филармонии исполнил «Ноктюрн» Бородина и «Andante cantabile» Чайковского.

Торжественно-памятный вечер состоялся в Доме писателя им. В. В. Маяковского. В памятные Пушкинские дни концерты со специальной пушкинской программой состоялись в Большом зале филармонии, в Концертном зале, во Дворце искусств им. К. С. Станиславского, Городском лектории, Доме народного творчества, Доме работников просвещения и т. д.

Концерты, «Пушкинские чтения», лекции, беседы были проведены в ленинградских дворцах культуры и клубах. В школах, библиотеках, народных университетах, красных уголках — всюду в эти дни звучало пушкинское слово.

Ленинградское радио и телевидение начиная с января включило в свою программу Пушкинские передачи.

12 февраля в Большом конференц-зале Института русской литературы открылось общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР совместно с Институтом русской литературы и Союзом писателей СССР.

После вступительного слова академика В. В. Виноградова, остановившегося на задачах, стоящих перед советским пушкиноведением, с докладом «„Памятник“ А. С. Пушкина в исследованиях последнего двадцатипятилетия» выступил академик М. П. Алексеев. 13—14 февраля в Пушкинском доме АН СССР состоялась XIV Всесоюзная Пушкинская конференция, приуроченная к памятной дате. С докладами на конференции выступили: писатель В. А. Рождественский, докт. филолог. наук Б. С. Мейлах, чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благой, докт. филолог. наук С. М. Бонди и канд. филолог. наук Н. В. Измайлов. Для участников конференции были показаны кинофильмы «Рукописи Пушкина» и «Рисунки Пушкина» (См.: «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1962, т. XXI, вып. 3, стр. 282—285; «Вестник АН СССР», 1962, № 5, стр. 128—129; «Литература в школе», 1962, № 3, с. 93—94; М. П. Алексеев. «Памятник» Пушкина по исследованиям последнего двадцатипятилетия. Критические заметки. «Ученые записки Горьковского университета», вып. 57, сер. ист.-фил., 1962, стр. 229—301). На юбилейных заседаниях в Пушкинском доме приняли участие представители 28 городов Советского Союза.

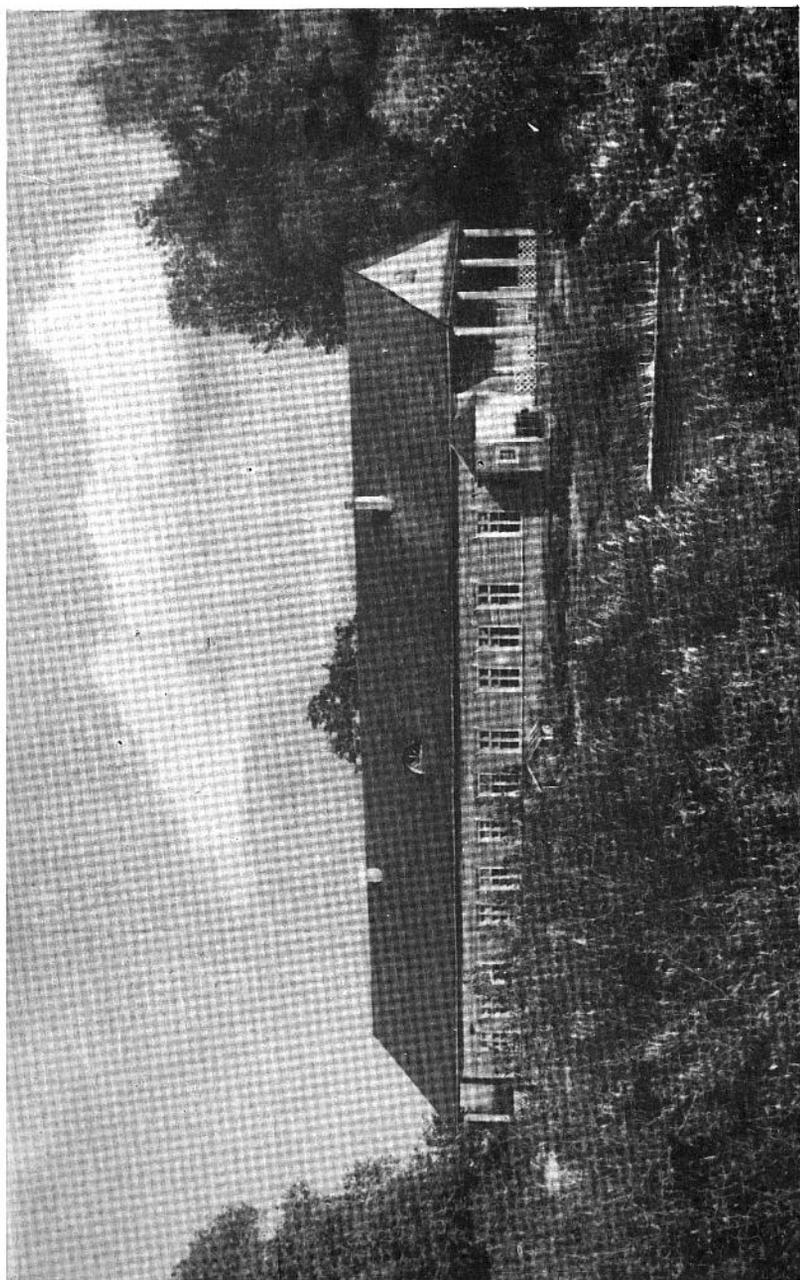
На филологическом факультете Ленинградского университета в 1961/62 учебном году был организован спецсеминар по изучению романа «Евгений Онегин» для студентов университета, Педагогического института им. А. И. Герцена и Библиотечного института им. Н. К. Крупской. 28 декабря 1961 года и 5 января 1962 года на филологическом факультете университета состоялся устроенный кафедрой русской литературы диспут, посвященный идейно-художественному пониманию «Медного всадника». В оживленной дискуссии приняло участие 12 человек. 7 февраля 1962 года на открытом заседании кафедры русской литературы, посвященном 125-летию со дня смерти Пушкина, доцент В. А. Мануйлов сделал доклад на тему «Наследие Пушкина и наша культура».

В феврале в г. Пушкине в помещении Камероновой галереи Всесоюзным музеем А. С. Пушкина была открыта выставка работ скульптора профессора М. К. Аникушина, автора памятника поэту в Ленинграде, удостоенного Ленинской премии 1958 года. (См. «Новые памятники Пушкину» в настоящем издании, стр. 98).

10 июня там же Всесоюзный музей А. С. Пушкина организовал выставку работ на пушкинские темы ленинградского художника Г. Н. Веселова. На выставке экспонировались рисунки к лирическим произведениям, ранее никогда не иллюстрировавшимся, иллюстрации к прозе Пушкина,

Скульптура Пушкина в Дарьяльском ущелье.

Дом в Григорьевском. Фот. 1962 года.

изображения пушкинских мест, а также иллюстрации к произведениям советских писателей, посвященных Пушкину, — всего 120 работ. (Н. Т. Евдокимов. Г. Н. Веселов. Выставка работ на пушкинские темы. Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Л., 1962).

ПСКОВ

9 и 10 февраля 1962 года в Псковском педагогическом институте состоялась научная конференция, в которой приняли участие преподаватели университетов и институтов различных городов Советского Союза, а также сотрудники Пушкинского заповедника Псковской области. (Пушкинский сборник. — Псковский педаг. ин-т. Псков. 1962. 124 стр.).

В Пушкинских Горах, школах, колхозах Пушкиногорского района сотрудники Пушкинского заповедника начиная с января проводили лекции и беседы о жизни и творчестве своего великого земляка. Лекции и беседы были прочитаны на ряде промышленных предприятий и учреждений Пскова.

9 января для колхозников в селе Михайловском был организован Пушкинский литературный вечер. Днем 11 февраля на могилу Пушкина были возложены венки. У могилы поэта выступили представители Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Всесоюзного музея А. С. Пушкина, Пушкиногорского РК ВЛКСМ и др.

Вечером 11 февраля в районном Доме культуры им. А. С. Пушкина состоялся большой торжественно-памятный вечер.

Музей в Тригорском

21 августа в Пушкинском заповеднике, в Тригорском открылся восстановленный дом Осиповых-Вульф. Сгоревший в 1918 году дом соседей и друзей Пушкина ныне воссоздан как литературно-мемориальный музей. При последних владельцах Тригорского в доме был устроен маленький музей (Пушкинская комната), где были сосредоточены вещи, имевшие отношение к Пушкину. «Из подлинных вещей, с которыми непосредственно связано воспоминание о Пушкине в Тригорском, ныне в Доме-музее хранятся рабочая шкатулка и чернильница, подаренные Пушкиным Е. Н. Вульф, портрет Байрона — подарок поэта А. Н. Вульф, стол, за которым Пушкин работал в Тригорском, кресло Алексея Вульфа, часы, картина фламандской школы и ряд других предметов. Здесь же вещи из Тригорского дома, не связанные прямо с именем Пушкина, предметы обстановки того времени, а также репродукции с рукописей произведений Пушкина, посвященных обитателям Тригорского, письма Пушкина и к Пушкину и другие документальные материалы». (С. С. Гейченко. Тригорское. Краткий путеводитель. Пушкинские Горы. 1962). На открытии нового музея выступили академик М. П. Алексеев, директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, поэт Л. Вышеславский. В Тригорском доме начались «Пушкинские чтения». С докладом «Приют, сияньем муз одетый...» выступил С. С. Гейченко. Сообщение о «неизвестном письме Николая I о дуэли и смерти Пушкина» сделала научный сотрудник Московского музея А. С. Пушкина Е. В. Муза (письмо публикуется в настоящем издании на стр. 38—40). 22 августа были прочитаны доклад научного сотрудника Пушкинского заповедника А. Ф. Теплова «Пушкин и П. А. Осипова», сообщение В. С. Бозырева «Опись Тригорского 1881 года» и др. «Пушкинские чтения» закончились концертом ленинградских артистов, составленным из стихотворений Пушкина, связанных с Тригорским, и музыкальных произведений, исполнявшихся при Пушкине в тригорском доме. В одном из залов дома открылась выставка ленинградского художника-графика В. М. Звонцова, творческая биография которого тесно связана с Пушкинским заповедником. На выставке было представлено более 50 работ художника (С. С. Гейченко. Каталог выставки произведений художника Звонцова В. М. Пушкинские Горы. 1962).

Восстановление дома Осиповых-Вульф в Тригорском, осуществленное коллективом Пушкинского заповедника под научным руководством и при участии его директора С. С. Гейченко, — важнейший этап в генеральном плане развития мемориальной части Пушкинского заповедника. Отныне посетителей заповедных пушкинских мест, которых привлекал к себе живописный Тригорский парк, являющийся образцом русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века, тесно связанный с воспоминаниями о Пушкине, будет встречать и дом — «приют, сияньем муз одетый», где так часто бывал поэт.

ГОРЬКОВСКАЯ ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

13—14 сентября в г. Горьком происходила научная конференция, посвященная творчеству Пушкина. Конференция была организована по инициативе Горьковского университета им. Лобачевского и Совета по координации научно-исследовательских работ Волго-Вятского района. С докладом, посвященным анализу стихотворения Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума...», выступил чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благой (Москва). Доклад канд. историч. наук В. В. Пугачева (Горький) был посвящен вопросам датировки послания поэта «К Чаадаеву». Теме «Белинский и Пушкин» посвятил свой доклад канд. филолог. наук М. И. Мальцев (Чебоксары). М. Л. Нольман (Кострома) прочитал доклад «Полемическое начало в поэме „Медный всадник“»; с сообщениями выступили А. Г. Исаев (Горький), И. К. Инжеватов (Саранск) и др. Участники Пушкинской конференции побывали в Болдинском музее-заповеднике. В конференции принял участие правнук поэта Г. Г. Пушкин (С. Орлов. Пушкинская конференция. «Горьковский рабочий», 12 сентября 1962 г.; На Пушкинской конференции. «Горьковский рабочий», 14 сентября 1962 г.; В. Кумакшев. На Пушкинской конференции. «Горьковский рабочий», 17 сентября 1962 г.; С. Орлов. Солнце русской поэзии. «Горьковская правда», 20 сентября 1962 г.; Известия АН СССР, отд-ние лит-ры и языка, т. 22, 1963, вып. 1, стр. 75—76

В городах и селах Российской Федерации, во всех союзных республиках Пушкинская дата была отмечена как большое событие, в котором приняли участие народные массы. В дворцах культуры, клубах, библиотеках, школах, на многих заводах и фабриках, учреждениях, в колхозах и совхозах многих областей были прочитаны лекции и беседы о творчестве Пушкина, состоялись литературные вечера, концерты, были организованы выставки. В театрах и кинотеатрах, по радио и телевидению исполнялись пушкинские произведения, шли оперы и балеты на пушкинские сюжеты, пьесы о Пушкине, звучала музыка, написанная на пушкинские тексты, демонстрировались Пушкинские кинофильмы.

УКРАИНСКАЯ ССР

Литературный вечер 10 февраля в Октябрьском дворце культуры в Киеве открыл заместитель председателя Правления Союза писателей Украины П. Воронько. Роли поэзии Пушкина в развитии литератур у братских народов посвятил свое выступление поэт Н. Ушаков. Большое внимание уделила вопросу идейной близости Пушкина и Шевченко в своем докладе канд. филолог. наук В. Войтушенко. С чтением стихотворений, посвященных Пушкину, выступили поэты Н. Терещенко, С. Крыжановский, Н. Ушаков, Л. Вышеславский.

В Академии наук УССР юбилейная дата была отмечена заседанием ученого совета Института литературы им. Т. Г. Шевченко. С докладом о становлении реализма в творчестве Пушкина выступил профессор Д. В. Чалый. Научные конференции прошли в университетах республики.

На конференции в Киевском университете приняли участие украинские ученые А. З. Жмудский, И. Я. Заславский, В. А. Капустин, А. В. Кулинич, А. А. Назаревский, Д. В. Чальи. В Львовском театре им. А. М. Горького на общегородском вечере с докладом «Пушкин и наша современность» выступил А. Д. Оришин.

За годы советской власти произведения Пушкина на Украине издавались 122 раза общим тиражом 3 537 000 экземпляров, в том числе 65 раз тиражом 2 689 000 экземпляров на украинском языке.

Накануне даты Гос. издательство художественной литературы УССР выпустило в свет VIII том собрания сочинений М. Рылского; том целиком посвящен переводам произведений Пушкина на украинский язык. В гуцулском парке был установлен бюст поэта работы скульптора О. Д. Миньковой. К памятнику Пушкину в Одессе были возложены цветы. 6 июня в Киеве состоялось торжественное открытие памятника Пушкину, созданного скульптором А. Ковалевым и архитектором В. Гнездиловым.

ГРУЗИНСКАЯ ССР

Союз писателей Грузинской ССР отметил Пушкинскую дату заседанием, которое открыл секретарь Правления Союза С. Чилая. Писатель Ш. Абхаидзе рассказал о переводах произведений Пушкина на грузинский язык. Поэты А. Мирцхулава, М. Лебанидзе, Г. Гаччиладзе, Т. Джангулашвили, В. Торгадзе и другие прочли свои новые переводы пушкинских стихов. Вечера, посвященные Пушкинской дате, были проведены отделением Союза писателей в Кутаиси и Батуми. В Тбилисском гос. театре оперы и балета состоялась Пушкинская вечер, который открыл министр культуры Грузинской ССР Т. Буачидзе. Теме «Пушкин в музыке» посвятил свое выступление профессор П. Хучуа, театровед Н. Шалутанвили рассказал о спектаклях, созданных по произведениям великого поэта. Грузинское республиканское общество по распространению политических и общественных знаний провело большое количество лекций на пушкинские темы.

В районном центре Казбеги, у начала Дарьяльского ущелья, на фоне горы Казбек в Пушкинскую годовщину была установлена скульптура А. С. Пушкина.

Общегородское собрание состоялось в Юго-осетинском театре им. Коста Хетагурова в г. Цхинвали. Осетинские поэты и писатели выступили с чтением своих переводов произведений Пушкина. Журнал «Фидиог» к Пушкинской дате опубликовал статью о Пушкине и новые переводы на осетинский язык стихотворений «Свободы сеятель пустынный», «Он между нами жил» и «Телега жизни», сделанные Н. Джусойты.

МОЛДАВСКАЯ ССР

10 февраля в Кишиневском университете состоялся большой Пушкинский вечер. В актовом зале Академии наук Молдавской ССР была проведена научная Пушкинская сессия. После вступительного слова чл.-корр. АН МССР Е. М. Русеева с докладами выступили академик АН МССР И. К. Вартчан и другие молдавские ученые. Писатели Андрей Лупан, Георге Менюк и другие прочитали свои стихотворения, посвященные Пушкину, и переводы произведений Пушкина на молдавский язык. На студии «Молдова-фильм» был создан киноочерк «Здесь лирой северной...», посвященный пребыванию поэта в Молдавии. Издательство «Карта Молодовеняскэ» выпустило к Пушкинским дням трехтомное собрание сочинений на молдавском языке.

2—6 июля 1962 года в Кишиневе и Одессе состоялась IX конференция пушкиноведов Кишинева и Одессы, в которой приняли также участие ученые Ленинграда, Москвы и других городов. С докладами выступили: канд. филолог. наук З. А. Бориневич-Бабайцева («Пушкинские традиции

в последующей русской литературе), доктор филолог. наук Б. С. Мейлах («Пушкин и южные декабристы»), канд. филолог. наук Н. В. Измайлов («Рукописи Пушкина кишиневского периода в архиве Пушкинского дома АН СССР»), доктор истории. наук С. Я. Боровой («Неопубликованный дневник и документы архива М. С. Воронцова как материалы к истории пушкинской Одессы»), канд. филолог. наук А. В. Недзведский («Максимум о Пушкине»), канд. филолог. наук Е. М. Черницкий («Пушкин и Франко»), Г. Ф. Богач («Пушкин и Горький о молдавском фольклоре»), канд. искусствоведения Б. Я. Котляров («Новый вариант „Песни Земфиры“ в сборнике Ф. Ружицкого»), Г. Л. Островский («Повесть Пушкина „Пиковая дама“ и фильм режиссера Протазава „Пиковая дама“») и др.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Пушкинский вечер состоялся в Большом зале Академии наук Азербайджанской ССР. После вступительного слова Мамеда Арифа с докладом о жизни и деятельности Пушкина выступил поэт Мамед Рагим. Поэты Азербайджана прочитали свои стихи, посвященные Пушкину, и переводы стихов великого поэта. 14 февраля в театре оперы и балета им. М. Ф. Ахундова состоялась премьера оперы Римского-Корсакова «Модарт и Сальери».

КАЗАХСКАЯ ССР

Вечер памяти Пушкина состоялся в Академии наук Казахской ССР. Союз писателей Казахстана провел Пушкинские вечера на русском и казахском языках в Алма-Атинской городской публичной библиотеке им. А. С. Пушкина. Казахские писатели в Пушкинские дни выступали с Пушкинскими программами по радио и телевидению. В Пушкинские дни писатели выступили в литературной газете «Казах Эдебиети» и других газетах республики. К знаменательной дате Казгослитиздат подготовил сборник литературоведческих работ Мухтара Ауэзова, в котором публикуется исследование «Пушкин и братские литературы советского Востока»; издательством подготавливается издание романа Пушкина «Евгений Онегин» в новом переводе поэта К. Шангитбаева, выпускается сборник стихов Пушкина, переведенных на уйгурский язык.

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Поэт Мухиддин Фархат закончил перевод на таджикский язык романа Пушкина «Евгений Онегин». В Пушкинские дни таджикское радио перело отрывки из нового перевода романа, а в Союзе писателей республики и в Институте языка и литературы Академии наук Таджикистана началось творческое обсуждение перевода. Таджикгосиздат к юбилейной дате подготовил сборник поэтических произведений Пушкина. В переводе М. Фархата вышла поэма Пушкина «Руслан и Людмила».

КИРГИЗСКАЯ ССР

В переводе на киргизский язык вышли новые переводы «Медного всадника», «Модарта и Сальери», «Скупого рыцаря» и других произведений Пушкина. Подлинным событием в культурной жизни Киргизии явился перевод «Евгения Онегина», осуществленный поэтом Алыкулом Османовым. Кафедра русского языка Киргизского университета в связи с Пушкинской датой устроила специальное заседание, на котором с научными сообщениями выступили сотрудники кафедры и аспиранты («Русский язык в киргизской школе», 1962, № 1 (15), стр. 33). В театре оперы и балета Киргизской ССР в Пушкинские дни шла опера Чайковского «Евгений Онегин».

УЗБЕКСКАЯ ССР

10 февраля в Ташкенте состоялась научная сессия, организованная Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР совместно с Союзом писателей республики. Со вступительным словом на Пушкинской сессии выступил поэт М. Шейх-заде, были прочитаны доклады: канд. филолог. наук С. С. Касымова («А. С. Пушкин и узбекская литература»), канд. филолог. наук Д. Шарипова («Переводы А. С. Пушкина на узбекский язык») и др. Узбекские поэты выступили с чтением своих стихов, посвященных Пушкину.

ЛАТВИЙСКАЯ ССР

На выставке, открывшейся в Гос. библиотеке Латвийской ССР в Риге, были представлены первые издания переводов произведений А. С. Пушкина на латышский язык, экспонировались статьи, в которых раскрывается значение Пушкина в истории латышской культуры. Большой Пушкинский вечер состоялся во Дворце культуры завода ВЭФ и на других заводах, предприятиях, клубах Риги и городов республики. На Рижской студии начались съемки фильма-оперы «Моцарт и Сальери» по трагедии Пушкина, который вышел на экраны в конце 1962 года. В роли Моцарта снимался И. Смоктуновский, в роли Сальери — П. Глебов.

ЭСТОНСКАЯ ССР

Гос. академический театр оперы и балета «Эстония» поставил к Пушкинской дате оперу Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Журнал «Лoomине» опубликовал в переводе на эстонский язык отдельные главы «Евгения Онегина».

За годы советской власти было издано 2066 книг — сочинений А. С. Пушкина общим тиражом 97 231 000 экземпляров на 84 языках. В том числе на русском языке вышло 1056 книг тиражом 86 870 000 экземпляров. На других языках народов СССР было издано 947 книг тиражом 9 878 000 экземпляров на 69 языках. На 14 иностранных языках в Советском Союзе было издано 63 книги тиражом 483 000 экземпляров. (По данным Всесоюзной Книжной палаты на 1 июля 1962 года).

ЗА РУБЕЖОМ

125-летия Пушкинская годовщина отмечена была во многих странах мира. Мы еще не располагаем полными и исчерпывающими данными о Пушкинской годовщине за рубежом. Ниже публикуются лишь некоторые сведения о Пушкинских днях, составленные преимущественно по материалам, опубликованным в советской печати, а также по материалам, поступившим в Пушкинскую комиссию (до 1 сентября 1962 года).

Польша. В городах и селах были организованы книжные выставки, фотовитрины, посвященные Пушкинской годовщине. Польская печать поместила статьи, посвященные творчеству Пушкина. Радио и телевидение передавало Пушкинские программы.

Румыния. Здесь состоялись литературные вечера и выставки, которые были организованы в Бухарестском и областных домах румыно-советской дружбы. На сценах румынских театров с большим успехом шли оперы русских композиторов на тексты произведений Пушкина. Румынским зрителям были показаны балеты «Медный всадник» и «Бахчисарайский фонтан».

Венгрия. Союз венгерских писателей совместно с Обществом венгеро-советской дружбы устроил в Будапеште литературный вечер памяти А. С. Пушкина. С докладом о творчестве поэта выступил чл.-корр. Венгер-

ской академии наук Иштван Шетер. Известные венгерские артисты прочитали стихотворения Пушкина; были исполнены отрывки из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

На вечере памяти Пушкина в актовом зале Будапештского университета им. Лоранда Этвёша поэт и переводчик Лайош Априли, являющийся автором нового перевода «Евгения Онегина» и ряда пушкинских лирических стихотворений на венгерский язык, говорил в своем докладе о сходстве поэзии Пушкина и Петефи. Факультетское общество венгеро-советской дружбы организовало выставку, на которой видное место занимали издания основных произведений Пушкина на венгерском языке (Ж. Зольдхеи, М. Рев. Пушкин в Венгрии. «Вопросы литературы», 1962, № 6, стр. 254—255).

Великобритания. К 125-летию со дня гибели Пушкина появился ряд новых переводов его произведений на английский язык; в книге, выпущенной Лондонским издательством «Penguin Books», помещены «Шиковая дама», «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка». Вступительная статья — Розмэри Эдмонс. Английская критика сочувственно отметила новую постановку оперы Чайковского «Евгений Онегин» в театре «Сэдлер-Уэллс» («Иностранная литература», 1962, № 8, стр. 273).

Пушкинский клуб в Лондоне. В Лондоне с 1955 г. существует Пушкинский клуб (The Pushkin club, 46 Ladbroke Grove, London, № 11).

Клуб приобрел дом, в котором помещается общежитие студентов различных национальностей. Для Пушкинского клуба в этом доме были выделены два больших зала, в одном из которых размещена библиотека, а другой предназначен для Пушкинского музея. Еженедельно в Пушкинском клубе устраиваются собрания, которые посвящаются вопросам русской литературы, здесь же устраиваются выставки. При клубе работают курсы по изучению русского языка; на курсах занимается большое число англичан, уже владеющих русским языком. Два раза в месяц клуб устраивает литературные беседы, которые проводятся исключительно на русском языке. Время от времени здесь ставятся спектакли. О деятельности этого клуба сообщались сведения и в советской печати. В 1960 году его посетили гостившие в Лондоне А. Твардовский и К. Федин (Советские писатели за рубежом. «Литература и жизнь», 1960, № 54, 24 апреля); собрания Пушкинского клуба изредка освещаются также и в зарубежной печати. Так, в журнале «Shawian», (London, 1960, vol. 2, № 1, стр. 15—16) сообщалось о заседании, устроенном Пушкинским клубом совместно с Обществом имени Б. Шоу (Slaw Society) и Национальной книжной лигой, на котором читался доклад Б. Маллик «Пушкин — основатель великой русской литературы».

В памятные Пушкинские дни в университете г. Эдинбурга создан Кабинет русского языка; состоялась лекция «Пушкин в русской музыке». В Дамфрисе (Шотландия) открыт Клуб дружбы имени А. С. Пушкина. Отвечая на инициативу 353-й московской школы им. А. С. Пушкина, организовавшей Клуб имени Бернса, Джон Рид, шотландский учитель, создал у себя в школе в г. Эйра, на родине великого шотландского поэта, Клуб имени Пушкина («Литература и жизнь», 1962, № 106, 5 сентября). Гимном клуба является песня «Пушкин и Бернс», написанная уэльским композитором Джеком Морганом, в котором есть такие строки:

... Любимых бардов славим мы;
пускай бегут года,
Их песни вещи живут
и будут жить всегда!
И впредь не тронет их имен
седая пыль веков,
Певцов шотландских древних скал
и невских берегов...

(полностью эта песня в переводе Б. Лихачева напечатана в «Литературной газете», 1962, № 18, 10 февраля).

Франция. Молодежный театр Клода Сантели осуществил телевизионную постановку по повести «Дубровский». Критик газеты «Монд» с восторгом отзываясь об этой постановке. По оценке критика текст инсценировки «Дубровского», адаптированный Аленом Будэ, сохраняет «благородные идеи, вдохновившие Пушкина» («Иностранная литература», 1962, № 2, стр. 285).

Япония. Готовясь к 125-летию со дня смерти поэта, общество «Япония—СССР», как сообщает орган ЦК КПЯ газета «Акахата», и его отделения в крупных городах организуют вечера поэта, на которых будут выступать японские литераторы, критики, артисты, общественные деятели, студенты и школьники. Прогрессивные газеты и журналы «Синнихон бунгаку», «Дзенэй», «Сякой» и другие поместят на своих страницах специальные статьи, посвященные жизни и деятельности великого русского поэта (Ф. Ивашкин. Его книги издаются в Японии. «Пензенская правда», 10 февраля 1962 г.).

Стихотворение суданского поэта Ахмад Абд Ар-Рахмана «Я привезу в Москву цветы живые» (перевод И. Ицкова) поместила 10 февраля 1962 г. «Советская Россия». Суданский поэт пишет:

...Придет пора, я снова дома буду,
Вернусь к суданской солнечной весне.
Любимая моя цветок баруду —
Невянущий цветок — подарит мне.
Я расскажу ей о певце России
С курчавой — африканской головой...

В памятные Пушкинские дни 1962 года в периодической печати различных стран появились статьи о Пушкине и о его творчестве. Приводим здесь перечень лишь тех из них, которые имеются в библиотеках Москвы и Ленинграда и были получены здесь до 1 сентября 1962 года.

A n j a n e u l u D. Alexander Pushkin — man and his Muse. «Thought», Delhi, 1962, Feb. 17, vol. 14, № 7, стр. 12—13.

A p r e o t e s e i C. Puşkin — publicist. 125 de an: de la moartea lui A. S. Puşkin. Serigul bonatean, Timisoara, 1962, № 2, стр. 48—50.

F l e u r i o t de Langle P. D'Anthès leva son pistolet... La mort de Pouchkine. «Nouvelles Littéraires» (Paris), 1962, 8 février, № 1797, стр. 3.

C h i n e a A. Comemorarea lui A. S. Puskin. «Sbeana» Cluj, 1962, № 2, стр. 84—86.

Jaké byly okolnosti Puškinova o sudného souboje? «Slovansky přehled», Praha, 1962, № 1, стр. 20—25.

S a r a j l i č I. Hiljadu osam stotina trideseti sedme uz 125-godišnjicu smrti A. S. Puškina. «Izraz» (Sarajevo), 1962, № 3, стр. 279—285.

V r i e s Th. de. Poesjkin (1837—1962). Nederland—USSR, Amsterdam, 1962, Apr., jg, 15, № 15, стр. 2—3.

Z a h a r o v L. Večni Puskin. Uz 125-godišnjicu smrti. «Književne novine» (Beograd). 1962, 9 febr., № 164, стр. 4.

С т е ф а н о в а Л. А. С. Пушкин заедно с нас. Литературен фронт (София), 1962, 15 февр., № 7, стр. 4.

25-ЛЕТИЕ ВСЕСОЮЗНОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

Всесоюзному музею А. С. Пушкина исполнилось 25 лет. Основанием ему послужила Всесоюзная юбилейная выставка, открытая в 1937 году к 100-летию со дня смерти Пушкина в залах Исторического музея в Москве. В 1938 году выставка была преобразована в Государственный музей. Двенадцать лет спустя, в 1949 году, музей был переведен в г. Пушкин и размещен в бывшем Александровском дворце. С 1954 года основная экспозиция Всесоюзного музея А. С. Пушкина размещается в залах Гос. Эрмитажа в Ленинграде.

Кроме основной экспозиции, Всесоюзный музей А. С. Пушкина имеет пять филиалов: мемориальный музей-квартиру А. С. Пушкина, мемориальный музей-Лицей, мемориальный музей-дачу А. С. Пушкина в доме Кутаевой, постоянную выставку «Пушкин в советской и современной зарубежной культуре», мемориальный музей Н. А. Некрасова.

За четверть века своего существования Всесоюзный музей А. С. Пушкина превратился в один из крупнейших монографических литературных музеев страны. В его экспозициях и фондах сосредоточено более 50 000 уникальных произведений живописи, графики, скульптуры, книг, документов, мемориальных предметов и др. Здесь хранятся почти все прижизненные изображения Пушкина и личные вещи поэта, а также работы крупнейших мастеров русского искусства XIX века и советских художников.

25-летие Всесоюзного музея А. С. Пушкина было отмечено торжественным собранием, которое состоялось 2 марта 1962 года в помещении Эрмитажного театра. С докладом «Всесоюзный музей А. С. Пушкина за 25 лет» выступил директор музея М. М. Калаушин; сообщения о научно-экспозиционной, фондовой и экскурсионно-массовой работе сделали заместитель директора по научной части А. М. Гордин, научные сотрудники А. Ю. Вейс и В. К. Зажурило. Музей приветствовали представители советских и партийных организаций, институтов, музеев, учебных заведений. После торжественной части состоялся большой концерт.

В связи с 25-летием музея в фойе Эрмитажного театра была открыта выставка материалов из фондов, главным образом поступлений последних лет.

На выставке экспонировались прижизненные изображения Пушкина (портрет пастелью работы О. А. Кипренского, автокопия из собрания П. А. Вяземского; гравюры Н. И. Уткина с автографами гравера; литографии Г. Гипшуса и Ф. А. Бруни; предполагаемые портреты Пушкина работы Перье и А. А. Агина); личные вещи Пушкина и книги из лицейской библиотеки Пушкинского времени, полученные из Уральского гос. университета, изображения друзей и знакомых поэта: Н. И. Тургенев (миниатюра Сентри, 1810-е годы), И. В. Малиновский (масляный портрет, 1871 год), А. Н. Верстовский (акварель П. Ф. Соколова, 1810-е годы), М. Ю. Виельгорский (акварель П. Ф. Соколова), Д. Ф. Фикельмон (акварель Т. Юинз, 1826 год), З. А. Волконская (акварель Мюнере, 1814 год), Ф. Ф. Кокочкин (рисунок Р. К. Жуковского, 1830-е годы), Е. П. Росточина (миниатюра), А. Ф. Закревская (миниатюра, 1817 год) и др., ряд портретов декабристов (М. Ф. Орлов, масляный портрет, 1833—1835 годы, С. Г. Волконский, акварель Н. А. Бестужева, 1834 год, и др.) и зарисовок Читинского острога, Петровского завода, Ялutorовска. Большое место на выставке занимали эскизы к картинам и иллюстрации художников В. А. Серова, К. А. Коровина, М. А. Врубеля, М. В. Добужинского, К. А. Сомова, Б. М. Кустодиева, Н. П. Ульянова, К. И. Рудакова, Н. В. Кузьмина, М. Н. Яковлева, П. Л. Бунина и др.; эскизы театральных декораций А. Я. Головина, К. А. Коровина, С. В. Иванова, скульптурные произведения И. П. Витали, Р. Р. Баха, И. Д. Шадра и др.

ЮБИЛЕЙ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

24 марта в Пушкинских Горах в Доме культуры им. А. С. Пушкина состоялось торжественное собрание, посвященное 40-летию со дня основания Пушкинского заповедника. В тяжелые для молодой республики Советов годы, когда она еще только начинала оправляться от ран, нанесенных ей гражданской войной, разрухой и голодом, был издан Ленинский декрет об организации «неприкосновенных памятников ... музейно-академического значения», на основе которого Совнарком постановил передать в ведение Главнауки памятные Пушкинские места в Псковской области. За 40 лет своего существования Пушкинский заповедник превратился в один из прекрасных памятников, созданных Советской властью

Пушкину («Ленинградская Правда», 1962, № 80, 4 марта; «Вечерний Ленинград», 1962, № 71, 24 марта). В адрес заповедника поступили многочисленные приветствия от учреждений и отдельных лиц. Среди приветствий были письма и телеграммы от ряда советских писателей.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПУШКИНУ

За последние годы в различных городах Советского Союза установлено много новых памятников Пушкину; в советской печати появились статьи, освещающие историю их создания и открытия, отчеты о заседаниях конкурсных комитетов, на которых обсуждались проекты этих памятников, различные печатные отклики на монументы, установленные ранее, предложения об открытии новых, а также другие материалы, представляющие несомненный интерес для истории увековечения образа Пушкина в скульптуре и вместе с тем для характеристики его возрастающей славы в нашей стране.

Первые попытки изобразить Пушкина в гипсе, мраморе и бронзе, как известно, сделаны были еще современниками Пушкина (см.: Л. П. Февчук. Первые скульптурные изображения Пушкина. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 395—407).¹ С 1837 года и до наших дней создано было много скульптурных изображений поэта, самое перечисление которых составило бы ныне немалые трудности; об известных памятниках Пушкину, установленных в свое время, появилась довольно большая специальная литература; обо многих других мы еще знаем недостаточно.

150-летие со дня рождения Пушкина, торжественно отмеченное не только в нашей стране, но и во всем мире, ознаменовано было постановкой ряда новых памятников поэту как в СССР, так и за рубежом (Г. В. Степанова и Б. В. Шапошников. Скульптурные памятники Пушкину за рубежом. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы». Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 387—395).² Новые памятники продолжали создаваться и устанавливаться и после этой даты. В Ленинграде, где существовал лишь небольшой памятник поэту работы А. М. Опекушина, открытый еще в 1884 году (Л. Н. Назарова. Памятник Пушкину в Петербурге. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 465—468),³ и несколько других, менее заметных скульптурных изо-

¹ Статья состоит из двух глав: «Посмертная маска Пушкина» (гипсовая, снятая с него в день смерти, ставшая одним из важнейших источников для иконографии поэта); «Об оригиналах и некоторых отливках бюстов Пушкина работы И. П. Витали и С. И. Гальберга».

² В 1949 г. открыты были памятники Пушкину в ГДР (г. Веймар), в Болгарии (г. Бургас) и в других странах. Примечательна история памятника Пушкину в Шанхае — первого памятника иностранному писателю, поставленного в Китае. Открытый еще в 1937 году (в ознаменование столетия со дня рождения поэта), он был разбит в годы оккупации Шанхая японскими захватчиками, но десятилетие спустя (в 1947 году) после освобождения города восстановлен. В конце 50-х годов в Китайской Народной Республике побывал болгарский поэт Младен Исаев; шанхайский памятник великому русскому поэту вдохновил его на стихотворение («Памятник Пушкину в Шанхае»), которое известно и в переводе на русский язык с болгарского Ирины Воробьевой («Литература и жизнь», 1959, № 73, 19 июня).

³ Несколько личных воспоминаний об открытии памятников Пушкину в Москве, Петербурге и Царском Селе сообщил журналист А. И. Гессен (Бронзовый Пушкин. «Литературная газета», 1962, № 21, 17 февраля), однако они не отличаются достоверностью. В дореволюционные годы

бражений, установленных в местах, связанных с памятью о Пушкине, появилось несколько монументов. Так, 9 октября 1950 года во дворе дома, где находится последняя квартира Пушкина (набережная р. Мойки, д. 12) состоялось открытие нового памятника поэту (работы Н. В. Дыдыкина). (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, 1958, стр. 477—478). Семь лет спустя на площади Искусств установлен был еще один памятник работы М. К. Аникушина, являющийся в настоящее время главным памятником поэту в Ленинграде. Открытие его приурочено было к празднованию 250-летия со дня основания города и состоялось 19 июня 1957 года. (О. А. Пини. Новый памятник Пушкину. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. III, 1960, стр. 508—509, ср.: О. А. Пини. К истории создания памятника Пушкину работы М. К. Аникушина. Сб. «Пушкин и его время», вып. 1, 1962, стр. 453—462). В Ленинграде сосредоточено в настоящее время наибольшее количество скульптурных изображений Пушкина, выполненных за последние десятилетие,⁴ в мастерских виднейших скульпторов Ленинграда не прекращается и доныне дальнейшая их творческая разработка. В Пушкинские памятные дни 1962 года в Камероновой галерее (г. Пушкин) Всесоюзный музей А. С. Пушкина организовал выставку работ М. К. Аникушина, посвященных Пушкину. Здесь представлены были работы, позволяющие проследить процесс создания памятника, установленного на площади Искусств (начиная с эскиза 1949 года), модели скульптуры для станции метро «Пушкинская» в Ленинграде (1954—1955),⁵ эскиз скульптуры для г. Гурзуфа в Крыму (1959—1961), многочисленные скульптурные портреты поэта, выполненные М. К. Аникушиным в различные годы.⁶

Новые памятники Пушкину появлялись и в других городах нашей страны, в частности, в культурных центрах национальных республик, в местах, так или иначе связанных с биографией поэта. В 1956 году по инициативе коллектива Полотняно-Заводской бумажной фабрики (некогда принадлежавшей Гончаровым, родителям жены Пушкина), в старинном фабричном селе Калужской области, в парке открыт памятник Пушкину

установлены были также бюст Пушкина работы академика Шредера в саду бывш. Александровского лицея (ныне школа № 69 им. А. С. Пушкина на Кировском проспекте в Ленинграде), гипсовый бюст на месте дуэли на Черной речке (в 1937 году замененный обелиском с барельефом поэта).

⁴ В собраниях Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде находятся все основные работы советских скульпторов, запечатлевших облик поэта (они перечислены в сборнике «Пушкин и его время», вып. 1, стр. 561).

⁵ См. стихотворение Вс. Рождественского «Пушкин в метро» («Вечерний Ленинград», 1962, № 32, 7 февраля); поэт рассказывает о впечатлении, которое производит эта скульптура, установленная «глубоко под землю, под толщью пластов вековых»:

Из ниши задумчивым взглядом
Весь белый, как стены и свет;
На фоне бессмертного сада
Тебя повстречает поэт....

Скульптура удачно освещена и одухотворяет своеобразное архитектурное оформление этой подземной станции:

И весь он — как празднество света,
Вошедшее в недра земли!

⁶ К дате открытия выставки выпущен был и печатный ее каталог: Н. Т. Евдокимов. Лауреат Ленинской премии скульптор М. К. Аникушин. Выставка работ, посвященных А. С. Пушкину. Каталог. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Л., 1962 (стр. 13, 8 илл.).

работы Н. Альтшулера: поэт сидит на скамье с раскрытой тетрадью.⁷ В 1959 году памятник Пушкину открыт в г. Ростове-на-Дону, в центре города (на углу ул. Пушкина и проспекта им. К. Маркса): он отлит из бронзы, постамент сделан из украинского красного гранита (Снимок см.: «Литература и жизнь», 1959, № 100 (216), 21 августа).

К 160-летию со дня рождения А. С. Пушкина в 1959 году, отмеченном всей страной, возле Святогорского монастыря в Пушкинских Горах был открыт памятник поэту. Мысль об установке памятника в селе Михайловском возникла давно и имеет уже свою историю (С. Гейченко. Поэту России. «Творчество», 1959, № 10, стр. 13—14). В августе 1954 года общественность Пушкиногорского района и Пушкинского заповедника обратилась с ходатайством к Правительству. Было вынесено соответствующее постановление о сооружении памятника, работа над которым была поручена скульптору Е. Ф. Белашовой и архитектору Л. Холмянскому.⁸

В печати продолжали появляться предложения об установке новых памятников. Такая инициатива возникла, например, в г. Элисте, центре Калмыцкой автономной обл. «Мы гордимся, что читаем Пушкина на родном калмыцком языке, — писал Л. Кирсанов в заметке «От друга степей», присланной из Элисты. — Когда читаешь и перечитываешь произведения поэта, невольно рождается хорошая и вполне осуществимая мысль. В Калмыцкой степи, в Элисте, нужно поставить памятник А. С. Пушкину. Где взять средства? Деньги найдутся. Их даст калмыцкий народ. Это не праздная мысль. Мне, как сотруднику Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, очень часто приходится бывать в колхозах, на фермах, в школах и беседовать с колхозниками, рабочими, школьниками. Все они горячо одобряют мысль об увековечении памяти поэта и готовы внести добровольные взносы на это благородное дело» («Литература и жизнь», 1961, № 3 (233), 6 января). Возникли новые памятники Пушкину и по частной инициативе, на личные сбережения поклонников великого поэта. Так, например, задуман был памятник Пушкину в Гурзуфе.⁹ В 1960 году еще один памятник открыт был в дальневосточном Приморье, в тайге, в парке, разбитом неподалеку от рабочего поселка. «Таежная речушка Тетюха упрямо прокладывает себе путь к Японскому морю через узкие скалистые распадки между крутыми склонами приморских сопок, — рассказывает К. Осипов в корреспонденции «Пушкин в тайге». — Километрах в двадцати от устья, на обрывистом берегу реки, стоит бронзовый Пушкин — копия опекушинского памятника, где всегда видишь цветы — дар школьников. И здесь на светло-сером пьедестале, у ног поэта — скромные лесные фиалки. А над курчавой, чуть склоненной головой сплелись ветви ясеня и амурской липы. Памятник Пушкину поставлен в парке тетюхинского рабочего поселка, у входа во Дворец культуры. Отсюда видна высокая железная труба литейного цеха горнорудного комбината — там отливали этот монумент. Не знаю, кому пришло на ум украсить таежный поселок таким памятником. Может быть, вспомнилось этому человеку пушкинское „Во глубине сибирских руд“ и захотел он почтить память поэта именно здесь, вблизи штольни первого

⁷ Снимок памятника см. в статье: Там где бывал Пушкин. «Советская культура», 1957, № 76 (622), 8 июня. Ср.: сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, стр. 487; в этой же книге можно найти сведения и о других памятниках, установленных в последнее время — в 1955 году в г. Вильнюсе, в Каменке, Черкасской области в Гос. литературно-мемориальном музее А. С. Пушкина и П. И. Чайковского и др. (стр. 478, 486, 488, 489, 491).

⁸ Об этой скульптуре и других замыслах Е. Ф. Белашовой см.: К. Кравченко. Живой и обращенный к жизни. «Советская культура», 1962, № 17, 8 февраля.

⁹ Историю замысла М. А. Кузнецовой см.: Г. Набатов. Подарок гражданам Гурзуфа. «Вечерний Ленинград», 1962, № 84, 9 апреля.

рудника. В поселке обнаружился даровитый художник — самоучка Игорь Круковский; он смастерил гипсовую форму, рабочие комбината искусно выполнили необычное плановое задание... Тихо в поселковом парке, сюда не доносится шум завода, а можно услышать, как шелестит вода, пересчитывая камни, упавшие с обрыва в узкое русло. От Пушкина во все стороны протянулись аллеи, заботливо окаймленные белыми кирпичиками, вкопанными в землю. Скамьи выкрашены в цвет весны; издали кажется, будто зазеленел вдоль каждой аллеи низкорослый кустарник. И только приглядевшись к парку, видишь, что это клочок тайги, сохраненный и облагороженный человеком» («Литература и жизнь», 1960, № 70 (340), 12 июня).

В 125-летнюю годовщину со дня смерти А. С. Пушкина скульптурный памятник Пушкину установлен был также на юге нашей страны — в Грузии, в районном центре Казбеги, у начала Дарьяльского ущелья, на фоне горы Казбек. Еще в 1956 году был объявлен конкурс на сооружение памятника Пушкину в Киеве; первой премии удостоен был проект скульптора А. А. Ковалева.¹⁰ Открытие этого памятника состоялось 6 июня 1962 года («Правда», 1962, № 158, 7 июня; «Литературная газета», 1962, 7 июня; «Правда Украины», 1962, № 133, 8 июня; Л. Владич. А. С. Пушкину. «Творчество», 1962, № 9, стр. 19. См. также: И. Светлов. Новые скульптурные портреты А. С. Пушкина. «Искусство», 1962, № 4, стр. 42—46; Пушкину — украинский народ. «Строительство и архитектура», 1962, № 7, 2-я стр. обл.).

НЕКРОЛОГИ

За последние годы Пушкинская комиссия при Отделении литературы и языка АН СССР потеряла ряд своих постоянных членов, много и плодотворно трудившихся на поприще пушкиноведения.

А. И. БЕЛЕЦКИЙ

2 августа 1961 года в Киеве скончался член комиссии, академик Академии наук СССР и УССР, профессор Александр Иванович Белецкий, один из виднейших советских литературоведов, имя которого пользовалось широкой популярностью в нашей стране и за рубежом. А. И. родился в 1884 году, по окончании гимназического курса (1902) поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, который окончил в 1907 году. В 1912 году началась его научно-исследовательская и преподавательская деятельность в этом университете, на Высших женских курсах и других учебных заведениях Харькова, продолжавшаяся потом и в Киеве в Киевском университете, в Академии наук УССР. С 1936 года А. И. был старшим научным сотрудником Института литературы им. Т. Г. Шевченко, а с 1940 года до конца его жизни — его директором. А. И. была присуща исключительная широта научных интересов и огромная эрудиция. Он плодотворно трудился в разнообразных областях историко-литературной науки и в каждую из них внес ценный вклад. Его творческое наследие составляют свыше 300 печатных научных трудов, посвященных русской и украинской литературам, зарубежным литературам на всем протяжении их развития — от античности и до наших дней, вопросам методологии литературоведения, эстетике, вопросам теории и психологии творчества, театроведению и т. д.

Работы по пушкиноведению составляют особый цикл среди трудов А. И. Изучению биографии и творчества Пушкина А. И. отдал много сил и внимания на всем протяжении своей жизни. Уже в ранней работе А. И. «В мастерской художника слова» («Вопросы теории психологии творче-

¹⁰ История создания этой скульптуры рассказана в заметке: Встреча с Пушкиным. «Известия», 1960, № 169 (13405), 17 июля.

ства», т. VIII, Харьков, 1924) чувствуется превосходный знаток и тонкий ценитель Пушкина; на страницах этого блестящего труда приводятся много наблюдений над процессами творчества великого поэта, даны интересные истолкования и анализы его художественных приемов, его поэтического «зрения» и «слуха» на широком фоне мировой литературы. О Пушкине неоднократно идет речь и во многих других работах А. И. этих лет. В 1930 году была напечатана первая статья А. И., посвященная Пушкину (К истории создания «Капитанской дочки». — «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 191—201). В ближайшие за этим годы началась подготовка к памятным дням — столетию со дня гибели Пушкина. В 1936 году он опубликовал статью «О Пушкине и его прозе» (предисловие к «Повестям», изданным Детиздатом в г. Одессе) и готовился встретить юбилей не только как ученый, но и как повествователь-художник. В 1937 году в украинской и русской печати появились отрывки из этого интересно задуманного произведения, которое, к сожалению, не было завершено: «Повесть о Пушкине, поднадзорном поэте» (отрывок из этой повести «Первый допрос» напечатан в «Харьковском рабочем», 1937, 2 февраля; другие отрывки — «Ленинские всходы», 1937, № 2, стр. 1—5), «У Карамзина» — («Комсомолец України», 1937, 10 лотого; в переводе на украинский язык «Повість про Пушкіна, піддоглядного поета». — «Літературний журнал», 1937, № 1, стр. 26—45). В том же году А. И. принял деятельное участие в деле популяризации Пушкина среди украинских читателей, поместив ряд статей под заглавием «Пушкин и Украина» в периодических изданиях, выступил с докладом «Пушкин — родоначальник новой російської літератури» на торжественном заседании Академии наук УССР в г. Киеве (сокращенный текст см.: «Вісті АН УРСР», 1937, № 2—3, стр. 113—127) и приступил к организации специального Пушкинского сборника. Сборник этот, под редакцией А. И. (совместно с П. Г. Тычиной), под заглавием «О. С. Пушкін. Статті та матеріяли», вышел в свет в г. Киеве в 1938 году в издании Академии наук УССР и включает в себе три статьи А. И.: 1) Пушкін і Україна (Пушкін і українська література) (стр. 29—38); 2) Визволений Пушкін (стр. 59—73); 3) До питання про вплив Пушкіна на російську літературу ХІХ в. Пушкін і російські письменниці 1830—1860 рр. (стр. 116—149).

Еще более горячо откликнулся А. И. на широко отмечавшееся в 1949 году в Советском Союзе, в том числе и на Украине, 150-летие со дня рождения Пушкина. Юбилейные статьи А. И. о Пушкине («Нерукотворний пам'ятник», «Пушкін і Україна») появились на украинском языке в многочисленных периодических изданиях Киева, Львова, Чернигова и т. д. А. И. внимательно следил за вновь появлявшимися в это время переводами произведений Пушкина на украинский язык (отметим его статью «Геній російської поезії. До виходу творів О. С. Пушкіна в українському перекладі». «Радянська Україна, 1954, 14 травня), продолжал свои разыскания в области взаимосвязей двух братских культур — русской и украинской — и той особой роли, какую играл в истории их взаимоотношений Пушкин. В 1954 году А. И. выступил на VI Всесоюзной Пушкинской конференции с обобщающим докладом «Образ Пушкина в украинской советской литературе» (см. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1954, т. 13, вып. 5, стр. 492—493); полностью он был напечатан под названием «Пушкин и Украина» («Наукові записки Київського університету ім. Т. Г. Шевченка», т. 13, вип. 2, Збірник філологічного факультету, № 6, Київ, 1954, стр. 61—119).

Обновленный и усиленный всенародными Пушкинскими торжествами 1949 года интерес А. И. к Пушкину был источником задуманного им цикла статей под общим заглавием: «Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина». В печати появилось лишь два этюда из этого цикла (на русском языке), анализирующие два шедевра пушкинской лирики: «Я помню чудное мгновенье» («Наукові записки Київського університету ім. Т. Г. Шевченка», т. 12, вип. 5, Филологический сборник, 1953,

№ 5, стр. 83—95) и «Анчар» («Научные записки Киевского университета», т. 18, вып. 2; Сборник филологического факультета, № 12, 1959, стр. 5—19). Эти статьи А. И. являются едва ли не лучшими из напечатанных у нас комментариев к данным стихотворениям Пушкина: оба этюда отличаются богатством мыслей, свежесть и оригинальность документации, мастерство изложения. Замыслы других статей данного цикла, к сожалению, остались неосуществленными. Однако в богатом архиве А. И. сохранилось немало подготовительных к ним отрывков и других материалов о Пушкине, которые, надо надеяться, со временем будут изданы.

Некрологи А. И. Белецкого см. в следующих изданиях: 1) «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1961, т. XX, вып. 6, стр. 552—553 (Н. Е. Крутикова); 2) «Вопросы литературы», 1961, № 12, стр. 187—192 (Н. Гудзий); 3) «Радянське літературознавство», 1961, № 5; 4) «Revue des études slaves», 1961, t. 39, fasc. 1—4, стр. 385—386 (A. Mazon); 5) «Slavia» (Praha), 1962, XXXI, seš. 1, стр. 139 (F. Wollman); 6) «Slavia Orientalis». Rocznik, XI, № 1, Warszawa, 1962, стр. 143—145 (Florian Nieuważny); 7) «Československá rusistika», 1962, VII, 1, стр. 63 (Z. Cenyk-Barezowska), а также в некоторых других зарубежных изданиях и в ряде советских газет.

Г. П. БЛОК

26 февраля 1962 года в Ленинграде скончался член комиссии Георгий Петрович Блок. Г. П. родился в 1888 году в Петербурге, где после окончания гимназии (1906) и Александровского лицея (1909) он в 1921 году поступил на работу в Пушкинский дом ученым хранителем рукописей. Работа над изучением архива Фета положила начало литературоведческой деятельности Г. П. Блока. Первые работы Г. П. были посвящены Фету («Рождение поэта») и Л. Толстому. Впоследствии Г. П. работает в редакции издательства «Время» в качестве организатора и редактора «Полного собрания сочинений» Ромен Роллана и Стендаля, одновременно занимаясь и переводами сочинений этих авторов, а также переводами некоторых произведений Вольтера и Роже Мартена дю Гара. В 1938 году Г. П. был привлечен к работе над «Полным собранием сочинений» А. С. Пушкина, предпринятым Академией наук СССР. Около двух лет работы Г. П. заняло составление вышедшего в свет в 1940 году указателя к IX тому академического собрания сочинений Пушкина, заменяющего реальный комментарий (объемом 13,5 п. л.). Работа над подготовкой к изданию IX тома академического собрания сочинений Пушкина («История Пугачева») вовлекла Г. П. в изучение литературы и языка XVIII века, которое не прерывалось до конца жизни ученого. Это изучение дало исходные материалы для его кандидатской диссертации «Пушкин в работе над историческими источниками». Работая в предвоенные годы над диссертацией, Г. П. пишет ряд статей и очерков о Пугачеве и пугачевцах для «Справочника по Пушкину», который не увидел свет, а рукописи этих статей затерялись в издательском архиве. В 1940 году в №№ 10, 11 журнала «Звезда» появилась статья Г. П. Блока «Путь в Берду» (Пушкин и Шванвичи). В конце 1946 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького состоялась защита кандидатской диссертации Г. П., в которой была подвергнута тщательному анализу работа Пушкина над «Историей Пугачева». В 1949 году эта работа была издана отдельной книгой Издательством АН СССР: «Пушкин в работе над историческими источниками» (216 стр.). Автор поставил интересную задачу: изучить исследователское мастерство Пушкина и стилистические особенности его исторического изложения, заметно отличающие «Историю Пугачева» от других прозаических его произведений. Тщательному анализу подвергнуты сочинения о Пугачеве на иностранных языках, бывшие в руках Пушкина из которых он взял много явных и скрытых цитат (роман «Ложный Петр III», публикация Бюшинга, книги Шерера, Танненберга, Кастера,

Тука, Бергмана и др.). Г. П. с тонким умением филолога-аналитика исследовал процессы подбора этих цитат у Пушкина, их переработки, подчинения чужой речи нормам пушкинского стиля, и это позволило «оценить значение одной из замечательнейших побед Пушкина в деле создания новой русской исторической прозы». Указанная монография Г. П. заняла видное место среди исследований о Пушкине-историке.

Последние годы жизни Г. П. работал над изданием академического «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова, являясь редактором, составителем и автором вводных статей и значительной части примечаний к четырем томам этого собрания. Будучи с 1956 года членом главной редакции этого академического издания, Г. П. принимал участие и в выпуске всех других томов. В 1952 году Г. П. был введен в состав главной редколлегии четырехтомного «Словаря русского языка». Бюро Отделения литературы и языка АН СССР ввело его в состав членов Словарной комиссии при Отделении. Список научных трудов покойного насчитывает около 60 названий.

Б. В. КАЗАНСКИЙ

4 февраля 1962 года в Ленинграде скончался член комиссии, профессор Ленинградского университета Борис Васильевич Казанский. Б. В. родился в 1889 году в г. Новозыбкове. Окончив Петербургскую гимназию (1908), он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. По окончании университета Б. В. был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии. В 1917 году Б. В. был зачислен приват-доцентом университета с откомандированием его в Пермский университет, где он и пробыл до 1920 года. В Ленинградском университете, в котором протекла почти вся научно-педагогическая деятельность Б. В. — выдающегося знатока античной литературы, он читал общие курсы и вел семинарские занятия, а в 1955—1957 годах возглавлял кафедру классической филологии. В 1959 году Б. В. ушел на пенсию. Печатные труды Б. В. — оригинальные исследования об античных обрядах, поздней римской биографической литературе, античном театре, греческой драматургии и ее теории, античном стихосложении. Б. В. был также переводчиком (Лукиан, Гораций). Будучи филологом широкого профиля с широкой литературоведческой и лингвистической эрудицией, Б. В. часто выходил за пределы классической филологии. Значителен вклад Б. В. также в пушкиноведении. Ряд статей Б. В. посвящен обстоятельствам дуэли и смерти Пушкина. В 1928 году появилась его статья «Гибель Пушкина» («Звезда», 1928, № 1, стр. 102—117), явившаяся кратким изложением соображений автора об обстоятельствах, приведших Пушкина к катастрофе и трагической смерти; эти соображения легли в основу записки, представленной в художественное бюро Севзапкино в начале января 1926 года, и послужили канвой для фильма «Поэт и царь». Здесь впервые было высказано предположение, впоследствии нашедшее широкое признание, что гибель поэта была результатом тонкой придворной интриги, а не только лишь его личной драмы. Опубликовав большой критический обзор — «Разработка биографии Пушкина» («Литературное наследство», 1934, № 16—18, стр. 1137—1155), — Б. В. сосредоточил свои собственные исследования на последнем периоде биографии Пушкина. Далее появились: «Разорванные письма» («Звезда», 1934, № 3, стр. 141—149) — о черновиках писем Пушкина к Геккерену, «Письмо Пушкина Геккерену» («Звенья», М., 1936, т. VI, стр. 5—93), «Загадочный отрывок Пушкина» (там же, стр. 94—100) — анализ пропущенных строк на листе с черновиком письма Пушкина к Бенкендорфу (от 21 ноября 1836 года), «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина» (из собрания П. Е. Щеголева) («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 1, 1936, стр. 236—249), «Дневник Пушкина» (там же, стр. 265—282), «Иностранцы о дуэли и смерти Пушкина» («Литературный современник», 1938, № 1, стр. 308—

312), «Голландские документы о гибели Пушкина» (там же, № 2, стр. 221—227). Последняя публикация является русским переводом с комментариев Б. В. донесений Геккерена и секретаря голландского посольства в Петербурге Гевера голландскому министру иностранных дел, обнаруженных в архивах Гааги и напечатанных в «Revue des Études slaves» за 1937 год. Отметим еще «Письма Пушкина» («Литературный критик», 1937, № 2, стр. 90—105). В статье «Гибель поэта» («Литературный современник», 1937, № 3, стр. 219—243) Б. В. подытожил результаты своих многолетних исследований по выяснению причин трагической смерти Пушкина. Помимо вышеуказанных работ, Б. В. опубликовал подробный календарь последних дней Пушкина («Литературный Ленинград», 1936, № 53; 1937, №№ 5, 6, 7 и 8), сделал критический обзор литературы о гибели поэта с 1837 по 1937 годы («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 3, 1937, стр. 445—457).

Следует назвать и ряд других работ Б. В., среди которых обращает на себя внимание статья «Разговоры с англичанином» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 2, 1936, стр. 302—314), представляющая собой выдержки из дневника английского путешественника К. Френкленда о его встречах с Пушкиным в Петербурге в 1830—1831 годах (Narrative of a visit to the Courts of Russia and Sweden... by Captain C. Collville Frankland. London, 1832). Перу Б. В. принадлежит интересный обзор: «Западно-европейская критика о Пушкине» («Литературный критик», 1937, № 4, стр. 112—144) и статья «Западные образцы „Современника“» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 6, 1941, стр. 375—381), а также ряд рецензий, написанных на работы Л. Гроссмана, В. Вересаева и др. Б. В. известен и как автор научно-популярных книг, получивших хорошую оценку советских читателей. Среди них «Приключения слов» (1931), «Из-под пыли веков» (1939), «В мире слов» (1958). Б. В. был членом Союза писателей СССР. Последние годы Б. В. продолжал углубленно работать над материалами, связанными с обстоятельствами дуэли и смерти Пушкина, однако большой его труд остался в рукописи.

Н. Н. ФАТОВ

27 августа 1961 года в г. Черновцах умер профессор Черновицкого университета Николай Николаевич Фатов. Н. Н. Фатов родился в 1887 году. Окончив еще в дореволюционные годы Московский университет, он готовился к научной деятельности под руководством профессора, впоследствии академика П. Н. Сакулина. В начале 20-х годов Н. Н. начал читать лекции в Московском университете, а в 1928 году стал его профессором. В эту пору его деятельности он много времени отдавал литературной критике и был тесно связан с рядом советских писателей (Д. Бедным, Ф. Gladковым и др.). В 1929 году Н. Н. уезжает в г. Алма-Ату, готовится здесь открытию первого Казахского университета, затем работает в Ставрополе и в столице Марийской АССР Йошкар-Оле. Последние шестнадцать лет своей жизни Н. Н. отдал Черновицкому университету, в котором он руководил кафедрой русской литературы.

Н. Н. принадлежит свыше 100 печатных научных работ, посвященных разнообразным вопросам истории русской литературы XIX—XX веков. Среди них особенно много посвящено Пушкину. Изучение биографии и творческого наследия великого русского поэта Н. Н. считал главным делом своей жизни. Еще до революции Н. Н. напечатал ряд рецензий в журнале «Вестник воспитания» (1915—1916 годы) на появившиеся в то время новые издания сочинений Пушкина (IV том академического издания, IV том издания Брокгауза—Ефрона под ред. С. А. Венгерова) и новинки пушкиноведческой литературы («Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII, «Пушкинист», вып. I—II). В последующие годы Н. Н. также охотно откликнулся на вновь выходящие работы о Пушкине, печатая рецензии на них в разнообразных периодических изданиях. В 1921 году вышла первая

книга Н. Н. о Пушкине: «А. С. Пушкин. Научно-популярный очерк» (ГИЗ, 1921, 70 стр.), за ней последовали многие другие издания, целью которых являлась важная в те годы задача — популяризация Пушкина среди широких читательских масс. Наряду с этим уже с середины 20-х годов Н. Н. начал публиковать работы научного характера о Пушкине, содержащие в себе новые данные и соображения по многим спорным вопросам пушкиноведения.

Существенное значение для того времени имело начатое Н. Н. «Описание пушкинских рукописей библиотеки им. В. И. Ленина (б. Румянцевского музея)» в сборнике Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности (Пушкин. М., 1924, стр. 1—32, особая пагинация). К этой работе примыкает и другая статья, опубликованная им во 2-м выпуске того же издания (М., 1930, «Дефинитивный текст стихотворения Пушкина „19 октября (1825)“», стр. 159—187).

Из более поздних работ Н. Н., посвященных Пушкину, отметим его статьи: «Как понимать „Евгения Онегина“» («Ученые записки Марийского пединститута», т. II, 1951, стр. 135—193); «О патриотизме Пушкина» (там же, т. III, 1943, стр. 1—62); «О „Евгении Онегине“ А. С. Пушкина. К вопросу об истории создания романа» («Ученые записки Черновицкого университета», т. XIV, серия филологических наук, вып. 2, 1955, стр. 75—129); «„Эзопов язык“ Пушкина» (Сб. «Пушкин на юге», т. I, Кишинев, 1958, стр. 328—339); «Чехов о Пушкине» (Материалы и сообщения к конференции, посвященной столетию со дня рождения А. П. Чехова. Черновцы, 1960, стр. 11—29); «Недоговоренности и неясности в „Евгении Онегине“ (о пути Пушкина к реализму)» («Ученые записки Черновицкого университета», т. XXXIX, сер. филол. наук, вып. 10, стр. 3—27); «Проблема „маленьких трагедий“ Пушкина» (сб. «Пушкин на юге», т. II, Кишинев, 1960, стр. 30—57).

В конце 50-х годов Н. Н. задумал издать «Спецкурс о Пушкине», предназначенный как руководство для молодых пушкиноведов. В основу этого издания положены были лекции о Пушкине, читанные Н. Н. на филологическом факультете Черновицкого университета. Издание выпускалось в Черновицах, однако его не удалось осуществить в полном виде и оно выходило в свет отдельными выпусками. Опубликованы были следующие выпуски: 1) Лекция 1. Пушкин и его изучение. Учебное пособие для студентов (1958, 28 стр.); 2) Лекция 2. О пушкинском тексте (1958, 30 стр.); 3) Лекции 3 и 4. История изданий сочинений Пушкина (1959, 67 стр.); 4) Лекция 5. Пушкинская документация (1959, 34 стр.); 5) Лекция 11. Период от лица до ссылки, ч. I (1960, 55 стр.); 6) Лекция 17. Михайловский период, ч. II (1960, 75 стр.); 7) Лекция 18. Михайловский период, ч. III (1961, 67 стр.); 8) Лекция 19. Период «скитаний», ч. 1 (1960, 50 стр.). Последним печатным трудом Н. Н. была статья: «Дискуссионные вопросы в связи с „Вольностью“ и „Деревней“ Пушкина». — («Научные доклады Высшей школы», Филолог. науки, 1961, № 4, стр. 156—158).

В рукописи остались монография «Евгений Онегин» (законченная в 1958 г., 420 стр. машинописи), ряд лекций из «Спецкурса о Пушкине» и несколько статей. Некрологи Н. Н. помещены в газ. «Радянська Буковина», 1961, 29 августа и в газете «Радянський студент» (Черновцы), 1961, 17 августа, № 23 (382).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Письмо Пушкина к А. П. Керн от 13—14 августа 1825 года. 4-я страница. (Стр. 12—13).

Подорожная, выданная Пушкину при отправлении его в ссылку в 1820 году. (Стр. 16—17).

Торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня смерти Пушкина в Большом театре СССР. Фот. (Стр. 84—85).

Торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня смерти Пушкина в Ленинградском государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина. Фот. (Стр. 84—85).

Дом в Тригорском. Фот. 1962 года. (Стр. 88—89).

Скульптура Пушкина в Дарьяльском ущелье. Фот. С. Онанова и А. Вигнанского. (Стр. 88—89).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Последние приобретения Пушкинского рукописного фонда	9
О. С. Соловьева. Новые данные об автографах Пушкина	9
Я. Л. Левкович. Автографическая запись Пушкина	19
М. П. Алексеев. К источникам «Подражаний древним» Пушкина	20
Н. В. Измайлов. Пушкин в переписке и дневниках современников. 1. П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков о Пушкине. (Отзывы 1815 и 1818 годов)	29
2. Пушкин в дневнике гр. Д. Ф. Фикельмон	29
32	
Е. В. Муза и Д. В. Сеземан. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина	38
Л. В. Крестова. Пушкин и декабристы	41
М. И. Гиллельсон. Отзыв современника о «Пире Петра Первого» Пушкина	49
Ю. М. Лотман. Из истории полемики вокруг седьмой главы «Евгения Онегина» (Письмо Е. М. Хитрово к неизвестному издателю)	52

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1961—1962 годов	58
В. Э. Вадуро. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1961—1962)	63

III. ХРОН

Пушкинские дни 1962 года	84
Новые памятники Пушкину	97
Некрологи	100
Список иллюстраций	106

ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЕ КОМИТЕТ

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *И. С. Дементьева, Л. З. Фрадкина*
и *Г. И. Шер*

Сдано в набор 11/III 1963 г. Подписано к печати 5/VIII 1963 г. РИСО АН СССР № 10—2Р. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 3³/₈. Печ. л. 6³/₄ = 6³/₄ усл. печ. л. + 4 вкл. Уч.-изд. л. 7.66 + 4 вкл. (0.54). Изд. № 2018. Тип. зак. № 93. М-21189. Тираж 3600.

Цена 50 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12